Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Казахстан Спектр

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
2
2026
www.kisi.kz

Институционализация духовной дипломатии Казахстана в контексте гуманитарного измерения международных отношений
Борис Поломарчук, Наталья Калашникова, Рафик Усманов

Сельский электорат в Казахстане: между дисциплинарным голосованием и осознанным выбором
Гульмира Илеуова, Нұрлы Марасулов, Гульнар Насимова

Транспарентность и местное самоуправление в Казахстане: зарубежный опыт и децентрализация
Нұржан Болатұлы, Руслан Мақсат, Данагуль Копежанова

Фундаментальные компоненты и динамика идентификационных процессов в Казахстане
Бауржан Шериязданов, Тенгеш Каленова, Гаухар Абдрахманова

Миграционная политика Казахстана и правовое обеспечение адаптации репатриантов
Назгуль Байгабатова, Дания Нұрмуханқызы

Цифровые практики молодежи и политическая коммуникация в Казахстане: социально-образовательные последствия использования социальных сетей
Акежан Кенесов, Айдар Амребаев

Политические риски транзита власти в странах Центральной Азии
Дина Кызырбек

О некоторых перспективах создания международного хаба как платформы для медиации межгосударственных споров и продвижения вопросов ядерного разоружения
Алимжан Иржанов

Системно-факторный анализ технологического лидерства КНР в глобальном энергопереходе: стратегические ориентиры для Казахстана
Ербулат Сейлеханов, Малик Мусин

Социотехническое влияние ИИ в управлении человеческими ресурсами: гендерный разрыв в оплате труда в Казахстане
Мадина Ишкибаева, Данияр Калдияров, Аида Усенова

Сокращение территориального неравенства путем развития социально-экономической инфраструктуры
Лазат Спанкулова, Айтолкын Молдагалиева, Илан Саткали, Сания Кабдрахманова

Повышение финансовой самостоятельности местных бюджетов как направление совершенствования межбюджетных отношений в Республике Казахстан
Ерлан Кылбаев, Меирхан Толешов

ISSN 1562-6318
9 771562 631162 02

Содержание

ВЗГЛЯДЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ДИСКУССИИ

Борис Поломарчук
Наталья Калашникова
Рафик Усманов
Институционализация духовной дипломатии Казахстана в контексте гуманитарного измерения международных отношений 7

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

Гульмира Илеуова
Нұрлы Марасулов
Гульнар Насимова
Сельский электорат в Казахстане: между дисциплинарным голосованием и осознанным выбором 27

Нұржан Болатұлы
Руслан Мақсат
Данагуль Копежанова
Транспарентность и местное самоуправление в Казахстане: зарубежный опыт и децентрализация 46

Бауржан Шериязданов
Тенгеш Каленова
Гаухар Абдрахманова
Фундаментальные компоненты и динамика идентификационных процессов в Казахстане 58

Назгуль Байгабатова
Дания Нұрмуханқызы
Миграционная политика Казахстана и правовое обеспечение адаптации репатриантов 73

Акежан Кенесов
Айдар Амребаев
Цифровые практики молодежи и политическая коммуникация в Казахстане: социально-образовательные последствия использования социальных сетей 90

Дина Кызырбек
Политические риски транзита власти в странах Центральной Азии 100

Алимжан Иржанов
О некоторых перспективах создания международного хаба как платформы для медиации межгосударственных споров и продвижения вопросов ядерного разоружения 120

АКТУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Ербулат Сейлеханов
Малик Мусин
Системно-факторный анализ технологического лидерства КНР в глобальном энергопереходе: стратегические ориентиры для Казахстана 135

Мадина Ишкибаева
Данияр Калдияров
Аида Усенова
Социотехническое влияние ИИ в управлении человеческими ресурсами: гендерный разрыв в оплате труда в Казахстане 153

Лазат Спанкулова
Айтолкын Молдагалиева
Илан Саткали
Сания Кабдрахманова
Сокращение территориального неравенства путем развития социально-экономической инфраструктуры 166

Ерлан Кылбаев
Меирхан Толешов
Повышение финансовой самостоятельности местных бюджетов как направление совершенствования межбюджетных отношений в Республике Казахстан 182

Казахстан Спектр
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Асель Назарбетова,**
Руководитель Представительства КИСИ при Президенте РК в г. Алматы

Верстка: Меруерт Әсіл
Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Бейбитшилик 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644. ISSN 1562-6318
При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
Отпечатано в.
Тираж:

Мазмұны

КӨЗҚАРАС. ОЙ-ПІКІР. ТАЛҚЫЛАУ

Борис Поломарчук
Наталья Калашникова
Рафик Усманов
Халықаралық қатынастарды гуманитарлық өлшеу контекстінде Қазақстанның рухани дипломатиясын институттандыру 7

САЯСАТ ЖӘНЕ ҚОҒАМ

Гульмира Илеуова
Нұрлы Марасулов
Гульнар Насимова
Қазақстандағы ауылдық электорат: тәртіптік дауыс беру мен саналы таңдау арасында 27

Нұржан Болатұлы
Руслан Мақсат
Данагүл Көпежанова
Қазақстандағы транспаренттік пен жергілікті өзін-өзі басқару: шетелдік тәжірибе және децентрализация 46

Бауржан Шериязданов
Теңгеш Қаленова
Гаухар Абдрахманова
Қазақстандағы бірегейлік процестерінің негізгі компоненттері мен динамикасы 58

Назгүл Байғабатова
Дания Нұрмуханқызы
Қазақстанның көші-қон саясаты және репатрианттардың бейімделуін құқықтық қамтамасыз ету 73

Әкежан Кеңесов
Айдар Амребаев
Қазақстандағы жастардың цифрлық тәжірибелері және саяси коммуникация: әлеуметтік желілерді пайдаланудың әлеуметтік-білімдік салдары. 90

Дина Қызырбек
Орталық Азия елдеріндегі билік транзитінің саяси тәуекелдері 100

Алимжан Иржанов
Мемлекетаралық дауларды медиациялау және ядролық қарусыздану мәселелерін ілгерілету үшін платформа ретінде халықаралық хаб құрудың кейбір перспективалары туралы 120

ӨЗЕКТІ ЭКОНОМИКА

Ерболат Сейлеханов
Малик Мусин
Жаһандық энергиялық ауысудағы ҚХР технологиялық көшбасшылығын жүйелік-факторлық талдау: Қазақстан үшін стратегиялық бағдарлар 135

Мадина Ишкибаева
Данияр Қалдияров
Аида Усенова
Адам ресурстарын басқарудағы жасанды интеллектінің әлеуметтік-техникалық әсері: Қазақстандағы гендерлік еңбекақы алшақтығы 153

Лазат Спанқұлова
Айтолқын Молдағалиева
Илан Сатқали
Сания Кабдрахманова
Әлеуметтік-экономикалық инфрақұрылымды дамыту арқылы аумақтық теңсіздікті азайту 166

Ерлан Қылбаев
Мейірхан Төлешов
Қазақстан Республикасындағы бюджетаралық қатынастарды жетілдіру бағыты ретінде жергілікті бюджеттердің қаржылық дербестігін арттыру. 182

Казахстан Спектр НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институты

Бас редактор **Әсел Назарбетова,**
Алматы қаласындағы ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ өкілдігінің басшысы

Беттеу: Меруерт Әсіл
Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы, 010000, Астана қ., Бейбітшілік көшесі 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21.
E-mail: office@kisi.kz.
Журнал ҚР Баспа ісі және бұқаралық ақпарат жөніндегі ұлттық агенттікте 1997 жылдың 8 қыркүйегінде тіркелген, тіркеу куәлігінің №644. ISSN 1562-6318
Журналда жарияланған материалдарды көшіріп басқан жағдайда журналға сілтеме жасалынуы міндетті.
Жарияланған мақала авторларының пікірі редакция көзқарасын білдірмеуі мүмкін. Таралымы: .

1994 жылдың қазанынан тоқсан сайын шығып тұрады.

Contents

VIEWS. THINKING. DISCUSSIONS

Boris Polomarchuk, Natalia Kalashnikova, Rafik Usmanov — Institutionalization of Kazakhstan's Spiritual Diplomacy in the Context of the Humanitarian Dimension of International Relations 7

POLITICS AND SOCIETY

Gulmira Ileuova, Nurly Marasulov, Gulnar Nassimova — The Rural Electorate in Kazakhstan: between electoral Discipline and informed Choice 27

Nurzhan Bolatuly, Ruslan Maksat, Danagul Kopezhanova — Transparency and Local Self-government in Kazakhstan: Foreign Experience and Decentralization 46

Baurzhan Sheriyazdanov, Tengesh Kalenova, Gaukhar Abdrakhmanova — Fundamental Components and Dynamics of Identity Formation Processes in Kazakhstan 58

Nazgul Baigabatova, Daniya Nurmukhankyzy — Migration Policy of Kazakhstan and legal Support for the Adaptation of Repatriates 73

Akezhan Kenesov, Aidar Amrebaev — Youth Digital Practices and Political Communication in Kazakhstan: Socio-educational Implications of Social Media Use 90

Dina Kyzyrbek — Political Risks of Power Transit in Central Asian Countries 100

Alimzhan Irzhanov — On Certain Aspects of Establishing an International Hub for Mediation in Interstate Disputes and Nuclear Disarmament 120

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMICS

Yerbulat Seilekhanov, Malik Musin — Systemic and Factor Analysis of China's Technological Leadership in the Global Energy Transition: Strategic Benchmarks for Kazakhstan 135

Madina Ishkibayeva, Daniyar Kaldiyarov, Aida Ussenova — The Socio-technical Impact of AI in HRM: the Gender Pay Gap in Kazakhstan 153

Lazat Spankulova, Aitolkyn Moldagaliyeva, Ilan Satkali, Saniya Kabdrakhmanova — Reducing Territorial Inequality Through the Development of Socio-economic Infrastructure 166

Yerlan Kylbayev, Meyrkhan Toleshov — Enhancing the Financial Autonomy of Local Budgets as a Direction for Improving Intergovernmental Fiscal Relations in the Republic of Kazakhstan 182

Казахстан Спектр НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

The Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan

Quarterly since October 1994

Editor in Chief **Assel Nazarbetova,**
Head of the Representative Office of the KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan in Almaty

Layout: Meruert Asyl
Address: 4 Beibitshilik str., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan.
Phone: 8 (7172) 75 20 20. Fax: 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
The journal was registered by the National Agency of press and information of the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644. ISSN 1562-6318

All copies from this journal should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.

Printed by.
Copies: .

Редакционный совет

Санат Кушкумбаев – Председатель Редакционного совета, главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук

Марлен Ларюэль – Директор Института европейских, российских и евразийских исследований Школы международных отношений Эллиота Университета Вашингтона, Ph.D. (США)

Тимур Дадабаев – Доцент кафедры международных отношений Университета Цукуба, Ph.D. (Япония)

Адриен Фов – Ассистент-профессор кафедры политики и международных отношений в Университете Пари-Сюд, Ph.D. (Франция)

Беате Эшмент – Научный сотрудник Центра восточноевропейских и международных исследований, Ph.D. (Германия)

Хорос Йенг – Ассоциированный профессор коммерческого права Школы права Лестера Лестерского университета, Ph.D. (Великобритания)

Мартон Краснай – Научный директор Центра исследований Центральной Азии при Университете Корвинуса, Ph.D. (Венгрия)

Гульнара Насимова – Заведующая кафедрой политологии и политтехнологий Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор политических наук, профессор

Дастан Кошербаев – Директор Института прикладных исследований Академии госуправления при Президенте РК, кандидат политических наук

Рахман Алшанов – Президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор

Анар Есенгельдина – Заведующая отделом профессионального развития Центра исследований, анализа и оценки эффективности при Высшей аудиторской палате РК, кандидат экономических наук, профессор

Редакционная коллегия

Асель Назарбетова – Шеф-редактор, руководитель Представительства КИСИ в г. Алматы, Ph.D. по политологии

Алуа Жолдыбалина – Заместитель директора КИСИ при Президенте РК, Ph.D. по политологии, ассоциированный профессор

Айгуль Кошербаева – Ученый секретарь КИСИ при Президенте РК, доктор экономических наук, профессор

Асель Абен – Главный эксперт КИСИ при Президенте РК, Ph.D. по экономике

Редакциялық кеңес

Санат Көшкімбаев – Редакциялық кеңес төрағасы, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ бас ғылыми қызметкері, саяси ғылымдарының докторы

Марлен Ларюэль – Вашингтон университеті Эллиот халықаралық қатынастар мектебінің Еуропа, Ресей және Еуразиялық зерттеулер институтының директоры, Ph.D. (АҚШ)

Тимур Дадабаев – Цукуба университетінің Халықаралық қатынастар кафедрасының доценті, Ph.D. (Жапония)

Адриен Фов – Пари-Сюд университетінің Саясат және халықаралық қатынастар кафедрасының ассистент-профессоры, Ph.D. (Франция)

Беате Эшмент – Шығыс Еуропа және халықаралық зерттеулер орталығының ғылыми қызметкері, Ph.D. (Германия)

Хорос Йенг – Лестер университетінің Лестер заң мектебінің коммерциялық құқық кафедрасының қауымдастырылған профессоры, Ph.D. (Ұлыбритания)

Мартон Краснай – Корвинус университетінің Орталық Азияны зерттеу орталығының ғылыми директоры, Ph.D. (Венгрия)

Гүлнара Насимова – Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының меңгерушісі, саяси ғылымдарының докторы, профессор

Дастан Көшербаев – ҚР Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Қолданбалы зерттеулер институтының директоры, саяси ғылымдарының кандидаты

Рахман Алшанов – «Тұран» білім беру корпорациясының президенті, Қазақстан Республикасы жоғары оқу орындары қауымдастығының президенті, экономика ғылымдарының докторы, профессор

Анар Есенгелдина – ҚР Жоғарғы есеп палатасы жанындағы Ғылыми-зерттеу, талдау және қызметтің тиімділігін бағалау орталығының біліктілікті арттыру бөлімінің меңгерушісі, экономика ғылымдарының кандидаты, профессор

Редакциялық ұжым

Әсел Назарбетова – Бас редактор, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ Алматы қаласындағы Өкілдігінің басшысы, Ph.D.

Алуа Жолдыбалина – ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ директорының орынбасары, Ph.D., қауымдастырылған профессор

Айгүл Көшербаева – ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ ғалым хатшысы, экономика ғылымдарының докторы, профессор

Әсел Әбен – ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ бас сарапшысы, Ph.D.

Editorial board

Sanat Kushkumbayev – Chairman of the Editorial Board, Chief Researcher at the Kazakhstan Institute for Strategic Studies (KazISS), Doctor of Political Science

Marlene Laruelle – Director of the Institute for European, Russian and Eurasian Studies at the Elliott School of International Affairs, George Washington University, Ph.D. (USA)

Timur Dadabayev – Associate Professor of International Relations Department at the University of Tsukuba, Ph.D. (Japan)

Adrien Fauve – Assistant Professor of Politics and International Relations at the University of Paris-Sud, Ph.D. (France)

Beate Eschment – Research Fellow at the Center for East European and International Studies, Ph.D. (Germany)

Horace Yeung – Associate Professor in Commercial Law at Leicester Law School, University of Leicester, Ph.D. (United Kingdom)

Marton Krasznai – Scientific Director of the Center for Central Asian Studies at Corvinus University, Ph.D. (Hungary)

Gulnara Nassimova – Head of the Department of Political Science and Political Technologies of the Kazakh National University named after Al-Farabi, Doctor of Political Sciences, Professor

Dastan Kosherbayev – Director of the Institute of Applied Research of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Political Sciences

Rakhman Alshanov – President of the educational corporation "Turan", President of the Association of Higher Educational Institutions of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Economic Sciences, Professor

Anar Esengeldina – Head of the Department of Professional Development of the Center for Research, Analysis and Evaluation of Performance under the Supreme Audit Chamber of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Economic Sciences, Professor

Editorial team

Assel Nazarbetova – Chief Editor, Head of the Representative Office of KazISS in Almaty, Ph.D. in Political Science

Alua Zholdybalina – Deputy Director of KazISS, Ph.D. in Political Science, Associate Professor

Aigul Kosherbayeva – Academic Secretary of KazISS, Doctor of Economics, Professor

Assel Aben – Chief Expert of KazISS, Ph.D. in Economics

МРНТИ
11.25.91

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДУХОВНОЙ ДИПЛОМАТИИ КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНОГО ИЗМЕРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Борис Поломарчук[1*]
Наталья Калашникова[2]
Рафик Усманов[3]

[1*]Докторант кафедры Ассамблеи народа Казахстана, магистр социальных наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан; e-mail: borisvictor@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3301-5965
[2] Профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, доктор политических наук, Астана, Казахстан; e-mail: nerush50@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7667-0383
[3] Профессор Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева, доктор политических наук, Астрахань, Россия; e-mail: usmanr@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2502-7667

https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.2.001

Аннотация. В статье рассматривается феномен духовной дипломатии как перспективное направление гуманитарного измерения международных отношений, направленное на укрепление глобальной архитектуры мира. На примере Республики Казахстан исследуется процесс формирования и институционализации духовной дипломатии, выраженной в таких инициативах, как Съезды лидеров мировых и традиционных религий, деятельность Ассамблеи народа Казахстана и других общественных институтов, создание Международного центра межрелигиозного и межцивилизационного диалога.

Особое внимание уделяется концептуальному осмыслению духовной дипломатии как формы «мягкой силы», объединяющей морально-нравственные и политико-дипломатические ресурсы государства. Анализируются теоретические подходы к пониманию духовной дипломатии в трудах зарубежных и казахстан-

ских исследователей, а также ее практическое применение в контексте миротворчества, межкультурного взаимодействия в условиях нарастающего глобального управления. В статье раскрывается гуманистическая миссия Казахстана как посредника между Востоком и Западом, способного формировать универсальный язык ценностей, основанный на идеях толерантности, справедливости и солидарности.

В научной статье делается вывод о стратегической значимости духовной дипломатии для укрепления доверия, в предупреждении и управлении конфликтами, продвижении принципов устойчивого развития в мировом сообществе.

***Ключевые слова**: духовная дипломатия, народная дипломатия, межрелигиозный диалог, мягкая сила, глобальное управление, Ассамблея народа Казахстана, культура мира, толерантность, Съезд лидеров мировых и традиционных религий, этнополитика.*

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРДЫ ГУМАНИТАРЛЫҚ ӨЛШЕУ КОНТЕКСТІНДЕ ҚАЗАҚСТАННЫҢ РУХАНИ ДИПЛОМАТИЯСЫН ИНСТИТУТТАНДЫРУ

Борис Поломарчук[1*], Наталья Калашникова[2], Рафик Усманов[3]

[1*]Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті Қазақстан халқы Ассамблеясы кафедрасының докторанты, әлеуметтік ғылымдар магистрі

[2] Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры, саяси ғылымдарының докторы

[3] В.Н. Татищев атындағы Астрахань мемлекеттік университетінің профессоры, саяси ғылымдарының докторы.

Аңдатпа. Мақалада рухани дипломатия құбылысы әлемнің жаһандық архитектурасын нығайтуға бағытталған халықаралық қатынастарды гуманитарлық өлшеудің перспективалық бағыты ретінде қарастырылады. Қазақстан Республикасының мысалында әлемдік және дәстүрлі діндер көшбасшыларының съездері, Қазақстан халқы Ассамблеясының қызметі, дінаралық және өркениетаралық диалогтың халықаралық орталығын құру сияқты бастамаларда көрсетілген рухани дипломатияны қалыптастыру және институттандыру процесі зерттеледі.

Рухани дипломатияны мемлекеттің моральдық-адамгершілік және саяси-дипломатиялық ресурстарын біріктіретін «жұмсақ күш» нысаны ретінде тұжырымдамалық түсінуге ерекше назар аударылады. Шетелдік және қазақстандық зерттеушілердің еңбектеріндегі рухани дипломатияны түсінудің теориялық тәсілдері, сондай-ақ оны бітімгершілік, өсіп келе жатқан жаһандық басқару жағдайындағы мәдениетаралық өзара іс-қимыл контекстінде практикалық қолдану талданады. Мақалада Қазақстанның толеранттылық, әділдік және ынтымақтастық идеяларына негізделген құндылықтардың әмбебап тілін қалыптастыруға қабілетті Шығыс пен Батыс арасындағы делдал ретіндегі гуманистік миссиясы ашылады.

Ғылыми мақалада рухани дипломатияның сенімділікті нығайту, қақтығыстардың алдын алу және басқару, әлемдік қоғамдастықта тұрақты даму қағидаттарын ілгерілетудегі стратегиялық маңызы туралы қорытынды жасалады.

***Түйін сөздер**: рухани дипломатия, халықтық дипломатия, дінаралық диалог, жұмсақ күш, жаһандық басқару, Қазақстан халқы Ассамблеясы, бейбітшілік мәдениеті, Толеранттылық, әлемдік және дәстүрлі діндер көшбасшыларының съезі, этносаясат.*

INSTITUTIONALIZATION OF KAZAKHSTAN'S SPIRITUAL DIPLOMACY IN THE CONTEXT OF THE HUMANITARIAN DIMENSION OF INTERNATIONAL RELATIONS

Boris Polomarchuk[1*], Natalia Kalashnikova[2], Rafik Usmanov[3]

[1*]Doctoral student of the Department of the Assembly of the People of Kazakhstan, L.N.Gumilyov Eurasian National University, Master of Social Sciences

[2] Professor, L.N.Gumilyov Eurasian National University, Doctor of Political Sciences

[3] Professor, Astrakhan State University named after V.N.Tatishchev, Doctor of Political Sciences

Abstract. The article examines the phenomenon of spiritual diplomacy as a promising area of the humanitarian dimension of international relations aimed at strengthening the global architecture of peace. Using the example of the Republic of Kazakhstan, the author examines the process of formation and institutionalization of spiritual diplomacy, expressed in such initiatives as Congresses of Leaders of World and Traditional Religions, the activities of the Assembly of the People of Kazakhstan and the creation of the International Center for Interreligious and Intercivilizational Dialogue.

Special attention is paid to the conceptual understanding of spiritual diplomacy as a form of «soft power» that unites the moral and political and diplomatic resources of the state. The article analyzes theoretical approaches to understanding spiritual diplomacy in the works of foreign and Kazakhstani researchers, as well as its practical application in the context of peacemaking, intercultural interaction in the context of growing global governance. The article reveals the humanistic mission of Kazakhstan as an intermediary between East and West, capable of forming a universal language of values based on the ideas of tolerance, justice and solidarity.

The scientific article concludes that spiritual diplomacy is strategically important for building trust, preventing and managing conflicts, and promoting the principles of sustainable development in the global community.

***Keywords*:** *spiritual diplomacy, people's diplomacy, interreligious dialogue, soft power, global governance, Assembly of the People of Kazakhstan, culture of peace, tolerance, Congress of Leaders of World and Traditional Religions, ethnopolitics.*

Введение

Выступая на открытии VIII съезда лидеров мировых и традиционных религий, Президент Казахстана Касым-Жомарт Кемелевич Токаев представил видение Казахстаном перспективных направлений укрепления межрелигиозного и межкультурного диалога. Первым приоритетом Президент отметил важность задействования потенциала духовной дипломатии в международных отношениях. В частности, он сказал о том, что «религиозные иерархи могли бы стать моральным ядром данного движения с нейтральным, неполитизированным призывом к прекращению насилия и поиску мирных решений… у религий и в XXI веке есть мощный созидательный потенциал, который необходимо использовать в полной мере» [1].

Духовная дипломатия представляет собой форму гуманитарного взаимодействия, ориентированную на развитие доверительного диалога и сотрудничества за пределами традиционных политико-экономических механизмов международных отношений. В отличие от классической дипломатии, осно-

ванной преимущественно на рациональном расчёте и балансе сил, духовная дипломатия акцентирует внимание на ценностных, морально-нравственных и межкультурных аспектах международного взаимодействия, способствуя снижению конфликтности и укреплению взаимного доверия. С конструктивистской точки зрения духовная дипломатия может рассматриваться как механизм формирования международных норм, идентичностей и ценностных практик, влияющих на поведение государств и международных акторов в системе международных отношений.

Что же касается нашей страны, то, как отмечают ученые Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева, Калашникова Н.П. и Байтуреева К.А., «межэтнические отношения в полиэтническом и многоконфессиональном государстве, коим является Казахстан, являются важным фактором стабильного и демократического развития, инвестиционной привлекательности» [2]. И таким образом, духовная дипломатия Казахстана может рассматриваться как продолжение внутренней политики нациестроительства, направленной на укрепление социальной солидарности и репутации страны как посредника в диалоге цивилизаций.

Несмотря на рост интереса к духовной дипломатии в международных отношениях, в современной политологической литературе сохраняется недостаточная разработанность вопроса о механизмах институционализации духовной дипломатии и её роли в формировании гуманитарных механизмов международного взаимодействия. Особенно ограниченно исследован казахстанский опыт интеграции межрелигиозного диалога в систему внешнеполитических и гуманитарных практик государства.

Цель исследования заключается в выявлении институциональных механизмов формирования духовной дипломатии Казахстана и определении её функциональной роли в системе гуманитарного измерения современных международных отношений. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: раскрыть теоретические подходы к пониманию духовной дипломатии; определить особенности казахстанской модели духовной дипломатии; проанализировать институциональные механизмы её реализации; выявить потенциал духовной дипломатии Казахстана в укреплении межрелигиозного и межкультурного диалога.

Научная новизна исследования заключается в попытке систематизации казахстанской модели духовной дипломатии как институционализированной формы гуманитарного посредничества, сочетающей элементы межрелигиозного диалога, народной дипломатии и политики «мягкой силы».

Обзор литературы

В последние десятилетия академический и дипломатический дискурс проявляет все больший интерес к феномену духовной дипломатии. Данный подход стремится объединить традиционные механизмы международных отношений с моральными, этическими, религиозными и культурными основами человеческого взаимодействия.

Ранние работы, такие как, например, исследование Costas M. Constantinou «Human Diplomacy and Spirituality» [3], заложили фундаментальное понимание дипломатии как присущей человеку практики, глубоко человеческой деятельности, которая выходит за рамки рациональной и институциональной логики. Brian Cox и Daniel Philpott в своей работе «Faith-Based Diplomacy: An Ancient

Idea Newly Emergent» [4] развили эту идею, предположив, что религиозные нарративы и ритуалы являются не второстепенными явлениями, а, скорее, неотъемлемой частью установления морального порядка и легитимности в глобальной политике. Позже журнал Figueroa Press [5] официально определил религиозную дипломатию как отрасль публичной дипломатии, сочетающую моральные императивы и политические переговоры.

Далее, эти идеи развивает Giancarlo Anello в статье «Human Religiosity, Diplomacy, and the Use of Force» [6]. Здесь духовная дипломатия рассматривается как противовес милитаризованной политике. Автор подчеркивает, что признание универсальной религиозности человека может стать основой новой дипломатической этики, способной предотвратить насилие, коренящееся в культурной и религиозной изоляции.

Проблема идентичности становится ключевой областью современной научной дискуссии. В статье Heba Gamal El-Dean «Spiritual Diplomacy and the Abrahamic Identity» [7] духовная дипломатия анализируется через призму трех монотеистических традиций – иудаизма, христианства и ислама. В ней вводится концепция авраамической идентичности как межрелигиозного символа объединения, где дипломатия становится механизмом преодоления теологических и культурных разногласий. Работа M. Attumkal «The Pulse of Power in Spiritual Diplomacy» [8] дополняет этот подход, показывая, что духовная дипломатия функционирует как баланс силы и веры. Автор предлагает рассматривать духовное измерение дипломатии не как пассивную моральную основу, а как источник «мягкой силы», укрепляющий доверие и легитимность на международной арене.

Хотя во многих исследованиях духовная дипломатия рассматривалась как явление на низовом уровне или в гражданском обществе, в некоторых исследованиях подчеркивается ее институционализация в государственных и межправительственных рамках. Касым-Жомарт Токаев в статье «Духовная дипломатия Елбасы» [9] и J. Zhang в исследовании «China's Religious Diplomacy for its Belt and Road Initiative: A Review and Assessment» [10] показывают, как правительства, включая Казахстан и КНР, создают платформы для межрелигиозного диалога и включают духовные нарративы в официальный дипломатический дискурс. Magdalena Ratajczak и Marta Ryniejska-Kieldanowicz в своей работе «Faith diplomacy: religion as a tool of public diplomacy» [11] отмечают аналогичную тенденцию в европейском контексте, где религиозный диалог стал частью стратегий публичной дипломатии.

Несмотря на возросший интерес к духовной дипломатии в политической практике и научном дискурсе, её содержание остаётся концептуально неоднозначным и рассматривается исследователями как междисциплинарный феномен, сочетающий гуманитарные, религиозные, этические и политические аспекты международного взаимодействия.

В современной научной литературе отсутствует единое понимание содержания термина «духовная дипломатия», несмотря на его активное использование в политическом и академическом дискурсе. В ряде исследований духовная дипломатия фактически отождествляется с религиозной дипломатией или «дипломатией веры». Так, вышеупомянутые Brian Cox и Daniel Philpott рассматривают дипломатию, основанную на вере, прежде всего как механизм участия религиозных акторов в миротворчестве и международном посредничестве [4]. Схожего подхода придерживаются Magdalena Ratajczak и Marta Ryniejska-

Kieldanowicz, трактующие религию как инструмент публичной дипломатии и формирования международного имиджа государства [11].

В то же время ряд исследователей предлагает более широкое понимание духовной дипломатии. Costas M. Constantinou рассматривает дипломатию как глубоко гуманитарную и антропологическую практику, основанную не только на политическом расчёте, но и на ценностном взаимодействии [3]. Giancarlo Anello подчеркивает, что духовная дипломатия может выступать альтернативой силовым моделям международной политики, формируя этическое пространство предотвращения конфликтов [6]. Heba Gamal El-Dean связывает духовную дипломатию с формированием надконфессиональной «авраамической идентичности», способной снижать уровень цивилизационной конфронтации [7].

Дискуссионным остаётся и вопрос о субъектности духовной дипломатии. Если J. Zhang анализирует её преимущественно как инструмент государственной стратегии и внешнеполитического позиционирования [10], то M. Attumkal акцентирует внимание на роли религиозных сообществ, моральных авторитетов и негосударственных акторов в укреплении доверия и символической легитимности международного взаимодействия [8].

Проблема оценки эффективности духовной дипломатии связана с тем, что её результаты трудно измерить количественно, поскольку они затрагивают сферы доверия, символического влияния и межкультурной коммуникации. В этом контексте концепция «мягкой силы» Дж. Ная позволяет рассматривать духовную дипломатию как механизм формирования международной привлекательности государства через ценности, культуру и гуманитарные инициативы.

Несмотря на наличие общих гуманитарных оснований, понятия «духовная дипломатия», «религиозная дипломатия» и «народная дипломатия» не являются тождественными. Религиозная дипломатия представляет собой деятельность религиозных организаций, конфессий и духовных лидеров, направленную на развитие межрелигиозного диалога, посредничество в конфликтах и продвижение религиозно-нравственных ценностей в международной среде. Народная дипломатия предполагает развитие международных связей между обществами посредством деятельности неправительственных организаций, научного сообщества, образовательных учреждений, культурных объединений и отдельных граждан вне рамок официальной дипломатии. Духовная дипломатия имеет более широкий характер и включает как религиозные, так и светские гуманитарные механизмы взаимодействия. Её основой выступают универсальные ценности, межкультурный диалог, морально-нравственные ориентиры и гуманитарное посредничество. Если религиозная дипломатия концентрируется преимущественно на межконфессиональном взаимодействии, а народная дипломатия – на общественных контактах, то духовная дипломатия объединяет оба направления в рамках ценностно-ориентированной модели международного сотрудничества. Таким образом, на наш взгляд, религиозную и народную дипломатию можно рассматривать как составные элементы более широкого феномена духовной дипломатии.

Методы исследования

По мнению исследователей Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева доктора политических наук Калашниковой Н.П. и кандидата политических наук Жусуповой А.С., исследования, связанные с этнокультурной

и этноконфессиональной тематикой «проводятся по междисциплинарному принципу на стыке нескольких наук. Используются как общенаучные методы (анализ, синтез, системный и структурно-функциональный подходы), так и специальные методы исследования (исторический, социологический, бихевиористский) и лингвистики (структурный метод: анализ поликодового текста, лексико-семантический). Причем данные методы могут использоваться как основной метод в исследовании, так и в триангуляции с другими методами. Выбор той или иной методологии обусловлен целью, задачами исследования, возможностями и ресурсами, которыми располагает исследователь» [12].

Методологическая основа исследования базируется на междисциплинарном подходе, объединяющем политологический, институциональный и сравнительно-исторический анализ. Институциональный подход использован для исследования механизмов формирования духовной дипломатии Казахстана через деятельность Ассамблеи народа Казахстана, Съезда лидеров мировых и традиционных религий и Международного центра межрелигиозного и межцивилизационного диалога.

Сравнительно-политический метод позволил сопоставить казахстанскую модель духовной дипломатии с практиками Ватикана, Китая и государств исламского мира. Не менее значимыми остаются исследования новых форм деятельности международных институтов. К примеру, на прошедшем в Туркестане 15 мая 2026 года неформальном саммите Организации тюркских государств, была рассмотрена актуальная повестка, связанная с искусственным интеллектом и цифровым развитием, которая по-новому влияет на развитие духовной дипломатии. Контент-анализ применялся при изучении деклараций Съездов лидеров мировых и традиционных религий, официальных выступлений и концептуальных документов. Элементы дискурс-анализа использовались для выявления ценностных и гуманитарных оснований духовной дипломатии в международном политическом дискурсе.

Анализ и обсуждение

Основополагающими принципами духовной дипломатии являются признание и уважение культурного, религиозного и цивилизационного многообразия, а также стремление к диалогу, в котором каждая сторона слышит и понимает другую сторону. Именно это позволяет формировать долгосрочные и устойчивые отношения между народами и государствами, основанные на взаимопонимании, доверии и поддержке.

В связи с этим, можно предложить следующее определение этого явления. Духовная дипломатия может рассматриваться как форма гуманитарного международного взаимодействия, основанная на использовании ценностно-нравственных и межкультурных механизмов для укрепления доверия и предотвращения конфликтов.

Российский исследовать, кандидат психологических наук Батурина О.С. считает, что ключевые идеи духовной дипломатии – это толерантность и взаимопонимание, диалог и сотрудничество, мир и гармония. Духовная дипломатия основывается на принципах уважения к образу жизни, истории и многообразии традиций, терпимости и мирного сосуществования разных культур, религий и наций, которые составляют нравственные начала жизни. Устремления духовной дипломатии на мирное сотрудничество и содействие продвижению ценностей толерантности, способствует развитию взаимопонимания, укрепле-

нию доверия и созданию атмосферы, мира и согласия сотрудничества между государствами и народами [13].

Духовная дипломатия опирается на общие ценности, культурные традиции и гуманитарные механизмы взаимодействия, способствуя развитию межкультурного и межрелигиозного диалога. Казахстанская модель духовной дипломатии формировалась на основе исторических традиций мирного сосуществования этносов и конфессий, а также практик степной дипломатии, ориентированных на согласие, посредничество и консенсусное взаимодействие.

Во-первых, важнейшим элементом степной дипломатии было искусство слова. В традиционном казахском обществе владение словом, красноречие и способность убеждать рассматривались как высшая добродетель. Ораторское искусство в традиционном казахском обществе выполняло не только эстетическую, но и социально-регулятивную и политико-коммуникативную роль, формируя особую культуру слова как инструмента общественного согласия. Как отмечает, казахстанский профессор Ерназарова З.Ш. ораторское искусство в казахском обществе сложилось в ходе выполнения следующих важнейших функций [14]:

- ораторское слово служило инструментом мобилизации и единения народа во время внешних угроз, укрепляя чувство общности и готовность к совместным действиям через публичные выступления акынов и биев;

- ораторство выполняло посредническую и судебно-миротворческую функцию;

- речь биев и акынов была средством политического консультирования и контроля над властью. Они открыто советовали хану, ограничивали возможный произвол и поддерживали нравственную ответственность правителя;

– ораторская традиция обеспечивала сохранение культурной преемственности и духовных ценностей, формируя моральные ориентиры, нормы поведения и представления о справедливости и социальной гармонии.

Таким образом, уже в доиндустриальную эпоху дипломатическая культура казахов базировалась на гуманистическом принципе убеждения, а не насилия.

Во-вторых, важную роль играла система биев – традиционных судей и посредников, выполнявших функции арбитров и переговорщиков. Бий был носителем морального авторитета, обязанным следовать нормам адата и справедливости. Его деятельность сочетала элементы правосудия, медиации и дипломатии. По словам Бельгера Г.К., бии в традиционной казахской политической культуре выполняли не только судебно-миротворческие, но и дипломатические функции [15]. Авторитет, ораторское мастерство и способность к переговорам делали биев ключевыми посредниками в межплеменных и межгосударственных отношениях, а Казыбек бий стал ярким примером сочетания судебной, дипломатической и политической функций. Благодаря его переговорам с джунгарским правителем удалось добиться освобождения пленных, возвращения скота, мирных соглашений и восстановления стабильности.

В-третьих, фундаментальным принципом степной дипломатии выступал коллективизм и консенсусное принятие решений. В традиционной политической культуре казахов решения принимались через курултай, т.е. советом старейшин и представителей родов, где доминировала идея согласия и учёта интересов всех сторон. Этот принцип согласуется с современной практикой духовной дипломатии, направленной на достижение взаимопонимания между религиями и культурами.

Таким образом, духовная дипломатия Казахстана не является искусственно сконструированной моделью, а представляет собой эволюционное продолжение исторических форм степного миротворчества. Перенося эти принципы в современную международную практику, Казахстан формирует собственный тип гуманитарного посредничества, основанный на диалоге, доверии и моральной ответственности.

Учреждение Ассамблеи народа Казахстана еще на заре независимости, инициативы Казахстана к проведению межконфессионального диалога на самом высоком уровне, регулярное проведение Съездов лидеров мировых и традиционных религий в Астане, а также инициативы Президента Республики Казахстан по укреплению межрелигиозного и межкультурного диалога стали яркими примерами практической реализации духовной дипломатии.

Основная цель духовной дипломатии в Казахстане – это создание благоприятного климата для международного сотрудничества через укрепление диалога между различными духовными и религиозными традициями, предотвращение конфликтов и построение устойчивых связей. Она является инструментом «мягкой силы», способным укрепить авторитет страны на международной арене и внести вклад в глобальную архитектуру мира и безопасности.

Духовная дипломатия Казахстана опирается на следующие ключевые подходы. Во-первых, она акцентирует внимание на продвижении универсальных гуманистических принципов и ценностей. Эти ценности формируют основу для международного диалога и служат морально-нравственным ориентиром в глобальной политике. Казахстан стремится интегрировать их в систему международных отношений, рассматривая духовно-ценностный потенциал как инструмент укрепления доверия между государствами и обществами.

Во-вторых, вовлечение религиозных лидеров. Благодаря регулярному проведению Съездов лидеров мировых и традиционных религий в Астане Казахстан стал признанным центром глобального межрелигиозного диалога. Участие духовных лидеров в дискуссиях, выработке и принятии совместных деклараций превращает религиозные ценности в инструмент укрепления мира. На XXI заседании Секретариата Съезда, который состоялся 11 октября 2023 года, его участниками была единодушно принята Концепция развития Съезда лидеров мировых и традиционных религий до 2033 года, заложившая тем самым новую парадигму концептуального развития Съезда в предстоящем третьем десятилетии. Согласно принятой Концепции, миссией Съезда является «дальнейшее укрепление взаимного понимания и уважения между общинами мировых и традиционных религий, а также реализация потенциала духовной дипломатии для содействия созданию справедливого, безопасного и благополучного будущего для всего человечества» [16].

В-третьих, работа на международных площадках. Казахстан продвигает идеи духовной дипломатии через ООН, ОБСЕ, ШОС, ОТГ и другие организации. Предложения по развитию межцивилизационного диалога и укреплению культурного взаимодействия формируют положительный имидж страны как посредника и миротворца.

В-четвертых, профилактика и урегулирование конфликтов. Духовная дипломатия используется как средство предотвращения религиозно-культурных конфликтов. Казахстанские инициативы в сфере поддержки Афганистана и продвижения идей мирного сосуществования на Ближнем Востоке по-

казывают, что опора на духовные ценности может дополнять классические дипломатические меры.

В-пятых, принцип взаимозависимости. Казахстанская дипломатия, зиждущаяся на древней философии Великой степи, показывает, что все народы и государства связаны общими интересами и вызовами. В этом контексте идея построения «Большой Евразии» получает духовное измерение как проект солидарности и доверия. Наконец, это поиск общего языка. Казахстанская модель духовной дипломатии основана на способности к эмпатии, диалогу и взаимоуважению. Включение в дискуссию представителей различных конфессий и культур позволяет преодолевать предвзятость и находить общие решения.

Практическое воплощение духовной дипломатии Казахстана проявляется в сочетании внутренних механизмов общественного согласия с международными гуманитарными инициативами, ключевую роль в которых играют Съезды лидеров мировых и традиционных религий и деятельность Ассамблеи народа Казахстана. Одновременно Казахстан продвигает вопросы межрелигиозного и межцивилизационного взаимодействия в глобальной повестке через инициативы в рамках ООН и других международных организаций, рассматривая гуманитарное и культурное измерение как элемент международной безопасности. Например, на 74-й сессии Генассамблеи ООН в 2019 году Казахстан предложил создать глобальную сеть партнерства религиозных лидеров и международных организаций для борьбы с экстремизмом. Сюда же можно отнести и создание Международного центра межрелигиозного и межцивилизационного диалога в Астане. Центр выполняет роль исследовательской и практической площадки для разработки новых форматов духовной дипломатии. Его деятельность направлена на интеграцию академических, экспертных и религиозных сообществ для поиска решений глобальных вызовов [17].

Также следует отметить, что казахстанская дипломатия активно использует духовное измерение в качестве дополнения к политическому посредничеству. Например, Астана стала площадкой для переговоров по Сирии, где, наряду с политическими аспектами, акцентировалось значение доверия и поиска общих моральных ориентиров для прекращения насилия. Помимо этого, Казахстан поддерживает гуманитарные инициативы в Афганистане, включая обучение афганских студентов в казахстанских университетах, что имеет гуманитарное измерение как вклад в будущее мирного развития страны.

Как было отмечено ранее, Республика Казахстан стала одной из первых стран, сумевших придать идее духовной дипломатии институциональное выражение. Созданный по инициативе Казахстана Съезд лидеров мировых и традиционных религий стал уникальной глобальной площадкой, где духовные принципы обретают политическое измерение, а религии выступают посредниками в укреплении доверия между народами.

Проведение Первого Съезда лидеров мировых и традиционных религий в 2003 году стало важным этапом институционализации межрелигиозного диалога и формирования международной культуры мира, основанной на принципах толерантности, взаимного уважения и отказа от экстремизма [18]. Последующие съезды способствовали превращению форума из символической площадки в устойчивый институт духовной дипломатии, ориентированный на укрепление межрелигиозного доверия и гуманитарного взаимодействия. Постепенно повестка Съезда расширялась, включая вопросы социальной этики, международного посредничества, предупреждения радикализма и гуманитар-

ной безопасности. Начиная с VI Съезда, духовная дипломатия стала рассматриваться как элемент глобального гуманитарного управления и «мягкой безопасности». VII и VIII Съезды обозначили адаптацию духовной дипломатии к вызовам цифровой эпохи, включая вопросы цифровой этики, противодействия онлайн-радикализации и устойчивого развития.

Анализ деклараций и обращений Съездов позволяет выделить ключевые черты казахстанской модели духовной дипломатии, которая включает:

- институциональную преемственность, т.е. регулярность проведения съездов и наличие Секретариата обеспечивают устойчивость диалога;
- ценностный универсализм, т.е. объединение религий на основе общечеловеческих принципов добра, мира, справедливости и достоинства;
- синергию духовного и политического измерений, тесное взаимодействие религиозных лидеров, государственных структур и международных организаций;
- гуманистическую направленность, а именно, приоритет просвещения, образования и воспитания веротерпимости как ключевых механизмов профилактики конфликтов;
- межцивилизационную миссию Казахстана, которая заключается в формировании страны как нейтрального посредника и площадки доверия, способной объединять Восток и Запад.

Важным инновационным механизмом продвижения духовной дипломатии стало учреждение института послов доброй воли Съезда лидеров мировых и традиционных религий, официально закреплённого в рамках реализации Концепции развития Съезда после VII Конгресса (2022 г.). Эта практика соответствует мировым гуманитарно-дипломатическим тенденциям, когда моральный авторитет общественных и духовных лидеров используется в целях укрепления доверия, продвижения ценностей толерантности и межкультурного диалога. Как справедливо отмечает В. Тулекина, «вовлечение общественных фигур в продвижение миссии Съезда придаёт духовной дипломатии Казахстана персонализированный характер, усиливая её символический капитал» [19]. Институт послов доброй воли Съезда обеспечивает продвижение идей духовной дипломатии в международном гуманитарном и общественно-политическом пространстве через участие религиозных, культурных и общественных деятелей в международных конференциях, медиа- и просветительских инициативах.

Перспективы развития духовной дипломатии Казахстана выходят далеко за рамки уже реализованных инициатив. В условиях усложнения глобальной повестки, роста числа конфликтов и кризисов духовная дипломатия может стать значимым инструментом укрепления доверия и поиска новых моделей сотрудничества. Ее потенциал можно рассматривать на нескольких уровнях – глобальном, региональном, научно-образовательном и гуманитарном, которые взаимосвязаны и дополняют друг друга.

Глобальный уровень. Казахстан, обладая признанным опытом в сфере межкультурного и межрелигиозного диалога, может предложить создание международной платформы под эгидой ООН для обсуждения роли духовных ценностей в преодолении современных кризисов (экологических, миграционных, социальных и др.). Такая инициатива позволила бы укрепить позиции Казахстана как международного посредника и придала бы дополнительную институциональную форму уже существующим практикам, например, Съезду лидеров

мировых и традиционных религий.

Подобный опыт имеет место и в других странах, но имеет и существенные отличия от казахстанской практики.

Например, в исламском мире активно продвигается концепция «Moderate Islam» (ислам умеренности), которая используется в международной дипломатии некоторых стран для укрепления образа государства как центра толерантности и религиозного многообразия [20]. Но стоит отметить, что модель духовной дипломатии в странах исламского мира, прежде всего Саудовской Аравии, ОАЭ и Марокко, имеет свои особенности. Она нередко направлена на продвижение определённой интерпретации ислама или защиты религиозных интересов на международной арене. В частности, как отмечает Маркосян А.А. «Королевство Саудовской Аравии использует религию в качестве инструмента мягкой силы, не просто формируя с его помощью свой имидж защитника истинного ислама, но и путем распространения своей доктрины расширяя сферу своего влияния на другие страны, ранее не признававшие право на существование их религиозно-политического учения» [21]. Такие действия нередко подвергаются критике на международной арене. Казахстан же демонстрирует принципиально иной подход. Его можно определить как конфессионально нейтральный, направленный на диалог между всеми мировыми религиями и поддержание международной стабильности через ценностное посредничество.

Ватикан, в свою очередь, на протяжении десятилетий ведет диалог с представителями различных мировых религий, используя свой духовный авторитет для разрешения международных кризисов и гуманитарных конфликтов. Апостольские нунциатуры активно задействованы в развитии контактов не только с правительствами государств пребывания, но и религиозными институтами. Визиты понтифика в Стамбул (2014), Сараево (2015) и Баку (2016) показали, что приоритетным вопросом межрелигиозного взаимодействия для Святого Престола является вопрос защиты жизни и здоровья человека. Но заметим, что в отличие от Святого Престола, чья дипломатия традиционно опирается на институт папства и универсалистский католический дискурс, казахстанская модель базируется на принципах плюрализма, межконфессионального равенства и светского характера государства. Как отмечает Шебалина Е.О. «государство [Ватикан] не потеряло своей значимости на международной арене, усилив свои позиции благодаря новому инструментарию своей внешней политики, продолжая преследовать главную задачу – защиту интересов католиков во всем мире». [22]. Казахстан же в свою очередь продвигает многоконфессиональный формат, где ни одна религия не претендует на доминирование.

При сравнении практик духовной дипломатии Казахстана и Китая можно заметить различия в ценностных основаниях. Китайская модель религиозной и культурной дипломатии формируется под влиянием концепции «гармоничного мира» и конфуцианской идеи «ли» (нормативного порядка и иерархической гармонии). По мнению Чжао Тиньяна, «китайская внешняя политика использует моральный ресурс традиции для поддержания международной стабильности» [23]. Казахстанская духовная дипломатия, напротив, подчеркивает равенство участников, горизонтальные формы диалога и продвижение согласия между религиями, а не иерархическое моральное лидерство.

Эти международные практики могут служить дополнительным подтверждением актуальности и востребованности инициатив Казахстана на глобальном уровне.

Региональный уровень. В Центральной Азии значительным шагом стало бы формирование совместной программы стран региона по укреплению межкультурного и межрелигиозного диалога. Казахстан, обладающий опытом национальной модели общественного согласия и функционирования Ассамблеи народа Казахстана, мог бы выступить координатором данного процесса. Это обеспечило бы распространение и адаптацию лучших практик в соседних государствах, способствовало укреплению региональной безопасности, межэтнического мира и формированию доверия между обществами.

Научно-образовательный уровень. Развитие сети исследовательских центров и образовательных программ в области духовной дипломатии и этнополитики является важным направлением укрепления интеллектуального потенциала Казахстана. В данной связи особую роль играют кафедры Ассамблеи народа Казахстана, созданные в ЕНУ имени Л.Н. Гумилева и ведущих вузах страны. Цель деятельности кафедр заключается в теоретико-методологическом обеспечении преподавания гуманитарных дисциплин, связанных со сферой межэтнических отношений, этнорелигиозной грамотностью, а также в научно-методическом сопровождении фундаментальных и прикладных исследований. Важным шагом в развитии научно-образовательного направления стало открытие новых специализированных программ. Так, в 2021-2022 учебном году кафедра АНК при Евразийском национальном университете имени Л.Н. Гумилева впервые запустила двухгодичную магистерскую программу «Этнополитология» [24]. В 2023 году был сделан следующий шаг. Была открыта докторантура по специальности «Дипломатия и менеджмент в этнополитике». Уникальность этих программ заключается в том, что для Центральной Азии и постсоветского пространства они не имеют аналогов. Благодаря этому, именно в Казахстане впервые создана системная академическая база для подготовки специалистов по вопросам этнополитики, в том числе и в вопросах духовной дипломатии.

Важным направлением гуманитарно-коммуникативного уровня духовной дипломатии Казахстана выступают образовательные и экспертные форматы, включая лекции, семинары и молодёжные форумы, способствующие развитию межконфессионального диалога, международных гуманитарных контактов и трансляции общечеловеческих ценностей. В частности, II Форум молодых религиозных лидеров в Астане, проходившей в 2025 году под девизом «Молодёжь за мирное сосуществование: синергия во имя будущего», стал форматом, где молодые религиозные деятели, представители молодёжных движений, учёные и эксперты обменивались практиками профилактики радикализации, устойчивого развития и цифровой грамотности религиозных сообществ [25].

Отдельного внимания в современном контексте заслуживает феномен «цифровой религиозности», т.е. возникающая совокупность практик, когда религиозная жизнь, духовные практики и религиозная коммуникация всё больше медиатизируются и частично переходят в онлайн-поле. Например, с точки зрения Ватикана, «церковь призвана быть там, где есть люди. Поскольку сейчас вся электронная сеть также состоит из людей, там должна быть и церковь» [26]. По мнению американского исследователя H.Campbell, «цифровая религия относится к технологическому посредничеству религиозного опыта, при котором онлайн- и офлайн-сферы становятся все более интегрированными» [27]. Использование цифровых технологий расширяет формы коммуникации между представителями религий и создаёт новые возможности для просвещения, взаимодействия и вовлечения молодёжи. Отметим, что Святой Престол придает

«центральное значение в построении нового типа отношений между верующими и представителями светского общества». Своим призывом к активному участию в цифровых контактах он открывает путь к построению такого диалога. Католическая церковь стремится первой применить новые формы общения в цифровом пространстве для эффективного проведения своей политики [28]. Вместе с тем, как подчёркивает M. Cheong, цифровая среда «открывает как потенциал для диалога, так и риски распространения экстремистских нарративов» [29]. В связи с этим, актуальным направлением духовной дипломатии становится разработка медийно-образовательных программ и цифровых стандартов межрелигиозного взаимодействия (медиаграмотность, цифровая этика, платформенные механизмы противодействия радикализации).

Гуманитарный уровень. Реализация духовной дипломатии возможна и в практическом социальном измерении, прежде всего в работе с молодежью. Использование цифровых платформ и интерактивных форматов обучения способствует противодействию радикализации, расширяет доступ к просвещению и формирует культуру доверия и диалога. Программы, направленные на воспитание толерантности и межэтнического уважения, создают условия для формирования нового поколения граждан, способных поддерживать социальную стабильность и гармонию.

Проведённый анализ позволяет предложить авторскую интерпретацию казахстанской модели духовной дипломатии (рисунок 1) как многоуровневой системы гуманитарного посредничества, функционирующей одновременно на нескольких взаимосвязанных уровнях.

Первый уровень – внутренне-интеграционный. Он связан с поддержанием межэтнического и межрелигиозного согласия внутри страны через деятельность Ассамблеи народа Казахстана (а с 1 июля 2026 года – через Қазақстан Халық Кенесі), механизмы общественного диалога и продвижение ценностей толерантности и гражданской солидарности.

Второй уровень – международно-институциональный. На данном уровне духовная дипломатия реализуется через Съезд лидеров мировых и традиционных религий, Международный центр межрелигиозного и межцивилизационного диалога и участие Казахстана в международных организациях. Основной функцией этого уровня является формирование устойчивых площадок межцивилизационного взаимодействия.

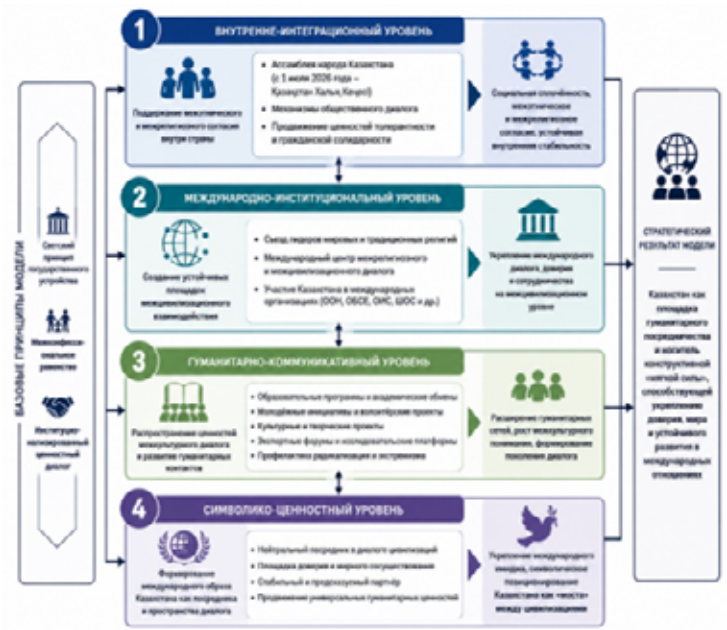
Третий уровень – гуманитарно-коммуникативный. Он включает образовательные, молодёжные, культурные и экспертные проекты, направленные на распространение ценностей межкультурного диалога, профилактику радикализации и развитие международных гуманитарных контактов.

Четвёртый уровень – символико-ценностный. Его специфика заключается в формировании международного образа Казахстана как нейтрального посредника и пространства цивилизационного диалога. В данном случае духовная дипломатия выступает инструментом символического позиционирования государства в системе международных отношений.

В отличие от конфессионально ориентированных моделей духовной дипломатии, казахстанская модель характеризуется сочетанием светского принципа государственного устройства, межконфессионального равенства и институционализированного ценностного диалога. Это позволяет рассматривать её как особую форму гуманитарной «мягкой силы», ориентированной не на продви-

жение конкретной религиозной доктрины, а на укрепление доверия и межцивилизационной коммуникации.

Рисунок 1. Многоуровневая модель духовной дипломатии Казахстана (составлено авторами)



Заключение

Проведённый анализ показал, что духовная дипломатия представляет собой более широкий феномен, чем религиозная дипломатия или дипломатия веры. В отличие от конфессионально ориентированных моделей, духовная дипломатия включает комплекс гуманитарных, культурных, морально-ценностных и коммуникативных механизмов, направленных на укрепление доверия, межкультурного взаимодействия и символической легитимности международного сотрудничества. В теоретическом отношении это позволяет рассматривать духовную дипломатию как форму гуманитарной «мягкой силы», функционирующей на пересечении публичной дипломатии, межрелигиозного диалога и ценностной коммуникации.

В результате исследования была предложена авторская интерпретация казахстанской модели духовной дипломатии как многоуровневой системы гуманитарного посредничества, включающей внутренне-интеграционный, международно-институциональный, гуманитарно-коммуникативный и символико-ценностный уровни. Такая структура позволяет рассматривать духовную дипломатию Казахстана не как совокупность отдельных гуманитарных инициатив, а как относительно целостную модель ценностного взаимодействия, соединяющую внутреннюю политику общественного согласия с международным гуманитарным позиционированием государства.

Анализ показал, что специфика казахстанской модели заключается в сочетании нескольких взаимосвязанных элементов:

- светского принципа государственного устройства;
- институционализированного межрелигиозного диалога;
- межконфессионального равенства;
- интеграции гуманитарных и внешнеполитических механизмов;
- сочетания государственного и общественного участия в реализации гуманитарных инициатив.

В отличие от ряда зарубежных моделей, ориентированных преимущественно на продвижение определённой религиозной доктрины или цивилизационного влияния, казахстанская модель основывается на принципах нейтрального посредничества и диалогового плюрализма. Это позволяет рассматривать её как особую форму гуманитарной дипломатии, ориентированную на развитие межцивилизационной коммуникации и укрепление международного доверия.

Проведённое сравнительное исследование позволяет условно выделить три основные модели духовной дипломатии: конфессионально-ориентированную (например, Ватикан и Саудовская Аравия); государственно-цивилизационную (например, Китай); диалогово-плюралистическую (например, Казахстан). Казахстанская модель отличается ориентацией на межконфессиональный баланс, институционализированный диалог и светский характер гуманитарного посредничества.

Проведённое исследование позволило уточнить содержание понятия духовной дипломатии и рассмотреть её не только как форму религиозного взаимодействия, но и как более широкий механизм гуманитарного посредничества, функционирующий на пересечении публичной дипломатии, межрелигиозного диалога и политики «мягкой силы». В рамках исследования была предложена авторская интерпретация казахстанской модели духовной дипломатии как многоуровневой системы, включающей внутренне-интеграционный, международно-институциональный, гуманитарно-коммуникативный и символико-ценностный уровни. Это позволило показать, что духовная дипломатия Казахстана представляет собой не совокупность отдельных гуманитарных инициатив, а относительно целостную модель ценностного взаимодействия, соединяющую внутреннюю политику общественного согласия с механизмами международного гуманитарного позиционирования государства.

Казахстанский опыт демонстрирует, что механизмы духовной дипломатии могут использоваться не только в сфере межрелигиозного взаимодействия, но и в более широком контексте гуманитарной политики, профилактики радикализации и развития межцивилизационной коммуникации. В данном контексте исследовательский интерес представляет обсуждаемый в Парламенте Республики Казахстан закон «Қазақстан Халық Кеңесі» («О Народном совете»), направленный на институциональное развитие механизмов общественного согласия, межкультурного взаимодействия и укрепления традиций духовной дипломатии. В случае принятия данный формат может стать дополнительным инструментом интеграции гуманитарных и ценностно-коммуникативных механизмов в систему общественно-политического взаимодействия Казахстана. Особую актуальность это приобретает в условиях цифровизации общественной жизни и трансформации глобального гуманитарного пространства, что актуализирует необходимость дальнейших иссле-

дований эффективности духовной дипломатии и влияния цифровой среды на современные дипломатические практики.

Вместе с тем потенциал духовной дипломатии имеет объективные ограничения. Её эффективность во многом зависит от международной политической конъюнктуры, уровня доверия между государствами, устойчивости международных институтов и готовности глобальных акторов воспринимать ценностно-гуманитарные механизмы как значимый элемент международной политики. Кроме того, сохраняется риск инструментализации духовной дипломатии в целях имиджевого позиционирования государств, что может снижать уровень доверия к подобным инициативам.

Таким образом, опыт Казахстана демонстрирует, что духовная дипломатия способна выступать не только элементом гуманитарной политики государства, но и одним из механизмов формирования устойчивого межцивилизационного взаимодействия в условиях трансформации современной системы международных отношений.

Источник финансирования: *научная статья подготовлена авторами в рамках проекта грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан AP26102027.*

Список литературы

1. Глава государства выступил на открытии VIII Съезда лидеров мировых и традиционных религий. 17 сентября 2025 год [Электронный ресурс]. https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-vystupil-na-otkrytii-viii-sezda-liderov-mirovyh-i-tradicionnyh-religiy-1783911. Дата обращения 28.09.2025
2. Калашникова Н.П., Байтуреева К.А. Нациестроительство в Казахстане: этноконфессиональные контексты. ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: экономика, право, политика. 2023;17(3):159-167. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-159-167
3. Costas M. Constantinou «Human Diplomacy and Spirituality»/ Discussion Papers in Diplomacy, 2006
4. Brian Cox, Daniel Philpott. Faith-Based Diplomacy: An Ancient Idea Newly Emergent. The Brandywine Review of Faith & International Affairs 1(2), June 2009
5. Essays on Faith Diplomacy. Edited by Naomi Leight. November 2011 Figueroa Press Los Angeles
6. Giancarlo Anello. Human Religiosity, Diplomacy, and the Use of Force. Iranian Journal of International and Comparative Law. Volume 1, Issue 1, 2023
7. Heba Gamal El-Dean. Spiritual Diplomacy and the Abrahamic Identity. Contemporary Arab Affairs, Volume 16: Issue 1, 11 Apr 2023, 11-29
8. Attumkal, M. (2025). THE PULSE OF POWER IN SPIRITUAL DIPLOMACY. Journal of Dharma, 50(1). Retrieved from https://dvkjournals.in/index.php/jd/article/view/4852
9. Касым-Жомарт Токаев. Духовная дипломатия Елбасы // Мысль. №1, январь 2017
10. Zhang, J. (2023). China's Religious Diplomacy for its Belt and Road Initiative: A Review and Assessment. The Review of Faith & International Affairs, 21(2), 83–94. https://doi.org/10.1080/15570274.2023.2200284
11. Ratajczak, Magdalena; Ryniejska-Kieldanowicz, Marta Faith diplomacy : religion as a tool of public diplomacy / «Religioni e società : XXXV, 97, 2020, Pisa : Fabrizio Serra, 2020 , 1722-4705 - Casalini id: 4719704" - 64-73 p. - Permalink: https://digital.casalini.it/10.19272/202031302007

12. Жусупова А.С., Калашникова Н.П. Методология исследования националистического дискурса в полиэтнической среде. ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: экономика, право, политика. 2023;17(1):166-177. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-166-177
13. Батурина О.С. Духовная дипломатия. Монография. Издательские решения, 2025
14. Ерназарова З.Ш. Аргументирующие модели в казахской ораторской речи. Tiltanym. 2016;(1):14-19
15. Бельгер Г.К. Рассказы о биях. — Астана: Аударма, 2004. –189 с.
16. Тулекина М. Духовная дипломатия: опыт современного Казахстана [Электронный ресурс]. https://religions-congress.org/ru/news/novosti/2597 Дата обращения 28.09.2025
17. Официальный сайт Международного центра межрелигиозного и межцивилизационного диалога [Электронный ресурс]. https://religions-congress.org/ru/page/o-centre Дата обращения 28.09.2025
18. Официальный сайт Международного центра межконфессионального и межрелигиозного диалога [Электронный ресурс]. https://religions-congress.org/ru/page/deklaraciya-uchastnikov-I Дата обращения 28.09.2025
19. Тулекина М. Духовная дипломатия: опыт современного Казахстана [Электронный ресурс]. https://religions-congress.org/ru/news/novosti/2597 Дата обращения 28.09.2025
20. John L. Esposito. Moderate Muslims // American Journal of Islam and Society. July, 2005. https://doi.org/10.35632/ajis.v22i3.465
21. Маркосян А.А. «Дипломатия мечетей» саудовской Аравии: есть ли место религии в XXI веке? // Via in tempore. История. Политология. 2023. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diplomatiya-mechetey-saudovskoy-aravii-est-li-mesto-religii-v-xxi-veke (дата обращения: 14.11.2025)
22. Шебалина Е.О. Внешняя политика Святого Престола в современных международных отношениях: истоки, методы, инструментарий. Международная аналитика. 2021;12(4):153-168. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-4-153-168
23. Zhao Tingyang. The Tianxia System: An Introduction to the Philosophy of a World Institution. – Univ. of California Press, 2018. P. 112
24. Кафедра Ассамблеи народа Казахстана [Электронный ресурс]. https://fir.enu.kz/ru/page/departments/department-of-assambly-of-the-people-of-kazakhstan Дата обращения 28.09.2025
25. II Форум молодых религиозных лидеров. https://religions-congress.org/ru/page/forum-ii Дата обращения 12.11.2025
26. Шебалина Е.О. Внешняя политика Святого Престола в современных международных отношениях: истоки, методы, инструментарий. Международная аналитика. 2021;12(4):153-168. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-4-153-168
27. Campbell, H.A. (Ed.). (2012). Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds (1st ed.). Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203084861
28. Шебалина, Е.О. Приоритеты внешней политики Святого Престола в период понтификата Папы Франциска (2013–2018 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М.: МГИМО МИД России. [Электронный ресурс]. URL: https://mgimo.ru/upload/diss/2019/shebalina_dissertaciya.pdf
29. Cheong, P.H. (2014). Religion and the Internet: Understanding digital religion, social media and culture. In G. Laderman & L. Leon (Eds). Religion and American Cultures. An Encyclopedia of Traditions, Diversity and Popular Expressions (pp. 1215-1236). Santa Barbara, California: ABC-CLIO

References

1. Glava gosudarstva vystupil na otkrytii VIII S#ezda liderov mirovyh i tradicionnyh religij. 17 sentjabrja 2025 god [The head of state spoke at the opening of the Congress of Leaders of World and Traditional Religions]. https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-vystupil-na-otkrytii-viii-sezda-liderov-mirovyh-i-tradicionnyh-religiy-1783911. Data obrashhenija 26.09.2025

2. Kalashnikova N.P., Bajtureeva K.A. Naciestroitel'stvo v Kazahstane: jetnokonfessional'nye kontekсty [Nation-building in Kazakhstan: ethno-confessional contexts]. EVRAZIJSKAJa INTEGRACIJa: jekonomika, pravo, politika. 2023;17(3):159-167. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-159-167
3. Costas M. Constantinou «Human Diplomacy and Spirituality»/ Discussion Papers in Diplomacy, 2006
4. Brian Cox, Daniel Philpott. Faith-Based Diplomacy: An Ancient Idea Newly Emergent. The Brandywine Review of Faith & International Affairs 1(2), June 2009
5. Essays on Faith Diplomacy. Edited by Naomi Leight. November 2011 Figueroa Press Los Angeles
6. Giancarlo Anello. Human Religiosity, Diplomacy, and the Use of Force. Iranian Journal of International and Comparative Law. Volume 1, Issue 1, 2023
7. Heba Gamal El-Dean. Spiritual Diplomacy and the Abrahamic Identity. Contemporary Arab Affairs, Volume 16: Issue 1, 11 Apr 2023, 11-29
8. Attumkal, M. (2025). THE PULSE OF POWER IN SPIRITUAL DIPLOMACY. Journal of Dharma, 50(1). Retrieved from https://dvkjournals.in/index.php/jd/article/view/4852
9. Kasym-Zhomart Tokaev. Duhovnaja diplomatija Elbasy [Spiritual diplomacy of Elbasy] // Mysl'. №1, janvar' 2017
10. Zhang, J. (2023). China's Religious Diplomacy for its Belt and Road Initiative: A Review and Assessment. The Review of Faith & International Affairs, 21(2), 83–94. https://doi.org/10.1080/15570274.2023.2200284
11. Ratajczak, Magdalena; Ryniejska-Kieldanowicz, Marta Faith diplomacy : religion as a tool of public diplomacy / «Religioni e società : XXXV, 97, 2020, Pisa : Fabrizio Serra, 2020 , 1722-4705 - Casalini id: 4719704" - 64-73 p. - Permalink: https://digital.casalini.it/10.19272/202031302007
12. Zhusupova A.S., Kalashnikova N.P. Metodologija issledovanija nacionalisticheskogo diskursa v polijetnicheskoj srede [Methodology for studying nationalist discourse in a multi-ethnic environment]. EVRAZIJSKAJa INTEGRACIJa: jekonomika, pravo, politika. 2023;17(1):166-177. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-166-177
13. Baturina O.S. Duhovnaja diplomatija [Spiritual diplomacy]. Monografija. Izdatel'skie reshenija, 2025
14. Ernazarova Z.Sh. Argumentirujushhie modeli v kazahskoj oratorskoj rechi [Argumentative models in Kazakh oratory]. Tiltanym. 2016;(1):14-19
15. Bel'ger G.K. Rasskazy o bijah [Stories about biys]. — Astana: Audarma, 2004. –189 s.
16. Tulekina M. Duhovnaja diplomatija: opyt sovremennogo Kazahstana [Spiritual Diplomacy: The Experience of Modern Kazakhstan]. https://religions-congress.org/ru/news/novosti/2597. Data obrashhenija 28.09.2025
17. Oficial'nyj sajt Mezhdunarodnogo centra mezhreligioznogo i mezhcivilizacionnogo dialoga [Official website of the International Center for Interreligious and Intercivilizational Dialogue]. https://religions-congress.org/ru/page/o-centre. Data obrashhenija 28.09.2025
18. Oficial'nyj sajt Mezhdunarodnogo centra mezhkonfessional'nogo i mezhreligioznogo dialoga [Official website of the International Center for Interreligious and Intercivilizational Dialogue]. https://religions-congress.org/ru/page/deklaraciya-uchastnikov-I. Data obrashhenija 08.10.2025
19. Tulekina M. Duhovnaja diplomatija: opyt sovremennogo Kazahstana [Spiritual Diplomacy: The Experience of Modern Kazakhstan]. https://religions-congress.org/ru/news/novosti/2597. Data obrashhenija 28.09.2025
20. John L. Esposito. Moderate Muslims // American Journal of Islam and Society. July, 2005. https://doi.org/10.35632/ajis.v22i3.465
21. Markosjan A.A. «Diplomatija mechetej» saudovskoj Aravii: est' li mesto religii v XXI veke? [Saudi Arabia's 'Mosque Diplomacy': Is There a Place for Religion in the 21st Century?] // Via in tempore. Istorija. Politologija. 2023. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diplomatiya-mechetey-saudovskoy-aravii-est-li-mesto-religii-v-xxi-veke (data obrashhenija: 14.11.2025)
22. Shebalina E.O. Vneshnjaja politika Svjatogo Prestola v sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenijah: istoki, metody, instrumentarij [The Foreign Policy of the Holy See in Contemporary International Relations: Origins, Methods,

and Instruments]. Mezhdunarodnaja analitika. 2021;12(4):153-168. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-4-153-168
23. Zhao Tingyang. The Tianxia System: An Introduction to the Philosophy of a World Institution. – Univ. of California Press, 2018. P. 112
24. Kafedra Assamblei naroda Kazahstana [Department of the Assembly of the People of Kazakhstan]. https://fir.enu.kz/ru/page/departments/department-of-assambly-of-the-people-of-kazakhstan. Data obrashhenija 29.09.2025
25. II Forum molodyh religioznyh liderov [II Forum of Young Religious Leaders]. https://religions-congress.org/ru/page/forum-ii?utm_source=chatgpt.com. Data obrashhenija 12.11.2025
26. Shebalina E.O. Vneshnjaja politika Svjatogo Prestola v sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenijah: istoki, metody, instrumentarij [The Foreign Policy of the Holy See in Contemporary International Relations: Origins, Methods, and Instruments]. Mezhdunarodnaja analitika. 2021;12(4):153-168. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-4-153-168
27. Campbell, H.A. (Ed.). (2012). Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds (1st ed.). Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203084861
28. Shebalina, E.O. Prioritety vneshnej politiki Svjatogo Prestola v period pontifikata Papy Franciska (2013–2018 gg.) [Foreign Policy Priorities of the Holy See during the Pontificate of Pope Francis (2013–2018)]. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk. – M.: MGIMO MID Rossii. [Jelektronnyj resurs]. URL: https://mgimo.ru/upload/diss/2019/shebalina_dissertaciya.pdf
29. Cheong, P.H. (2014). Religion and the Internet: Understanding digital religion, social media and culture. In G. Laderman & L. Leon (Eds). Religion and American Cultures. An Encyclopedia of Traditions, Diversity and Popular Expressions (pp. 1215-1236). Santa Barbara, California: ABC-CLIO

Материал поступил в редакцию 01.12.2025
Утвержден к публикации 18.06.2026

МРНТИ
11.15.85

СЕЛЬСКИЙ ЭЛЕКТОРАТ В КАЗАХСТАНЕ: МЕЖДУ ДИСЦИПЛИНАРНЫМ ГОЛОСОВАНИЕМ И ОСОЗНАННЫМ ВЫБОРОМ

Гульмира Илеуова[1]
Нұрлы Марасулов[2]
Гульнар Насимова[3*]

[1] Президент Общественного фонда «Центр социальных и политических исследований «Стратегия», ассистент-профессор кафедры политологии и политических технологий Казахского национального университета имени аль-Фараби, кандидат социологических наук, Алматы, Казахстан; e-mail: gulmira@ofstrategy.kz
[2] Докторант кафедры политологии и политических технологий Казахского национального университета имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан; e-mail: marassulov_nurly1@live.kaznu.kz
[3*] Заведующая кафедрой политологии и политических технологий Казахского национального университета имени аль-Фараби, профессор, доктор политических наук, Алматы, Казахстан; e-mail: gulnar.nassimova@gmail.com

https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.2.002

Аннотация. В последние годы в Казахстане происходят значимые изменения политического поведения граждан, что находит отражение в изменении их отношения к выборам и участия в них. В рамках данной статьи представлены результаты исследования электорального поведения сельских жителей Казахстана, проведённого на основе сопоставления представлений горожан о сельских избирателях, полученных в результате фокус-групповых дискуссий в 2024-2025 гг., с данными социологических опросов и фактическими результатами парламентских выборов за 2004-2023 гг. В ней рассмотрено как проживание в сельской местности формирует особенности политического поведения в период выборов и какие факторы являются наиболее существенными в рамках сельского голосова-

ния, а также какие из существующих в социуме представлений о сельских избирателях соотносятся с реальностью, а какие являются стереотипом.

***Ключевые слова**: электоральное участие, сельский электорат, городской электорат, политические стереотипы.*

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ АУЫЛДЫҚ ЭЛЕКТОРАТ: ТӘРТІПТІК ДАУЫС БЕРУ МЕН САНАЛЫ ТАҢДАУ АРАСЫНДА

Гульмира Илеуова[1], Нұрлы Марасулов[2], Гульнар Насимова[3]*

[1]«Стратегия» әлеуметтік және саяси зерттеулер орталығы» қоғамдық қорының директоры, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының ассистент-профессоры, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты,

[2]Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының докторанты,

[3]*Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының меңгерушісі, профессор, саяси ғылымдарының докторы.

Аңдатпа. Соңғы жылдары Қазақстанда азаматтардың саяси мінез-құлқында айтарлықтай өзгерістер байқалды, бұл олардың сайлауға деген көзқарастарының өзгеруінен және қатысуынан көрінеді. Бұл мақалада Қазақстанның ауыл тұрғындарының сайлау мінез-құлқын зерттеу нәтижелері ұсынылған. Зерттеуде 2024-2025 жылдардағы фокустоптық талқылаулар арқылы алынған қала тұрғындарының ауыл сайлаушылары туралы пікірлері 2004 жылдан 2023 жылға дейінгі әлеуметтік сауалнамалардың деректерімен және парламенттік сайлаудың нақты нәтижелерімен салыстырылды. Онда ауылдық жерде тұру сайлау кезінде саяси мінез-құлықты қалай қалыптастыратыны және ауылдық жерде дауыс беруде қандай факторлар ең маңызды екені қарастырылады. Сондай-ақ, ауылдық сайлаушылар туралы қолданыстағы қоғамдық түсініктердің қайсысы шындыққа негізделген және қайсысы стереотиптер болып табылатыны қарастырылады.

***Түйін сөздер:** сайлауға қатысу, ауылдық сайлаушылар, қалалық сайлаушылар, саяси стереотиптер..*

THE RURAL ELECTORATE IN KAZAKHSTAN: BETWEEN ELECTORAL DISCIPLINE AND INFORMED CHOICE

Gulmira Ileuova[1], Nurly Marasulov[2], Gulnar Nassimova[3]*

[1]President of the Public Foundation «Center for Social and Political Studies «Strategy», Assistant Professor of the Department of Political Science and Political Technologies at Al-Farabi Kazakh National University, Candidate of Sociological Sciences,

[2] Doctoral student in the Department of Political Science and Political Technologies at Al-Farabi Kazakh National University,

[3]* Head of the Department of Political Science and Political Technologies at Al-Farabi Kazakh National University, Professor, Doctor of Political Science.

Abstract. In recent years, Kazakhstan has undergone significant transformations in citizens' political behavior reflected in their changing attitudes toward and participation in elections. This article presents the results of a study of the electoral behavior of the rural residents of Kazakhstan. The study compared urban residents' perceptions of rural voters, obtained through the focus group discussions conducted in 2024-2025, with data from sociological surveys and the factual data on the parliamentary elections from 2004 to 2023. The article examines how the rural residence shapes political behavior during elections and which factors are the most significant for rural voting. It also investigates which of the prevailing societal perceptions of rural voters correspond to empirical reality and which constitute stereotypes.

Keywords*: electoral participation, rural electorate, urban electorate, political stereotypes.*

Введение

Электоральное поведение граждан определяется множеством самых различных факторов, основным из которых является политическое сознание и составляющие его элементы (идеи, чувства, представления, стереотипы и др.). В данной статье попытаемся рассмотреть влияние социально-географического фактора, а именно: как проживание в сельской местности влияет на электоральное поведение её жителей во время общенациональных выборных кампаний, а также какие представления о сельском электорате сформированы в городской среде.

В зарубежной научной литературе отмечается, что представления (архетипы и стереотипы) прямым образом влияют на принятие гражданами политических решений [1]. При этом данные представления и стереотипы формируют общественное мнение и «порождают своего рода конформизм: адаптацию масс к господствующим взглядам» [2, с. 2167]. Кроме того, представления влияют на процесс самоидентификации и ориентации в социально-политической среде посредством самостереотипизации представителей своей группы и стереотипизации других групп, что способствует однородности и обособленности внутри группы, а также формированию предвзятости к чужим группам [3].

Исследования различия сельской и городской политической культуры, её манифестации в виде политического участия и детерминирующих её факторов берут начало со второй половины 20 века. Например, Сеймур Липсет выделял в качестве наиболее важного фактора — изоляцию сельского населения, которая усиливает политические взгляды и защищает сельское население от конкурирующих идей. Сельские районы более однородны, а сельские избиратели менее мобильны, что способствует консервации их политических взглядов [4], приверженности морально-тради-

ционалистским позициям [5] и склонности поддерживать инкумбента [6].

Проведённые в развитых и развивающихся странах исследования показали, что сельские избиратели чаще склонны к участию в политическом процессе посредством голосования, чем их городские коллеги. Данные исследования подчеркивают важность политической общности как определяющего фактора политического участия. Социально-экономическая однородность и тесные социальные связи внутри сельских сообществ способствуют повышению явки на выборы [7].

Корреляция между проживанием в сельской местности и электоральным участием особенно ярко выражена в развивающихся странах, где сельские избиратели значительно чаще голосуют, чем городские. Исследователи отмечают, что сельчане гораздо чаще идентифицируют себя с той или иной политической партией. Более высокая явка сельских избирателей в латиноамериканских и африканских развивающихся странах объясняется общей тенденцией правящих партий мобилизовать этих избирателей.

Электоральную активность в сельских районах зачастую связывают с экономическим фактором, поскольку низкая экономическая диверсификация сел демонстрирует «более низкий уровень субнациональной демократии, чем более динамичные и диверсифицированные экономические системы в городах. Локальная концентрация ресурсов делает избирателей уязвимыми для внеэкономического давления» [8]. Кроме того, сельские избиратели чаще испытывают социальное давление со стороны своих более сплоченных общин [7] [9], ведь у них наблюдается более выраженное «местное сознание»: сельские жители больше привязаны к своей сельской идентичности, чем горожане к городской [10] [11] [12] [13]. В качестве субъектов такого давления называют местную политическую элиту и «клиентелистские сети» [14], с которыми сельчане традиционно более тесно связаны, подконтрольны им, и это обеспечивает «блоковое голосование» на выборах [7].

В целом, характеризуя сельский электоральный запрос, исследователи отмечают следующее: 1) запрос на описательное представление электорального выбора в сельской местности, но не в городской; 2) более сильный запрос на то, чтобы кандидаты фокусировались на типе своего района; 3) запрос на позитивную эмоциональную риторику по отношению к типу своего района [15].

Интересно, что российские авторы, изучающие поведение сельского электората на собственном материале, отмечают существенное снижение у сельчан интереса к политике, поскольку в данное время в сельской местности «практически отсутствует возможность воспроизводства активных политических практик, а участие в политической жизни сводится к ритуалу голосования на выборах». Это связывают с отчуждением от деятельности государства, недовольством проводимым курсом, которое выражается «не в политической активности и протесте, а в отчуждении и игнорировании официальных политических действий, процессов и мероприятий» [16].

Отметим, что поставленная задача статьи довольна сложна в осуществлении, поскольку в Казахстане в целом недостаточно научной литературы по выбранной тематике. Анализ источников показал, что исследования

результатов президентских и парламентских кампаний не многочисленны, еще реже становятся предметом специального изучения особенности сельского голосования. А после принятия решения о введении выборности акимов сельских округов спектр научного интереса сместился в сторону изучения электоральных процессов во время местных выборов, что, безусловно, можно оценивать как позитивный факт, но при этом не позволяющий сделать нужные выводы по выбранному предмету изучения [17] [18] [19] [20].

Вместе с тем можно утверждать, что для Казахстана то, как голосуют сельские избиратели, является крайне важным. Сельские избиратели составляли и составляют значимую часть казахстанского электората (примерные доли в 2009 г. – 41,42%, в 2025 г. – 35,83%) , поэтому явка сельчан на выборы, их политические предпочтения оказывают мощное воздействие на итоги любого голосования. В целом отличие сельского электорального участия от городского является вполне естественным ввиду различий в городской и сельской среде плотности и частоты межличностных связей, особенностей базовой культуры общения, выбора коллективистских или индивидуальных стратегий выживания, факторов восприятия политических процессов и персоналий, особенностей политической культуры и поведения [5] [7]. Именно эти различия мы взяли за основу, чтобы в условиях дефицита научных данных сосредоточить внимание на особенностях электорального участия горожан и сельчан в сравнительном контексте. Считаем этот подход практически единственно доступным в условиях отсутствия специализированных исследований сельского электората Казахстана.

Методология

Электоральное участие, наряду с общественным, гражданским, инструментальным, цифровым, является составной частью широкого понятия «политическое участие». В Казахстане за годы независимости электоральное участие граждан под воздействием различных политических факторов стало изменяться и обретать собственные тенденции развития. В рамках проекта «Причины и движущие силы политического участия, выявление региональных особенностей развития форм политического участия» в 2024 и 2025 гг. были осуществлены две серии фокус-групповых обсуждений: всего проведено 24 фокус-групп в 8 городах страны. Одним из направлений дискуссий было обсуждение вопросов электорального участия, особенностей электорального поведения представителей различных групп населения в зависимости от таких параметров, как место жительства, пол, возраст, фактор материальной обеспеченности. Кроме того, в целях сравнения особенностей политического участия в группы приглашались внутренние мигранты, т. е., лица, переехавшие из села в город в последние два года (1–2 в каждой ФГД).

В начале проекта нами были выдвинуты гипотезы о наличии специфики политического, включая электоральное, участия в зависимости от регионального признака, и о том, что городским избирателям, особенно проживающим в крупных городах, характерна низкая электоральная мотивация и активность. Полученные в ходе фокус-групп результаты подтверди-

ли выдвинутые предположения о городском голосовании. В то же время ответы респондентов-горожан вызвали интерес к такой стороне электорального процесса в Казахстане, как отличие поведения городских и сельских избирателей во время парламентских выборов. В ходе ФГД выявилось, что среди горожан сложились представления о сельских избирателях, которые вполне можно отнести к стереотипным, что и вызвало исследовательский интерес по восприятию электорального поведения сельчан горожанами. При этом в статье не ставилось целью раскрыть собственно механизм формирования электорального поведения сельского населения.

В качестве дополнительного источника для подтверждения или опровержения сложившихся представлений горожан о сельском голосовании, полученных в рамках фокус-группового исследования, было решено обратиться к результатам электоральных опросов населения, проведенных сотрудниками ОФ «ЦСПИ «Стратегия» в период с 2004 [21] по 2023 гг. Исследования осуществлялись на основе общенациональной выборки, которая колебалась в пределах 1100–1600 респондентов; разрез на городское и сельское население был одним из параметров выборки. Отметим, что вопросы в проектах разных лет не всегда совпадали в полной мере (различались формулировки вопросов и расширения ответов и т. п.), но все-таки авторы посчитали возможным взять их для сравнения, поскольку в фокусе внимания находилась одна тема — поведение населения в период парламентских выборов (и здесь нужно сделать оговорку, что поведение в период президентских кампаний имеет отличия, которые видны как по результатам количественных, так и качественных исследований).

Таким образом, основной эмпирической базой для анализа выступили материалы фокус-групповых дискуссий, проведенных в 8 городах, которые позволили поставить исследовательский вопрос, а дополнительный – вторичный анализ количественных данных электоральных опросов разных лет.

Результаты исследования и их обсуждение

Практически на всех фокус-группах участники дискуссий исходили из того, что в сельской местности явка на выборах более высокая, чем в городе. Весь объем аргументов в поддержку данной точки зрения и объяснений электоральной активности сельчан можно свести в несколько блоков. Речь идет о сочетании аргументов, связанных с особенностями (компактного) проживания на селе, отсюда следующих различий в образе жизни городского и сельского населения и также возможности осуществления более плотного социального контроля над жителями села.

Первым по частоте упоминаний в качестве объяснений можем назвать блок представлений горожан, объединенных вокруг социальной сплочённости и более тесного общения жителей села, как объяснения электоральной активности сельских избирателей.

На фокус-группах горожане отмечают более тесные связи сельчан в силу особенностей проживания, «в селах люди живут компактно, и все знают друг друга». По мнению горожан, для сельчан выборы — это общественно-значимый повод, чтобы встретиться, пообщаться и обсудить по-

литические и иные новости, а для сельских жителей старшего поколения — это значимое событие, разбавляющее однообразные будни, «некая новая струя событийная».

Интерес к выборам подогревается и атмосферой праздника, поскольку они сопровождаются музыкой, угощениями и праздничным настроением, «в селе ходят же как на праздник». Примечательно, что некоторые горожане, критически описывая то, как, по их мнению, сейчас проходят выборы на селе, противопоставляют им воспоминания из своего детства: «В моем детстве даже давали подарки», «там по льготной цене продавали колбасу, шоколад, то, чего у людей не было».

Следующий блок объяснений особенностей электорального поведения сельчан связан с различиями в образе жизни и выбранных приоритетов городских и сельских жителей. Прежде всего, городские респонденты объясняют свою пассивность нехваткой времени, большой загруженностью на работе и бытовыми делами: «Для горожан работа, кажется, важнее», поэтому в свой единственный выходной они предпочитают отдыхать, а не идти на избирательный участок. Заметим, что данное утверждение коррелирует с результатами исследований КИСИ 2024 года, где было отмечено, что «городские агломерации, как правило, демонстрируют более низкую явку, что может быть связано с различными факторами, включая занятость населения, уровень политической апатии» [22, с. 53].

У горожан выше информационная насыщенность жизни, они имеют доступ к большему объему источников информации и часто настроены более скептично или цинично по отношению к выборным процессам, у них выше уровень недоверия власти, в то время как на селе «там больше руководителю доверяют, слушают его». В этой связи сельское население горожане зачастую характеризуют как более «наивное», «доверчивое» и «послушное». Подобное представление подтверждается и данными исследования 2022 года, по которому 43% жителей районных центров и сёл утверждали, что простые люди могут повлиять на власть [23].

Еще один момент, на который обращали внимание участники фокус-групп, в больших городах люди часто не знают даже своих соседей по подъезду («Сейчас никто никого не знает»), что создает атмосферу анонимности и снижает чувство коллективной ответственности, в то время как «жители сёл более дружные, они друг друга знают, семьями ходят» на выборы: «все, сходив, голосуют».

Не менее важным для понимания того, как видят горожане осуществление электорального процесса в сельской местности, является блок объяснений, описывающих использование механизмов социального и административного контроля над явкой со стороны организаторов выборов.

Как предполагают участники групповых дискуссий, активность сельских избирателей может объясняться тем, что «в малых населенных пунктах гораздо проще проконтролировать, кто пришёл на участок, а кто нет». В силу невысокого числа избирателей учителя или сотрудники акиматов могут лично обзванивать жителей или даже приходить домой, призывая прийти на голосование.

Отдельные участники ФГД указывали на «добровольно-принудитель-

ный» характер участия в выборах в сёлах, где руководители предприятий или акимы могут оказывать давление на подчиненных: «возле ящика директора сидят же, они ходят, чтобы перед ними отметиться. Если скажут, что кто-то не пришёл, машину отправляют». Для части горожан очевидно, что объяснением, почему на селе явка высокая, может являться страх избирателей перед санкциями, зависимость от администрации села или работодателя, который может оказаться единственным в этом населенном пункте: «у меня дети есть, без работы останусь».

Вместе с тем нельзя сказать, что все участники фокус-групповых обсуждений считали, что на селе электоральная активность выше. По мнению некоторых участников ФГД, в городах явка может быть выше из-за большей информированности жителей и более активной гражданской позиции. Также сформировано мнение, что городские жители чаще ходят на выборы по собственному желанию, чтобы изменить ситуацию в стране, в то время как сельчан чаще «заставляют», и что они ходят по привычке.

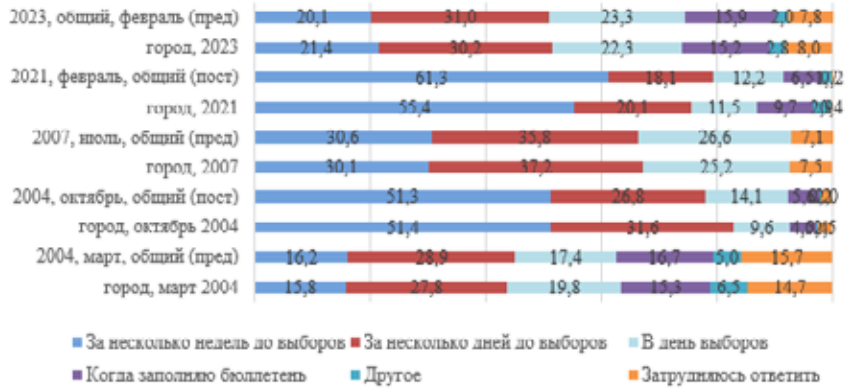
Итак, согласно фокус-групповым исследованиям, в среде горожан бытует мнение о том, что сельские жители являются более активными избирателями. Так ли это? И могут ли влиять на уровень общей явки особенности электорального поведения одной из групп населения, например сельских жителей? На основе результатов количественных исследований попробуем сравнить различные аспекты электорального поведения городских и сельских избирателей с целью подтвердить или опровергнуть сложившееся восприятие горожан.

При рассмотрении результатов социологических опросов, проведённых в предэлекторальный (в рисунках 1 и 2 обозначение «пред») и постэлекторальный (в рисунках 1 и 2 обозначение «пост») периоды, может отметить, что есть различия ответов на вопрос о том, когда опрошенные принимают решение о голосовании. Так, по итогам опросов на входе в выборные кампании (в марте 2004 г., июле 2007 г., феврале 2023 г.) около трети респондентов говорили, что принимают решение о том, за кого проголосуют, за несколько дней до выборов (29–36%). Несколько меньшее число участников опроса принимало решение за несколько недель до дня голосования (16–31%). Стоит обратить внимание, что и в день выборов принимало решение о голосовании также сравнительно высокое число опрошенных – на уровне четверти в опросах 2007 г. и 2023 г.

При этом если посмотрим на итоги постэлекторальных опросов (а они были проведены через месяц после парламентских выборов — в октябре 2004 г. и феврале 2021 г.), то можем заметить, что в этом случае большинство опрошенных настаивает на осознанном выборе своего кандидата или партии, поскольку более половины из них (более 50%) решение приняло за несколько недель до дня голосования, а доля тех, кто сделал выбор в день голосования, гораздо ниже показателей предэлекторальных опросов (13–14%).

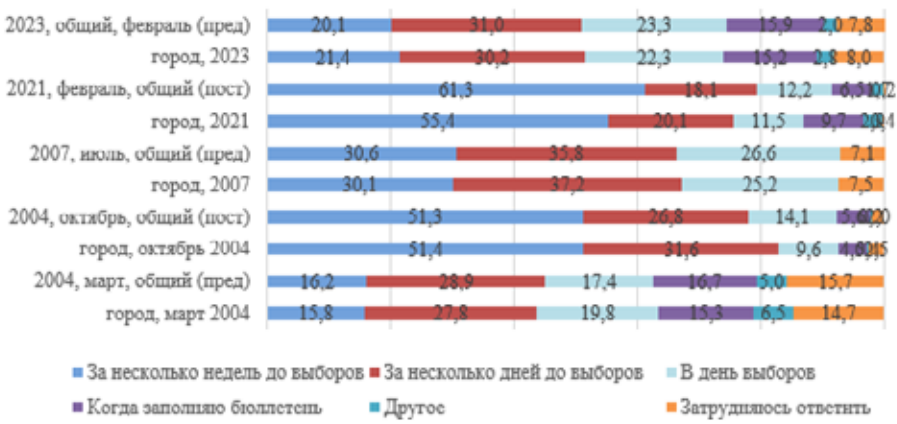
Обращает внимание практически полное сходство распределений ответов горожан на вопрос о голосовании с общими данными по массиву: совпадают ответы как предэлекторального, так и постэлекторального периодов.

Рисунок 1. Когда Вы принимаете/Когда Вы приняли решение о том, за кого проголосуете? (%; сравнительные данные общего показателя и по городскому электорату)



Распределение результатов опросов сельских избирателей тоже имеет сходство с общим рисунком ответов, хотя выбиваются данные постэлекторального исследования 2004 г., когда практически каждый пятый сельчанин принял решение о голосовании в день выборов (19,3%) и такого же исследования 2021 г., согласно которому 69,5% опрошенных сельчан приняли решение о голосовании за несколько недель до выборов — характерный ответ для осознанного голосования. Напомним, что выборы 2004 г. проходили по смешанной системе, в то время как выборы 2021 г. проводились по пропорциональной системе, что возможно повлияло на уровень мобилизации сельского электората.

Рисунок 2. Когда Вы принимаете/Когда Вы приняли решение о том, за кого проголосуете? (%; сравнительные данные общего показателя и по сельскому электорату)



Таким образом, можно сделать вывод об уже сложившихся и при этом схожих описаниях процесса принятия решения при электоральном выборе представителями городского и сельского электората. Причем эта схожесть фиксируется как в опросах на входе в избирательные кампании (решение за несколько дней и несколько недель до голосования), так и при изучении электоральной памяти (в этом случае чаще сообщалось, что решение принимается за несколько недель до выборов). Интересно, что ответы о «маргинальном» решении сделать выбор в момент заполнения бюллетеня чаще всего были зафиксированы на предэлекторальных опросах в 2004 г. и 2023 г., т.е., перед выборами по смешанной, пропорционально-мажоритарной, системе. Например, среди сельского электората доля таких ответов составила 19,5% и 17%, в городе 15,3% и 15,2%, соответственно.

Важным направлением изучения электорального поведения является изучение вопроса непосредственно о явке избирателей на выборы. Официальные данные Центральной избирательной комиссии по явке на парламентских выборах показывают складывающиеся электоральные тенденции, начиная с 1995 г., и также фиксируют значительные колебания показателей явки в зависимости от того, по каким правилам проходит выборная кампания. Всего с 1995 г. в Казахстане проведено 9 кампаний (включая кампанию 1994 г. в однопалатный Верховный Совет). Показатели явки 8 избирательных кампаний в двухпалатный Парламент, проведенных по различным правилам, распределяются следующим образом:

- мажоритарные выборы 1995 г. (явка 79,8%),
- выборы по смешанной пропорционально-мажоритарной системе (1999 г. — явка 62,56% в первом туре и 51,37% во втором туре; 2004 г. — 54,3% и 2023 г. — 54,15%),
- выборы по пропорциональной системе (2007 г. — явка 68,6%; 2012 г. — 75,4%; 2016 г. — 77,12% и 2021г. — 63,25%).

Укажем, что согласно данным территориальных избирательных комиссий, представленных в издании КИСИ 2024 года, «при сравнении явки в разрезе городов и районов областей Казахстана отмечается, что явку избирателей в основном обеспечивают жители сел, сельских округов и городов районного значения. В то время как жители городов более пассивны при осуществлении активного избирательного права» [22, с. 55].

Как видим, самые высокие официальные показатели явки на выборах в Парламент (выше 70%) фиксировались в 1995 г., 2012 г. и 2016 г. На выборы 2004 г. и 2023 г. пришло примерно одинаковое число избирателей (54,3% и 54,15% соответственно). Колебания официальных показателей явки разных лет в 20 и более процентов, безусловно, вызывают интерес и требуют интерпретации, в том числе с использованием социологических подходов.

В электоральных исследованиях задаются разные вопросы с целью уточнить, ходили ли респонденты на выборы или планируют ли они пойти на выборы в уже определенную дату? Вопрос может также задаваться в гипотетической форме, без привязки к точной дате — планируют ли граждане пойти на выборы, если они состоятся в ближайшее время/воскресенье? В наших исследованиях задавались вопросы в различных формах, отдельные результаты представлены ниже.

На основе опросов марта 2004 г., октября 2004 г. и февраля 2021 г. можем провести сравнение официальных итогов парламентских выборов и результатов социологических замеров (см. табл. 1). Имеет место разрыв между официальными данными ЦИКа об итогах голосования 1999 г. (62,56% в первом туре, 51,37% – во втором туре) и результатов опроса по оценке электоральной памяти (37%). В этом случае очевидно повлияло то, что опрос проводился почти через 5 лет после выборов, поэтому нет ничего удивительного в том, что респонденты не помнили — ходили они на выборы или нет. В другом случае — по итогам выборов в Мажилис 2004 г. – разницы между официальными результатами по явке и опросными данными практически нет: 54,3% и 57,3% соответственно, по опросу показатели даже чуть выше (3%), при этом опрос проводился через месяц после выборов. Январские выборы 2021 г. снова выявили различия между данными ЦИКа и результатами опроса – 63,25% и 44,8%, хотя опрос проводился также через месяц после выборов.

Поскольку целью данной работы является выявление особенностей сельского голосования, рассмотрим соответствующий разрез. Анализ данных показывает, что какой-то одной особенности электорального поведения не прослеживается: в опросах 2004 г. сельские избиратели показывали более высокий уровень электоральной памяти в сравнении с горожанами (особенно в опросе октября 2004 г. – 71,7% и 48,8% соответственно), при том, что показатели памяти о явке на выборах 2021 г. у сельского и городского электората находятся на одном уровне.

Таблица 1. Состояние электоральной памяти (по вопросу: «Скажите, вы принимали участие в голосовании на выборах в Мажилис Парламента, которые состоялись…?»)

Участие	10 и 24 октября 1999 г.			19 сентября 2004 г.			10 января 2021 г.		
	по стране	город	село	по стране	город	село	по стране	город	село
Да	37,0	33,3	44,3	57,3	48,8	71,7	41,5	41,0	42,2
Нет	52,3	56,2	44,3	42,3	50,9	27,7	54,2	54,3	54,0
Затрудняюсь ответить	10,7	10,4	11,3	0,4	0,3	0,6	4,4	4,7	3,9

Чтобы проанализировать результаты опросов по гипотетической явке, т.е. без привязки к какой-либо дате, приведем данные по трем опросам: двум предэлекторальным — марта 2004 г. и ноября 2012 г. — и одного постэлекторального, который проведен в марте 2017 г., через год после выборов. И в городе, и на селе половина и более участников опросов подтверждали своё участие на парламентских выборах, если они состоятся в ближайшее воскресенье. Причем сельские избиратели чаще говорили о том, что пойдут на выборы, чем городские: так в мартовском исследовании 2017 г. 72,6% сельских избирателей сказали, что примут участие в выборах в Мажилис Парламента РК, если они состоятся в ближайшее воскресенье (напомним, что предыдущие выборы состоялись в марте 2016 г., официальная явка по

стране составила 77,12%), в то время как среди горожан доля потенциальных участников составила 57,4%.

Авторы располагают и результатами опросов населения по оценке потенциальной явки на основе замеров в преддверии выборов, которые состоялись 19 сентября 2004 г. (опрос прошел в июне 2004 г.), 18 августа 2007 г. (опрос прошел в июле 2007 г.) и 19 марта 2023 г. (опрос прошел в феврале 2023 г.) (см. табл. 2). Если суммировать ответы респонденты, то на выборы 2004 г. планировали прийти 70% опрошенных (официальная явка 54,3%; в городе – 66%, в селе – 79,9%), в 2007 г. планировали (обязательно и скорее всего пойдут на голосование) прийти на выборы 77,9% опрошенных (официальная явка 68,6%), при этом в селе – 81,5%, в городе – 75,4% респондентов. В мартовских выборах 2023 г. собирались принять участие 59% опрошенных (официальная явка 54,15%), при этом 56,9% в городе, а в селе – 61,9%.

Обращает внимание, что показатели количества избирателей, которые в 2007 г. и 2023 г. собирались обязательно принять участие в выборах и точно не пойдут на голосование, не имеют значимых колебаний, причём как общие, так и в разрезе город/село: например, в 2007 г. обязательно пойду – 51,9% по стране, 51,1% в городе, 53,1% на селе; в 2023 г. обязательно пойду – 22,7% по стране, 22% в городе и 23,7% на селе.

Очевидно, что исходя из социологических данных можно утверждать, что голосование сельских избирателей имело важное значение для результатов выборов 2004 г. и 2007 г. Примечательно, что данные выборы были проведены по разным избирательным системам (смешанной и пропорциональной соответственно), но это не оказало значимого влияния на электоральное поведение сельских избирателей. Вместе с тем подобный вывод нельзя сделать о выборах 2023 г., проведённых по смешанной системе, но не получивших высокой поддержки за месяц до голосования у сельчан.

Таблица 2. Вы планируете принять участие в голосовании на предстоящих выборах, которые состоятся…? (%; сравнительные данные)

Явка	в 2004 г.			18 августа 2007 г.			19 марта 2023 г.		
	по стране	город	село	по стране	город	село	по стране	город	село
Обязательно приму участие в голосовании	42,0	38,0	51,7	51,9	51,1	53,1	22,7	22,0	23,7
Скорее всего, приму участие в голосовании	28,0	28,0	28,2	26,0	24,3	28,4	36,3	34,9	38,2
Скорее всего, не пойду на голосование	13,1	15,1	8,2	5,6	6,6	4,3	25,0	26,5	22,8
Точно не пойду на голосование	12,7	15,4	6,1	7,3	7,6	6,7	13,6	13,2	14,3
Еще не решил (-а) окончательно	-	-	-	7,3	8,3	6,0	-	-	-
Затрудняюсь ответить	4,2	3,5	5,7	1,9	2,2	1,5	2,5	3,4	1,1

Таким образом, анализ социологических данных показывает, что в разные годы не менее 50% участников опросов планировали прийти на парламентские выборы, вне зависимости от того, будут ли они проходить в уже назначенную дату или в «ближайшее воскресенье». Что движет потенциальными избирателями, почему они пойдут на выборы? Рассмотрим, какие различия по этому вопросу выявлены в объяснениях представителей сельского и городского электората.

Результаты двух постэлекторальных опросов (октября 2004 г. и февраля 2021 г.) показывают, что сельские избиратели чаще городских приоритетом своего участия в выборах называют то, что «это является долгом гражданина, я всегда хожу на выборы»: в 2004 г. данный вариант ответа выбрали 62,4% опрошенных в селе и только 44,4% опрошенных в городе; соответствующее распределение в 2021г. – 56,6% и 47,1%. Отметим, что подобное объяснение в социологической науке чаще относят к дисциплинарной форме электорального поведения, как и вариант ответа «я участвовал в голосовании в принудительном порядке». В этом случае ответы распределились иначе: так, если о принудительности голосования в 2004 г. сказало примерно равное число опрошенных в городе и селе (2–3%), то в опросе 2021 г. о принудительном голосовании чаще (почти в 3 раза) сообщали горожане, чем сельчане (10,8% и 3,6%). Можем предположить, что это говорит о более активном использовании ресурса мобилизации в рамках организованных и достаточно крупных трудовых коллективов, которые больше представлены в городских условиях.

В то же время городским избирателям в большей степени свойственна и осознанная электоральная активность. Так, в этой среде чаще выбирали вариант ответа «я не хотел, чтобы кто-то вместо меня распорядился моим «голосом»: в 2004 г. 26% по сравнению с 17,8% среди сельских жителей, в 2021 г. разрыв данных по этому варианту ответа меньше, но, тем не менее, присутствует, соответственно, 26,3% и 22,4%.

Вместе с тем есть изменения, которые произошли при выборе варианта ответа «я хотел отдать свой голос за партию (кандидата), деятельность которой (-ого) поддерживаю», также характеризующего наличие осознанного голосования в электорате. Если в 2004 г. этот вариант ответа чаще выбирали городские избиратели (23,4% и 15,9%), то в 2021 г. распределение ответов изменилось – среди горожан, число отдающих свой голос за партию/кандидата, деятельность которых поддерживают, уменьшилось в два раза (12,6%), при том, что среди сельских жителей оно осталось на прежнем уровне (15,3%). Таким образом, можно говорить о существенных изменениях в электоральных настроениях горожан в сторону снижения осознанного голосования при стабильности подходов части сельского электората. Т.е. выявленные на фокус-группах представления горожан об активном сельском голосовании являются стереотипными, и возможно основанными на недостоверной информации.

Таблица 3. Причины участия в выборах (%; сравнительные данные)

Причины участия	Октябрь, 2004 г.			Февраль, 2021 г.		
	по стране	город	село	по стране	город	село
Участие в выборах является долгом гражданина, я всегда хожу на выборы	52,7	44,4	62,4	51,1	47,1	56,6
Я не хотел, чтобы кто-то вместо меня распорядился моим «голосом»	22,2	26,0	17,8	24,7	26,3	22,4
Я участвовал в голосовании в принудительном порядке	2,3	1,8	2,9	7,8	10,8	3,6
Я хотел отдать свой голос за партию (кандидата), деятельность которой (-ого) поддерживаю	19,9	23,4	15,9	13,7	12,6	15,3
Я хотел проголосовать по системе «Сайлау»	1,8	2,7	0,8	-	-	-
Другое	0,4	0,7	0	0,2	0,4	-
Затрудняюсь ответить	0,7	1,1	0,2	2,5	2,9	2,0

Для описания особенностей электоральной ситуации в Казахстане имеет смысл рассмотрение причин того, почему от четверти до трети потенциальных избирателей (по итогам опросов) не хотели и не планировали участвовать в парламентских выборах. Анализ фокус-групп зафиксировал неверие электоральным процессам со стороны горожан; так, респонденты говорили, «что выборы за последние лет 20 они уже заранее все решены. А то, что люди ходят, голосуют за кого-то – это чисто показуха» и «Что там всё решили уже, что наш голос всё равно ничего не значит». Согласно результатам опросов, основной причиной снижения потенциальной явки также является неверие избирателей в качество выборного процесса (вариант ответа «результаты выборов известны заранее, от моего голоса ничего не зависит»). Причем число выбирающих такой ответ выросло в 2021 г. по сравнению с 2004 г. более чем в два раза, в равной мере и в сельской, и в городской среде (в городе с 23,3% до 58,8%, в селе с 24,7% до 54,4%).

Вместе с тем снизились показатели равнодушия к итогам голосования: так, если в 2004 г. о том, что «мне было безразлично, кто будет избран», сказали 17,7% опрошенных в селе, то в 2021 г. доля таких ответов снизилась до 10,3%, в городе распределение ответов 23,9% и 14,4% соответственно.

Обращает внимание и то, что в 2021 г. сельские избиратели чаще жаловались на состояние здоровья, как причину неучастия в выборах (7,1%) и на низкий уровень информированности (не знали номер своего избирательного участка) – 8,7%; в то время как городские избиратели чаще выбирали вариант ответа «мне не была симпатична ни одна из участвующих в выборе политическая партий/никто из кандидатов» – 8,1%. В то же время, если в 2004 г. каждый десятый избиратель жаловался в качестве причины своего неучастия в выборах на то, что его фамилии не было в списках, то в 2021 г. таких ответов не было зафиксировано, что говорит о позитивных изменениях в подготовительной работе избирательных комиссий.

Таблица 4. Причины неучастия в выборах (%; сравнительные данные)

Причины неучастия	в 2004 г.			18 августа 2007 г.		
	по стране	город	село	по стране	город	село
Мне было безразлично, кто будет избран	22,4	23,9	17,7	12,7	14,4	10,3
Мне не была симпатична ни одна из участвующих в выборе политическая партий/никто из кандидатов	7,6	7,3	8,6	7,2	8,1	6,0
Результаты выборов известны заранее, от моего голоса ничего не зависит	23,7	23,3	24,7	57,0	58,8	54,4
Я не знал номер своего избирательного участка	4,1	4,7	2,2	5,8	3,8	8,7
По состоянию здоровья	2,2	1,9	3,2	3,5	1,1	7,1
Моей фамилии не было в списке избирателей	10,1	10,1	10,2	-	-	-
Другое	11,4	10,3	15,1	-	-	-
Затрудняюсь ответить	4,3	3,8	5,9	-	-	-

Заключение

Заключение

Исследование показало, что в городской среде сформирован ряд стереотипных представлений об электоральном поведении сельских жителей. Отвечая на вопрос о том, кому в большей мере свойственна электоральная активность, горожане — участники фокус-групповых дискуссий указывали на сельчан, как более дисциплинированных избирателей. Надо сказать, что результаты анкетных опросов не подтверждают в полной мере предположения горожан, полученные по результатам анализа фокус-групп. С одной стороны, практически нет различий в таком аспекте электорального поведения, как период принятия решения о том, за кого проголосуют городские и сельские избиратели: чаще всего решение о голосовании в обоих случаях принимается за несколько дней/недель до дня выборов. В данном случае можно выдвинуть предположение о наличии равномерного информирования всех групп населения о дате выборов, их содержании и схожего отношения избирателей из разных групп к работе с электоральной информацией.

С другой стороны, результаты опросов подтверждают представление горожан о сельчанах, как более активных избирателях. Количественные данные показывают некоторое превышение у сельчан показателей готовности прийти на выборы, по сравнению с горожанами, вместе с тем нельзя сказать, что оно существенно выше (например, в 2023 г. о том, что пойдут на выборы сказали 62% сельчан и 57% горожан). Но в этом случае важно отметить, что и это представление стремится стать стереотипом, потому что в сельской местности видно снижение числа тех, кто планировал пойти на парламентские выборы. Примечательно, что данный процесс стал проявляться после выборов 2016 г.: если на выборах 2004 и 2007 гг. о том, что они планируют пойти на выборы сообщали около 80% сельских избирателей (обязательно и скорее всего пойду), то в 2017 г. их доля снизилась

до 73%, в 2023 г. до 62%.

Однако, горожане не ошибаются в своих предположениях о мотивах голосования сельских избирателей. Прежде всего, речь идет о так называемом дисциплинарном голосовании, имеющем характер ритуала: около 60% сельчан в рамках опросов разных лет выбирали вариант ответа, что «участие в выборах является долгом гражданина, я всегда хожу на выборы». Также в сельской среде растет число избирателей, электоральное поведение которых можно отнести к голосованию «от противного»: так, в 2021 г. более пятой части сельчан пошли на выборы, потому что не хотели, чтобы кто-то вместо них распорядился их «голосом» (18% в 2004 г.). Вместе с тем интересно, что доля тех, чье голосование можно назвать осознанным, т.е. тех, кто хотел бы отдать свой голос за партию (кандидата), деятельность которой (-ого) поддерживают, сохраняется на одном уровне – каждый седьмой сельский избиратель в опросах 2004 г. и 2021 г., что можно назвать недостаточно высоким показателем.

В целом всё же можно сказать, что с течением времени происходят изменения в сторону сглаживания различий в электоральном поведении городских и сельских жителей как в силу заметного снижения «осознанности» выбора горожан, так и в связи с общим скепсисом в обеих группах в отношении выборного процесса (от моего голоса ничего не зависит), что отражается на оценках потенциальной явки. Также отметим еще один факт: выборы по смешанной системе – 2004 г. и 2023 г. – вызывали меньший интерес избирателей (как сельских, так и городских), чем выборы, проведенные по пропорциональной системе. Очевидно, что нужны дополнительные исследования по выявлению партийно-политических предпочтений населения, чтобы сделать более точные выводы о глубинных процессах, протекающих в казахстанском электорате, как в городском, так и, безусловно, сельском.

Статья подготовлена в рамках грантового научного проекта AP23488744 «Политическое участие в Казахстане: динамика и возможности расширения», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Список литературы

1. Michalak K. Schema // International Encyclopedia of Political Science. All Volumes / Editors: Badie B., Berg-Schlosser D., Morlino L. – London: SAGE Publications, 2011 – P. 2362-2364.
2. Diamanti I. Public Opinion // International Encyclopedia of Political Science. All Volumes / Editors: Badie B., Berg-Schlosser D., Morlino L. – London: SAGE Publications, 2011 – P. 2166-2172.
3. Westle B. Identity, Social and Political // International Encyclopedia of Political Science. All Volumes / Editors: Badie B., Berg-Schlosser D., Morlino L. – London: SAGE Publications, 2011 – P. 1131-1143.
4. Hyneman C. S. Review of Political Man: The Social Bases of Politics., by S. M. Lipset. // Administrative Science Quarterly, 5(2). – 1960. – P. 326–328. – https://doi.org/10.2307/2390789

5. Gimpel J.G., Lovin N., Moy B. et al. The Urban–Rural Gulf in American Political Behavior. // Polit Behav. – 2020. – P. 1343–1368. – https://doi.org/10.1007/s11109-020-09601-w
6. Harding R. Urban-Rural Differences in Support for Incumbents across Africa. Working Paper №120. – Afrobarometer, 2010. – https://www.files.ethz.ch/isn/118708/AfropaperNo120.pdf
7. Wahman M., Kenneth B. Jr. The Rural Voter. // SAGE Encyclopedia of Political Behavior / Editor: Fathali M. Moghaddam. – SAGE Publications, 2017 – https://www.researchgate.net/publication/316464113_The_Rural_Voter
8. Remington T. F. Economic Autonomy and Democracy: Hybrid Regimes in Russia and Kyrgyzstan. By Kelly M. McMann. // Slavic Review, 66(4). – 2007. – P. 754–755. – doi:10.2307/20060407
9. Mughees A. Voting behaviour in rural and urban areas of Punjab. // Journal of Political Studies, 14 (01). – 2008. – P. 45-55. – https://jps.pu.edu.pk/6/article/view/152
10. Munis B.K. Us Over Here Versus Them Over There…Literally: Measuring Place Resentment in American Politics. // Polit Behav 44. – 2022. – P. 1057–1078. – https://doi.org/10.1007/s11109-020-09641-2
11. Huijsmans T., Rodden J. The Great Global Divider? A Comparison of Urban-Rural Partisan Polarization in Western Democracies. // Comparative Political Studies, 58 (2). – 2025. – P. 261–290. – https://doi.org/10.1177/00104140241237458
12. de Lange S., van der Brug W., Harteveld E. Regional resentment in the Netherlands: A rural or peripheral phenomenon? // Regional Studies, 57:3. – 2023. – P. 403-415. – DOI: 10.1080/00343404.2022.2084527
13. Claassen Ch., Carman Ch., Bankov P. Is there a rural-urban political divide in Britain? // Journal of Elections, Public Opinion and Parties, 35:4. –2025. – P. 661-689. – DOI: 10.1080/17457289.2024.2393587
14. Agustino L., Hikmawan M.D. How powerful are village heads? Clientelism in the reform era of Indonesia's democracy. // Front. Polit. Sci. 8:1747452. – 2026. – doi: 10.3389/fpos.2026.1747452
15. Claassen Ch., Bankov P., Carman Ch. Countryside champions or urban allies? What rural and urban citizens want from elected representatives. // Electoral Studies, 95, [102937]. – 2025. – doi: 10.1016/j.electstud.2025.102937
16. Воробьева И.В. Политическое участие жителей российского села // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. №3 (9). – https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-uchastie-zhiteley-rossiyskogo-sela
17. Санхаева Ж., Аскеева Г., Урпекова А. Особенности проведения избирательных кампаний на выборах сельских акимов в Казахстане. – Казахстан-Спектр, т. 106, №2. – 2023. – https://journal-ks.kisi.kz/index.php/ks/article/view/229
18. Мархиев Д., Бакирова Б., Мухамедгалиева А., Куншашева А. Оперативный анализ ситуации с выборами акимов местного уровня // Сайт ОФ «ЦСПИ «Стратегия» – https://www.ofstrategy.kz/ru/research/politic-research/item/772-operativnyj-analiz-situatsii-s-vyborami-akimov-mestnogo-urovnya
19. Акесина А. Прямая выборность акимов как ключ к общественному доверию // Сайт КИСИ при Президенте РК, 02.09.2024. – https://kisi.kz/ru/pryamaya-vybornost-akimov-kak-kljuch-k-obshhestvennomu-doveriju/
20. Амренов А.А. Совершенствование процесса выборов акимов сельских округов (на примере Северо-Казахстанской области) – Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, 2024. – https://repository.apa.kz/bitstream/handle/123456789/1474/Амренов%20А%20Маг-Проект.pdf
21. Илеуова Г.Т., Ашимбаев Д.Р. Выборы-2004 в Казахстане: шаг за шагом. – Алматы: ИД «Credo», 2005. – 312 с. – ISBN 9965-9596-2-5
22. Выборы депутатов маслихатов-2023: особенности и тенденции. К 30-летию образования маслихатов. Коллективная монография. – Астана: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2024. – 208 с. – ISBN 978-601-81083-8-9
23. Насимова Г.О., Илеуова Г.Т. и др. Протестный потенциал в Казахстане: от декларации к действиям / – Алматы, Қазақ университеті, 2022. – 158 с. – ISBN 978-601-04-7113-9

References

1. Michalak K. (2011) Schema. International Encyclopedia of Political Science. All Volumes. Editors: Badie B., Berg-Schlosser D., Morlino L. London: SAGE Publications, Inc. pp. 2362-2364.
2. Diamanti I. (2011) Public Opinion. International Encyclopedia of Political Science. All Volumes. Editors: Badie B., Berg-Schlosser D., Morlino L. London: SAGE Publications, Inc. pp. 2166-2172.
3. Westle B. (2011) Identity, Social and Political. International Encyclopedia of Political Science. All Volumes. Editors: Badie B., Berg-Schlosser D., Morlino L. London: SAGE Publications, Inc. pp. 1131-1143.
4. Hyneman C. S. (1960). Review of Political Man: The Social Bases of Politics., by S. M. Lipset. Administrative Science Quarterly, 5(2), pp. 326–328. https://doi.org/10.2307/2390789
5. Gimpel J.G., Lovin N., Moy B. et al. (2020) The Urban–Rural Gulf in American Political Behavior. Polit Behav, pp. 1343–1368. https://doi.org/10.1007/s11109-020-09601-w
6. Harding R. (2010). Urban-Rural Differences in Support for Incumbents across Africa. Working Paper №120. Afrobarometer. https://www.files.ethz.ch/isn/118708/AfropaperNo120.pdf
7. Wahman M., Kenneth B. Jr. (2017). The Rural Voter. SAGE Encyclopedia of Political Behavior Editor: Fathali M. Moghaddam. SAGE Publications, Inc., https://www.researchgate.net/publication/316464113_The_Rural_Voter
8. Remington, T. F. (2007). Economic Autonomy and Democracy: Hybrid Regimes in Russia and Kyrgyzstan. By Kelly M. McMann. Slavic Review, 66(4), pp. 754–755. doi:10.2307/20060407
9. Mughees A. (2008). Voting behaviour in rural and urban areas of Punjab. // Journal of Political Studies, 14 (01), pp. 45-55. https://jps.pu.edu.pk/6/article/view/152
10. Munis B.K. (2022) Us Over Here Versus Them Over There…Literally: Measuring Place Resentment in American Politics. Polit Behav 44, pp. 1057–1078. https://doi.org/10.1007/s11109-020-09641-2
11. Huijsmans T., Rodden J. (2025). The Great Global Divider? A Comparison of Urban-Rural Partisan Polarization in Western Democracies. Comparative Political Studies, 58(2), pp. 261–290. https://doi.org/10.1177/00104140241237458
12. de Lange S., van der Brug W., Harteveld E. (2023) Regional resentment in the Netherlands: A rural or peripheral phenomenon? Regional Studies, 57:3, pp. 403-415, DOI: 10.1080/00343404.2022.2084527
13. Claassen Ch., Carman Ch., Bankov P. (2025) Is there a rural-urban political divide in Britain? Journal of Elections, Public Opinion and Parties, 35:4, pp. 661-689, DOI: 10.1080/17457289.2024.2393587
14. Agustino L., Hikmawan M.D. (2026) How powerful are village heads? Clientelism in the reform era of Indonesia's democracy. Front. Polit. Sci. 8:1747452. doi: 10.3389/fpos.2026.1747452
15. Claassen Ch., Bankov P., Carman Ch. (2025) Countryside champions or urban allies? What rural and urban citizens want from elected representatives. Electoral Studies, 95, [102937]. (doi: 10.1016/j.electstud.2025.102937)
16. Vorob'eva I.V. (2017) Politicheskoe uchastie zhitelei rossiiskogo sela [Political participation of residents of the Russian village] // Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie». №3 (9). – https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-uchastie-zhiteley-rossiyskogo-sela
17. Sankhaeva Zh., Askeeva G., Urpekova A. (2023) Osobennosti provedeniya izbiratel'nykh kampanii na vyborakh sel'skikh akimov v Kazakhstane [Peculiarities of conducting election campaigns for rural akims in Kazakhstan]. Kazakhstan-Spektr, tom 106, №2. https://journal-ks.kisi.kz/index.php/ks/article/view/229
18. Markhiev D., Bakirova B., Mukhamedgalieva A., Kunshasheva A. Operativnyi analiz situatsii s vyborami akimov mestnogo urovnya [Operational analysis of the situation with the elections of local akims]. Website of the Public Foundation "CSPR "Strategy" https://www.ofstrategy.kz/ru/research/politic-research/item/772-operativnyj-analiz-situatsii-s-vyborami-akimov-mestnogo-urovnya
19. Akesina A. (2024) Pryamaya vybornost' akimov kak klyuch k obshchestvennomu doveriyu [Direct election of akims as a key to public trust]. Website of the KISI

under the President of the Republic of Kazakhstan, 02.09.2024. https://kisi.kz/ru/pryamaya-vybornost-akimov-kak-kljuch-k-obshhestvennomu-doveriju/
20. Amrenov A.A. (2024) Sovershenstvovanie protsessa vyborov akimov sel'skikh okrugov (na primere Severo-Kazakhstanskoi oblasti) [Improving the process of electing akims of rural districts (using the North Kazakhstan region as an example)]. Akademiya gosudarstvennogo upravleniya pri Prezidente Respubliki Kazakhstan. https://repository.apa.kz/bitstream/handle/123456789/1474/Amrenov%20A%20Mag-Proekt.pdf
21. Ileuova G.T., Ashimbaev D.R. (2005) Vybory-2004 v Kazakhstane: shag za shagom [The 2004 Elections in Kazakhstan: Step by Step]. Almaty: ID "Credo". p. 312 ISBN 9965-9596-2-5
22. Vybory deputatov maslikhatov-2023: osobennosti i tendentsii. K 30-letiyu obrazovaniya maslikhatov. [Elections of Maslikhat Deputies-2023: Features and Trends. On the 30th Anniversary of the Formation of Maslikhats]. Kollektivnaya monografiya. Astana: Kazakhstanskii institut strategicheskikh issledovanii pri Prezidente RK, 2024. p. 208 ISBN 978-601-81083-8-9
23. Nasimova G.O., Ileuova G.T. et al. (2022). Protestnyi potentsial v Kazakhstane: ot deklaratsii k deistviyam [Protest Potential in Kazakhstan: From Declaration to Action]. Almaty, Qazaq universiteti, 2022. p. 158. ISBN 978-601-04-7113-9

Материал поступил в редакцию 16.03.2026
Утвержден к публикации 18.06.2026

МРНТИ:
11.15.45

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В КАЗАХСТАНЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ

Нұржан Болатұлы[1*]
Руслан Мақсат[2]
Данагуль Копежанова[3]

[1*] Докторант кафедры политологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, e-mail: nur.bolatuly01@gmail.com
[2] Докторант кафедры политологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, e-mail: rusnur001@gmail.com
[3] Доцент кафедры политологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, PhD, Астана, Казахстан, e-mail: dana_enu_81@mail.ru

https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.2.003

Аннотация. В статье исследованы особенности работы системы органов местного самоуправления в Республике Казахстан. Осуществлен поиск успешного зарубежного опыта в сфере деятельности органов местного самоуправления с целью имплементации их в современные реалии Республики Казахстан. Сформированы стратегические императивы действий по улучшению состояния местного самоуправления в Республике Казахстан. Особое внимание уделено вопросам транспарентности политических процессов, демократизации и укрепления принципов «слышащего государства». Рассматриваются возможности внедрения цифровизации как инструмента повышения открытости и подотчётности органов местного самоуправления. Подчёркивается значимость транспарентности и справедливости в процессе децентрализации и укрепления доверия между государством и гражданским обществом. При подготовке данной статьи авторы использовали инструменты искусственного интеллекта (ИИ) исключительно для стилистического редактирования текста и перевода аннотаций. Вся исследовательская работа, сбор эмпирических данных, сравнительный анализ и формулирование выводов выполнены авторами самостоятельно.

Ключевые слова: *местное самоуправление, органы местного самоуправления, децентрализация, транспарентность, политические процессы, демократизация, слышащее государство, справедливость, цифровизация, зарубежный опыт, лучшие практики местного самоуправления.*

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ТРАНСПАРЕНТТІК ПЕН ЖЕРГІЛІКТІ ӨЗІН-ӨЗІ БАСҚАРУ: ШЕТЕЛДІК ТӘЖІРИБЕ ЖӘНЕ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ

Нұржан Болатұлы[1*], Руслан Мақсат[2], Данагүл Көпежанова[3]

[1*] Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті саясаттану кафедрасының докторанты,

[2] Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті саясаттану кафедрасының докторанты,

[3] Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті саясаттану кафедрасының доценті, PhD.

Аңдатпа. Мақалада Қазақстан Республикасындағы жергілікті өзін-өзі басқару жүйесінің қызмет ерекшеліктері зерттеледі. Жергілікті өзін-өзі басқару органдарының қызмет саласындағы табысты шетелдік тәжірибелерді іздеу және оларды Қазақстан Республикасының қазіргі жағдайына бейімдеп енгізу жолдары қарастырылады. Қазақстандағы жергілікті өзін-өзі басқару жүйесінің жай-күйін жетілдіру мақсатында стратегиялық іс-қимыл императивтері айқындалған. Ерекше назар саяси процестердің транспаренттілігіне, демократияландыруға және «халық үніне құлақ асатын мемлекет» қағидаттарын нығайту мәселелеріне аударылады. Сонымен қатар, жергілікті өзін-өзі басқару органдарының ашықтығы мен есептілігін арттыру құралы ретінде цифрландыруды енгізу мүмкіндіктері талданады. Децентрализация үдерісінде транспаренттілік пен әділдік қағидаттарының маңыздылығы және мемлекет пен азаматтық қоғам арасындағы сенімді нығайтудың өзектілігі атап өтіледі. Осы мақаланы дайындау барысында авторлар жасанды интеллект (ЖИ) құралдарын тек мәтінді стилистикалық өңдеу және аңдатпаларды аудару үшін ғана пайдаланды. Барлық зерттеу жұмыстары, эмпирикалық деректерді жинау, салыстырмалы талдау және қорытындыларды тұжырымдау авторлармен дербес орындалды.

Түйін сөздер: *жергілікті өзін-өзі басқару, жергілікті өзін-өзі басқару органдары, децентрализация, транспаренттік, саяси процестер, демократияландыру, халық үніне құлақ асатын мемлекет, әділдік, цифрландыру, шетелдік тәжірибе, үздік тәжірибелер.*

TRANSPARENCY AND LOCAL SELF-GOVERNMENT IN KAZAKHSTAN: FOREIGN EXPERIENCE AND DECENTRALIZATION

Nurzhan Bolatuly[1]*, Ruslan Maksat[2], Danagul Kopezhanova[3]

[1*] Doctoral Student, Department of Political Science, L.N. Gumilyov Eurasian National University,

[2] Doctoral Student, Department of Political Science, L.N. Gumilyov Eurasian National University,

[3] Associate Professor, Department of Political Science, L.N. Gumilyov Eurasian National University, PhD.

Abstract. The article explores the specific features of the functioning of the local self-government system in the Republic of Kazakhstan. It examines successful foreign practices in the field of local self-government with the aim of adapting and implementing them within the contemporary context of Kazakhstan. Strategic imperatives for improving the state of local self-government in the Republic of Kazakhstan have been formulated. Special attention is given to issues of transparency in political processes, democratization, and the strengthening of the principles of the "Listening State". The article also considers the potential of digitalization as a tool for enhancing the openness and accountability of local self-government bodies. The importance of transparency and justice in the process of decentralization and in strengthening trust between the state and civil society is emphasized. During the preparation of this article, the authors used artificial intelligence (AI) tools solely for stylistic editing of the text and translation of the abstracts. All research work, empirical data collection, comparative analysis, and the formulation of conclusions were conducted independently by the authors.

Keywords: *local self-government, local authorities, decentralization, transparency, political processes, democratization, listening state, justice, digitalization, foreign experience, best practices of local governance.*

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена масштабными политическими и социально-экономическими трансформациями в Республике Казахстан. В условиях реализации парадигмы «Справедливого Казахстана» и концепции «слышащего государства», провозглашенных Президентом К.К. Токаевым, критическое значение приобретают вопросы транспарентности политических процессов и модернизации системы местного самоуправления (далее – МСУ). Современные вызовы требуют комплексного переосмысления роли местных властей как ключевого звена взаимодействия между государством и обществом, что невозможно без глубокого анализа процессов децентрализации. Фундаментальным условием построения эффективной системы МСУ выступает наличие научно обоснованной стратегии ее развития, опирающейся на передовой международный опыт.

Научная новизна статьи заключается в проведении комплексного сравнительно-правового анализа институтов МСУ Казахстана и передовых зарубежных моделей (включая опыт Германии, Франции, Великобритании) сквозь призму современных реформ 2021–2026 годов. Впервые в отечественном политическом дискурсе германский принцип субсидиарности предметно рассматривается как наиболее адаптивная модель для казахстанской системы распределения властных полномочий в условиях цифровизации и построения «слышащего государства».

Целью данного исследования является комплексный анализ особенностей функционирования системы местного самоуправления в Республике Казахстан и разработка стратегических направлений ее совершенствования на основе адаптации передового зарубежного опыта децентрализации.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

1. Проанализировать текущее состояние и выявить институциональные противоречия в системе местного самоуправления Республики Казахстан.

2. Изучить успешный зарубежный опыт децентрализации и транспарентности управления на примере Франции, Болгарии, Великобритании, Японии и Германии.

3. Определить наиболее релевантные зарубежные модели для казахстанских реалий и выработать практические рекомендации по их имплементации.

Методология исследования

Методологической основой статьи выступает комплексный политико-правовой анализ, базирующийся на применении новых теоретико-концептуальных подходов, в первую очередь – неоинституционализма. Данный подход позволяет рассматривать местное самоуправление не просто как набор нормативных актов, а как живой институт взаимодействия акторов, зависящий от «эффекта колеи» (path dependence) и трансакционных издержек в политическом процессе Казахстана.

В качестве общенаучной базы использован диалектический метод познания, позволивший выявить противоречия в функционировании МСУ, включая проблему «иерархической пирамиды компетенций». Системно-структурный и структурно-функциональный методы применялись для определения роли маслихатов и акимов в общей архитектуре государственной власти.

Ключевым специально-научным инструментом выступил сравнительно-правовой (компаративный) метод. С его помощью был проведен кросснациональный анализ институтов децентрализации в Германии, Франции, Японии, Великобритании и Болгарии, что позволило выделить наиболее адаптивные практики для казахстанских реалий. Эмпирическую базу исследования составили статистические данные электоральных циклов 2021-2024 годов по выборам сельских и районных акимов, а также анализ стратегических государственных документов (Концепция развития МСУ до 2025 года).

Обзор литературы

Исследование теоретико-методологических основ местного самоуправления опирается на труды как отечественных, так и зарубежных ученых. В казахстанском научном дискурсе проблемы государственного и местного управления фундаментально раскрыты в работах Л.Н. Бурлакова [1] и А. Кемелбекова [2], где подчеркивается необходимость преодоления институциональных ограничений. Экономические аспекты и вопросы финансовой самостоятельности регионов глубоко проанализированы Н.К. Нурлановой [3].

Как справедливо отмечает рецензент, полноценный анализ требует обращения к трудам исследователей из стран с развитой системой МСУ. Опыт Франции в сфере административно-государственного управления и делегирования полномочий исследован в трудах И. Василенко [4] и французского ученого Ж. Марку (G. Marcou) [5]. Особенности британской модели партнерства советов и комиссий отражены в работах Ю. Момонт [6] и британских политологов. Германская система субсидиарности и вертикального распределения власти, являющаяся ключевой для данного исследования, детально изучается в трудах Х. Вольмана (H. Wollmann) [7] и Я.Ю. Старцева [8].

В последние годы в международной академической среде усилился интерес к реформам децентрализации в Казахстане. В частности, в работе К. Нокса (C. Knox) и С. Жаненовой «Comparative Analysis of Decentralization and Power Distribution in Local Self-Government: Kazakhstan and Europe» рас-

сматривается адаптация европейского опыта к казахстанскому контексту [9]. Авторы подчеркивают, что слабая финансовая автономия препятствует полноценному переходу к децентрализованной модели.

В исследовании Б. Махмутовой «Fiscal Decentralization: A Review of Intergovernmental Relations in Kazakhstan» анализируются изменения в межбюджетных отношениях [10], доказывая, что без передачи финансовых полномочий невозможен переход к открытому управлению. Проблематика транспарентности также раскрывается через применение индикатора LGPI (Local Governance Performance Index) в статье «Improving the activities of local government bodies in the Republic of Kazakhstan» [11]. Важным дополнением служат работы, посвященные цифровизации управления («Modernization of the Local Government System»), утверждающие, что публичные консультации и электронное управление — неотъемлемая часть модернизации МСУ [12]. Комплексность этих задач подтверждается анализом отечественных экспертов в рамках изучения перспектив государственного управления [13], а также попытками концептуализации национальной модели местного управления [14].

Результаты исследования и их обсуждение.

В ходе проведенного исследования были выявлены ключевые институциональные характеристики и противоречия действующей системы местного самоуправления в Республике Казахстан. Установлено, что, несмотря на конституционное признание местного самоуправления, на практике в государстве доминирует государственное начало управления. Выявлена проблема «иерархической пирамиды компетенции», при которой функции и полномочия между центральным и местными уровнями власти четко не разделены, что приводит к их дублированию.

Анализ успешного зарубежного опыта позволил выделить несколько эффективных механизмов децентрализации, потенциально применимых в отечественных реалиях. В частности, была рассмотрена французская система с ее разделением на коммуны и департаменты; изучен болгарский опыт формирования общин, обладающих статусом юридического лица; проанализирована британская традиция управления через советы и функциональные комиссии; а также исследована японская модель, отличающаяся высокой финансовой и стратегической автономией.

По итогам сравнительно-правового анализа был сделан вывод, что наиболее благоприятной для адаптации в условиях Казахстана является модель местного самоуправления Германии. Учитывая схожие территориальные особенности и богатство земельных ресурсов, германский принцип субсидиарности и вертикального распределения власти может стать надежной базой для казахстанских реформ. В качестве практической меры сформулирована необходимость создания специальных директоратов для координации вопросов местного развития на законодательном уровне.

Дискуссии вокруг эволюции института местного самоуправления (МСУ) в Казахстане сегодня выходят на первый план архитектуры государственного строительства. Выступая своеобразным мостом между властной вертикалью и гражданским обществом, этот институт остро нуждается в качественной институциональной поддержке. Анализ исторического и политического опыта Казахстана демонстрирует назревшую необходимость четкого разграниче-

ния государственных функций и задач местного самоуправления. Вовлечение муниципалитетов в решение локальных проблем требует комплексной децентрализации с учетом адаптированных зарубежных политических моделей.

В рамках данного исследования мы рассматриваем децентрализацию не просто как техническую передачу полномочий вниз по вертикали, а как фундаментальный инструмент трансформации всей управленческой парадигмы. Подобный сдвиг политического курса неизбежно требует прочного правового фундамента, ядром которого выступает Конституция. Для обеспечения практической, а не декларативной самостоятельности МСУ необходима дальнейшая имплементация правовых норм, гарантирующих четкое разграничение компетенций в правовом поле республики.

Если анализировать влияние децентрализации на казахстанские реалии, вырисовывается довольно противоречивая картина:

- Из-за размытости законодательных формулировок границы компетенций различных ведомств остаются нечеткими. Это порой провоцирует стихийное расширение функционала госорганов.
- Сохраняется устойчивое дублирование задач между центром и регионами. Эта нерешенная проблема порождает так называемую «иерархическую пирамиду компетенций», где ответственность распределена крайне неравномерно.
- На местах часто возникает административная путаница из-за пересечения полномочий территориальных подразделений центральных министерств и собственно органов местного самоуправления, работающих в схожих направлениях.
- Механизм распределения полномочий на уровне «область-район» лишен единообразия и стабильности. Фактически, этот процесс отдан на откуп областным администрациям, что мешает формированию универсальной практики.

Таким образом, без концептуального разделения функций государственной власти и местного самоуправления на уровне Основного закона, дальнейшая проработка нормативно-правовой базы рискует остаться малоэффективной.

Ключевым вектором трансформации отечественной системы власти стала Концепция развития местного самоуправления в Республике Казахстан до 2025 года, утвержденная Указом Президента РК от 18 августа 2021 года № 639. Данный документ ознаменовал концептуальный переход от жестко централизованного государственного администрирования к формированию реальных институтов самоуправления на низовом уровне.

В период 2021–2026 годов деятельность институтов МСУ неразрывно связана с реализацией парадигмы «Справедливый Казахстан». В этом контексте транспарентность выступает не просто техническим требованием, а фундаментом для выстраивания нового общественного договора. Справедливость на местном уровне подразумевает равный доступ граждан к распределению бюджетных средств, открытость принятия решений по благоустройству и подотчетность избираемых руководителей перед местным сообществом.

Практическим воплощением реформ 2021–2026 годов (и эмпирической базой данного исследования) стали прямые выборы акимов сельского уровня. На сегодняшний день по всей стране избрано 2334 акима сел, поселков и сельских округов. Показательно, что более 700 из них (около 30%) составили

граждане-самовыдвиженцы, а треть победивших кандидатов ранее вообще не работали в системе государственной службы. Подобные электоральные кампании генерируют реальные эмпирические данные, свидетельствующие о росте политической активности на местах, снижении административного барьера и повышении транспарентности. В 2023-2024 годах этот успешный опыт был масштабирован на уровень районов и городов областного значения, что стало беспрецедентным шагом в политической истории страны.

Финансовой основой реформ, заложенной в Концепции, стало внедрение бюджета четвертого уровня. Передача в ведение сельских округов поступлений от индивидуального подоходного налога, налогов на имущество, землю и транспорт позволила запустить механизм реальной фискальной децентрализации.

Институционализация собраний и сходов местного сообщества (маслихатов) выступает еще одним достижением Концепции. Сегодня эти площадки трансформируются из номинальных органов в реальные механизмы, где граждане могут блокировать или одобрять инфраструктурные проекты, что полностью соответствует принципам «слышащего государства».

Рассматривая казахстанскую практику, стоит отметить устойчивую дуалистическую природу местной власти, в которой исторически доминирует государственное начало. Несмотря на попытки модернизации, в частности, конституционные поправки 2007 года, закрепившие за маслихатами статус основы местного самоуправления, система так и не обрела исчерпывающего правового контура. Фактически, местное государственное управление продолжает играть роль «первой скрипки», оставляя самоуправлению лишь вспомогательные функции. Для преодоления этого дисбаланса критически важно обратиться к успешным кейсам политической децентрализации за рубежом, адаптируя их механизмы под национальные реалии.

Практическая реализация политической децентрализации в Казахстане, помимо электоральных процессов, требует прочного экономического базиса. Важнейшим шагом в этом направлении стало формирование бюджета четвертого уровня и передача прав на управление коммунальной собственностью непосредственно органам местного самоуправления. Согласно целевым индикаторам Концепции развития МСУ до 2025 года, уровень самодостаточности бюджетов сел и сельских округов должен достигнуть не менее 30%. Расширение налоговой базы на местах (за счет передачи дополнительных видов налогов и штрафов) призвано снизить дотационную зависимость регионов от центра и стимулировать местные власти к развитию локального предпринимательства. Однако на практике фискальная децентрализация сталкивается с неравномерным экономическим потенциалом сельских территорий, что диктует необходимость поиска более гибких механизмов перераспределения средств.

Параллельно с финансовыми преобразованиями наблюдается качественная трансформация представительных органов. Переход к новой гибридной модели формирования маслихатов и расширение их полномочий свидетельствуют о поэтапном отходе от жесткой управленческой вертикали. Дополнительным инструментом обеспечения транспарентности стали Общественные советы, функционирующие на местном уровне. Сегодня они выступают важным институциональным фильтром, позволяющим гражданскому обществу осуществлять антикоррупционную экспертизу проектов и контролировать

расходование бюджетных средств. Тем не менее, для достижения подлинной, а не декларативной автономии МСУ этих шагов пока недостаточно. Для преодоления формального подхода в работе местных институтов требуется глубокая рецепция и адаптация лучших зарубежных практик.

Компаративный анализ зарубежных систем позволяет выделить несколько ключевых векторов институционального развития.

Таблица 1. Сравнительный анализ зарубежных моделей децентрализации и местного самоуправления

Страна	Базовый уровень самоуправления	Ключевые особенности модели	Отношение к центральной власти
Франция	Коммуны, Департаменты	Совмещение функций госуправления и МСУ в лице мэра.	Делегирование гос. полномочий на коммунальный уровень, баланс между советом и префектом.
Болгария	Община (статус юр. лица)	Право общин на объединение для инфраструктурных проектов.	Высокая подотчетность кмета общинному совету и населению.
Великобритания	Советы графств и округов	Управление через профильные комиссии (советники и эксперты).	Горизонтальное партнерство, отсутствие строгой иерархии.
Япония	Муниципалитеты	Широкий спектр местных налогов, управление полицией и образованием.	Высокая финансовая автономия, ротация кадров между центром и регионами.
Германия	Общины (Gemeinden), Районы (Kreise)	Конституционная гарантия универсальной компетенции; принцип субсидиарности.	Высокая финансовая независимость (право на местные налоги), партнерство через распределение задач.

- Французская фрагментация и делегирование: Во Франции базовым уровнем выступают коммуны, где функционал государственной власти и местного самоуправления исторически переплетается в лице мэра. Примечательно, что с 1983 года наблюдается устойчивый тренд на передачу значительной части сугубо государственных полномочий на коммунальный уровень, что существенно повысило оперативность принятия решений на местах. На уровне департаментов действует эффективная система сдержек и противовесов между Генеральным советом (самоуправление) и префектом (государство).
- Болгарская территориальная консолидация: В Болгарии фундаментом самоуправления признана община, наделенная статусом юридического лица и правом на объединение с соседями для решения масштабных инфраструктурных или социальных задач. Главным органом исполнительной власти здесь выступает кмет, чья деятельность напрямую зависит от решений общинного совета и волеизъявления самих граждан, что делает систему максимально подотчетной населению.
- Британское партнерство советов и комиссий: Британская модель категорически отвергает строгую иерархию, выстраивая отношения между

советами графств и округов на принципах горизонтального партнерства. Вся реальная административная и проектная работа выведена в профильные комиссии, состоящие из выборных советников и наемных экспертов. При этом должность мэра носит преимущественно церемониальный характер, а операционным управлением занимается профессиональный главный администратор (chief executive). Это позволяет отделить политические дискуссии от хозяйственной деятельности.

- Японская автономия и кадровый прагматизм: Опыт Японии демонстрирует, как высокая децентрализация способствует экономическому и технологическому лидерству. Местные власти здесь не только управляют образованием и полицией, но и обладают колоссальной финансовой автономией за счет широкого спектра местных налогов (налоги с собственности, недвижимости, продажи авто). Отдельного внимания заслуживает ротационная система государственных служащих: регулярный обмен кадрами между центральным и местными правительствами предотвращает профессиональное выгорание и коррупцию, сохраняя при этом институциональную память.
- Германский принцип субсидиарности и финансовой независимости: Фундаментом германского местного самоуправления выступает принцип субсидиарности, закрепленный в статье 28 Основного закона (Конституции) ФРГ. В рамках этой модели общинам (Gemeinden) гарантируется право самостоятельно и под свою ответственность решать все вопросы местного значения. Это означает, что задачи передаются на более высокий государственный уровень (район, земля, федерация) только в том случае, если низовой уровень объективно не обладает ресурсами для их эффективного решения.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что ключевым отличием системы МСУ Германии от казахстанской является высочайшая степень финансовой автономии. Муниципалитеты в Германии не просто получают дотации, они имеют долю в совместных налогах (подоходный налог и НДС), а также обладают правом устанавливать ставки по местным налогам (промысловый налог — Gewerbesteuer и налог на недвижимость). Это делает местные власти экономически заинтересованными в привлечении бизнеса и развитии территорий.

Для Казахстана германский опыт адаптивен благодаря схожести задач по управлению обширными территориями и разным уровнем экономического развития регионов. Интеграция немецкой модели взаимодействия между общинами и районами (Landkreis), а также практики межмуниципального сотрудничества для реализации крупных инфраструктурных проектов, позволила бы эффективно решить казахстанскую проблему дублирования компетенций и нехватки бюджетов в отдаленных сельских округах.

Резюмируя обзор международных практик, можно констатировать, что универсальной формулы не существует, однако наиболее перспективным для Казахстана видится опыт Германии. Учитывая масштаб территорий нашей страны, имплементация немецкого принципа субсидиарности — когда наверх передаются лишь те функции, с которыми муниципалитет объективно не может справиться сам — способна кардинально переформатировать отечественную систему управления.

Выводы

Подводя итоги компаративного анализа муниципальных систем, следует подчеркнуть, что рецепция зарубежного управленческого опыта не может быть механической. Эффективность адаптации международных практик напрямую зависит от комплекса валидных критериев: степени институционального родства правовых баз, подтвержденной статистической результативности реформ, уровня социального консенсуса и удовлетворенности граждан, а также способности системы к поступательной системной эволюции.

Сквозь эту аналитическую оптику наиболее релевантными ориентирами для Республики Казахстан выступают модели Германии и Японии. Именно эти государства демонстрируют устойчивый баланс между запросами локальных сообществ и общенациональными интересами, предлагая рабочие механизмы оперативного купирования социально-экономических кризисов на местах.

Важно акцентировать, что форсированная децентрализация и повышение транспарентности органично вплетаются в парадигму «Нового Казахстана», инициированную Президентом К.К. Токаевым. В среднесрочной перспективе интеграция алгоритмов открытого управления, тотальной цифровизации и элементов искусственного интеллекта станет главным катализатором роста общественного доверия к властным институтам. Подобная институциональная модернизация не только цементирует внутриполитическую стабильность, но и усиливает амбиции Казахстана как уверенной «средней державы» и регионального лидера Центральной Азии, открывая шлюзы для новых инвестиционных потоков.

Оценивая прикладной потенциал рассмотренных кейсов, мы приходим к выводу, что архитектура германского самоуправления обладает наибольшим коэффициентом применимости для казахстанских реалий. Решающим фактором конвергенции здесь выступает схожесть вызовов в сфере стратегического управления обширными земельными фондами и пространственного развития.

Опираясь на проведенный анализ, можно сформулировать следующие практические рекомендации по совершенствованию системы местного самоуправления в Казахстане:

- Финансовая автономизация: Законодательно закрепить механизмы передачи дополнительных налоговых поступлений (в частности, части корпоративного подоходного налога от субъектов малого и среднего бизнеса) в бюджеты четвертого уровня для обеспечения их реальной, а не декларативной самодостаточности.
- Институциональная прозрачность: Внедрить обязательную публикацию детализированной и понятной отчетности по расходованию бюджетов сельских округов на единой цифровой платформе (в рамках концепции «слышащего государства»).
- Устранение дублирования полномочий: Расширить компетенции избранных сельских акимов в сфере оперативного распоряжения коммунальной собственностью и земельными ресурсами, четко разграничив их функционал с районными администрациями во избежание «иерархической пирамиды компетенций».

В качестве первоочередного практического шага по институционализации этого опыта предлагается учредить профильные директораты местного

развития. Функционирование данных структур должно регламентироваться отдельным специализированным законодательством, что позволит обеспечить координацию муниципальных инициатив и защитить процесс децентрализации на этапе его активного становления.

Список литературы

1. Бурлаков Л. Н. Государственное и местное управление: учебное пособие. Астана: Академия государственного управления при Президенте РК, 2017. 560 с.
2. Кемелбеков А. Особенности развития института местного самоуправления в Республике Казахстан // Образование и право. 2019. №12. С. 112-118.
3. Нурланова Н.К. Экономические аспекты развития системы местного самоуправления: опыт и практика // Вопросы территориального развития. 2015. Вып. 2 (22).
4. Василенко И. Административно-государственное управление: опыт Франции // Проблемы теории и практики управления. 2007. № 3. С. 45-52.
5. Marcou G. Local Government and Decentralization in Europe. Paris: L'Harmattan, 2018. 230 p.
6. Момонт Ю. Социально-экономическая деятельность органов местного самоуправления в Великобритании // Сборник научных трудов. М.: Изд-во УАДУ, 2020. С. 155–161.
7. Wollmann H. The Evaluation of Local Government Reforms in Germany // Local Government Studies. 2021. Vol. 47. P. 1-22.
8. Старцев Я.Ю., Евдокимов В.Б. Местные органы власти зарубежных стран: правовые аспекты. М.: Спарт, 2018. 251 с.
9. Knox C., Janenova S. Comparative Analysis of Decentralization and Power Distribution in Local Self-Government: Kazakhstan and Europe // Public Administration Review. 2020. Vol. 80. P. 115-125.
10. Makhmutova B. Fiscal Decentralization: A Review of Intergovernmental Relations in Kazakhstan // Central Asian Economic Review. 2021. № 4. P. 34-48.
11. Biekenev A., et al. Improving the activities of local government bodies in the Republic of Kazakhstan using LGPI // Asian Journal of Political Science. 2022. Vol. 30. P. 55-71.
12. Kulekeev Z. Modernization of the Local Government System: Development Prospects and Implementation Mechanisms // E-Governance Studies. 2023. Vol. 12. P. 89-104.
13. Проблемы и перспективы развития системы местного государственного управления в РК / Сост. Злотников С.М., Чеботарев А.Е. Алматы: ОФ «Трансперенси Казахстан», 2019. 80 с.
14. Ювица Н.В. Местное управление в Республике Казахстан: попытка создания национальной модели // Управление. 2019. №1. С. 26-34.

References:

1. Burlakov, L. N. (2017). Gosudarstvennoe i mestnoe upravlenie: uchebnoe posobie [State and local administration: a textbook]. Astana: Akademiya gosudarstvennogo upravleniya pri Prezidente RK, 560 p.
2. Kemelbekov, A. (2019). Osobennosti razvitiya instituta mestnogo samoupravleniya v Respublike Kazakhstan [Features of the development of the institute of local self-government in the Republic of Kazakhstan]. Obrazovanie i pravo, (12), 112-118.

3. Nurlanova, N. K. (2015). Ekonomicheskie aspekty razvitiya sistemy mestnogo samoupravleniya: opyt i praktika [Economic aspects of the development of the local self-government system: experience and practice]. Voprosy territorialnogo razvitiya, 2(22).
4. Vasilenko, I. (2007). Administrativno-gosudarstvennoe upravlenie: opyt Frantsii [Administrative and state management: the experience of France]. Problemy teorii i praktiki upravleniya, (3), 45-52.
5. Marcou, G. (2018). Local Government and Decentralization in Europe. Paris: L'Harmattan, 230 p.
6. Momont, Yu. (2020). Sotsialno-ekonomicheskaya deyatelnost organov mestnogo samoupravleniya v Velikobritanii [Socio-economic activity of local self-government bodies in Great Britain]. In Sbornik nauchnykh trudov (pp. 155–161). Moscow: Izd-vo UADU.
7. Wollmann, H. (2021). The Evaluation of Local Government Reforms in Germany. Local Government Studies, 47, 1-22.
8. Startsev, Ya. Yu., & Evdokimov, V. B. (2018). Mestnye organy vlasti zarubezhnykh stran: pravovye aspekty [Local authorities of foreign countries: legal aspects]. Moscow: Spart, 251 p.
9. Knox, C., & Janenova, S. (2020). Comparative Analysis of Decentralization and Power Distribution in Local Self-Government: Kazakhstan and Europe. Public Administration Review, 80, 115-125.
10. Makhmutova, B. (2021). Fiscal Decentralization: A Review of Intergovernmental Relations in Kazakhstan. Central Asian Economic Review, (4), 34-48.
11. Biekenev, A., et al. (2022). Improving the activities of local government bodies in the Republic of Kazakhstan using LGPI. Asian Journal of Political Science, 30, 55-71.
12. Kulekeev, Z. (2023). Modernization of the Local Government System: Development Prospects and Implementation Mechanisms. E-Governance Studies, 12, 89-104.
13. Zlotnikov, S. M., & Chebotarev, A. E. (Eds.). (2019). Problemy i perspektivy razvitiya sistemy mestnogo gosudarstvennogo upravleniya v RK [Problems and prospects for the development of the system of local state administration in the RK]. Almaty: OF «Transperensi Kazakhstan», 80 p.
14. Yuvitsa, N. V. (2019). Mestnoe upravlenie v Respublike Kazakhstan: popytka sozdaniya natsionalnoy modeli [Local government in the Republic of Kazakhstan: an attempt to create a national model]. Upravlenie, (1), 26-34.

Материал поступил в редакцию 24.10.2025
Утвержден к публикации 18.06.2026

IRSTI:
03.20.00

FUNDAMENTAL COMPONENTS AND DYNAMICS OF IDENTITY FORMATION PROCESSES IN KAZAKHSTAN

Baurzhan Sheriyazdanov[1]
Tengesh Kalenova[2*]
Gaukhar Abdrakhmanova[3]

[1] Chief Researcher, Institute of State History, Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Candidate of political sciences, Astana, Kazakhstan. E-mail: b.sher54@mail.ru, ORCID ID: 0009-0006-4168-8333
[2*] Associate Professor, Department of Political Science, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Candidate of historical sciences, Astana, Kazakhstan. E-mail: kalenovats@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-4767-5537
[3] Associate Professor, Department of Political Science, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Candidate of historical sciences, Astana, Kazakhstan. E-mail: gauhar-abdrahmanova@mail.ru, ORCID ID: 0000-0001-7648-8063

https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.2.004

Abstract. This article examines the dynamics of the formation of national and civic identity in Kazakhstan in the context of post-Soviet transformation and ethnic diversity. Being a multiethnic state, Kazakhstan implements a special model of nation-building, which seeks to combine the symbolic primacy of the titular nation with the formation of an inclusive civic identity. The main components of identity, the factors of its formation and the dynamics of transformational changes are analyzed. Special attention is paid to the Kazakhstani experience of forming a national identity in a multiethnic society. The article examines modern challenges and trends in the development of civic consciousness, the role of the state, education and the information space in strengthening national unity. The analysis and conclusions showed that the civil and ethno-cultural concepts of the nation are used in the formation of civic identity in compliance with the norms of the constitution, to ensure the equality of all citizens, regardless of ethnic, linguistic, cultural, religious or other affiliation. Methodologically, the article combines a qualitative analysis of constitutional provisions, political documents and official materials with a secondary analysis of opinion polls and expert assessments prepared by national research institutes.

Keywords. *ethnopolitics, national identity, civic identity, globalization, social transformation, civil society, national unity.*

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ БІРЕГЕЙЛІК ПРОЦЕСТЕРІНІҢ НЕГІЗГІ КОМПОНЕНТТЕРІ МЕН ДИНАМИКАСЫ

Бауржан Шериязданов[1], Теңгеш Қаленова[2*], Гаухар Абдрахманова[3]

[1] ҚР ҒЖБМ ҒК Мемлекет тарихы институтының бас ғылыми қызметкері, саясаттану ғылымдарының кандидаты

[2*] Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті саясаттану кафедрасының доценті, тарих ғылымдарының кандидаты

[3] Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті саясаттану кафедрасының доценті, тарих ғылымдарының кандидаты

Аңдатпа. Мақалада посткеңестік трансформация және этникалық әртүрлілік контекстінде Қазақстанда ұлттық және азаматтық бірегейлікті қалыптастыру динамикасы қарастырылады. Қазақстан көп ұлтты мемлекет бола отырып, титулдық ұлттың символдық басымдығын инклюзивті азаматтық бірегейлікті қалыптастырумен ұштастыруға ұмтылатын ұлт құрылысының ерекше моделін іске асырады. Сәйкестіктің негізгі компоненттері, оның қалыптасу факторлары және трансформациялық өзгерістер динамикасы талданады. Көпэтносты қоғамда жалпыұлттық бірегейлікті қалыптастырудың қазақстандық тәжірибесіне ерекше назар аударылады. Азаматтық өзін-өзі танудың қазіргі заманғы сын-қатерлері мен даму тенденциялары, мемлекеттің, білім берудің және ұлттық бірлікті нығайтудағы ақпараттық кеңістіктің рөлі қарастырылады. Талдау мен қорытындылар ұлттың азаматтық және этномәдени тұжырымдамалары Конституция нормаларын сақтау бойынша, этникалық, тілдік, мәдени, діни және өзге де тиесілілігіне қарамастан барлық азаматтардың теңдігі бойынша азаматтық бірегейлікті қалыптастыруда пайдаланылатынын көрсетті. Әдістемелік тұрғыдан алғанда, мақала конституциялық ережелерді, саяси құжаттар мен ресми материалдарды сапалы талдауды әлеуметтанулық сауалнамалар мен ұлттық ғылыми-зерттеу институттары дайындаған сараптамалық бағалауды қайталама талдаумен біріктіреді.

Түйін сөздер: *этносаясат, ұлттық бірегейлік, азаматтық бірегейлік, жаһандану, әлеуметтік трансформация, азаматтық қоғам, ұлттық бірлік.*

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ И ДИНАМИКА ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КАЗАХСТАНЕ

Бауржан Шериязданов[1], Тенгеш Каленова[2*], Гаухар Абдрахманова[3]

[1] Главный научный сотрудник Института истории государства КН МНВО РК, кандидат политических наук

[2*] Ассоциированный профессор кафедры политологии Евразийского

национального университета имени Л.Н. Гумилева, кандидат исторических наук

[3] Ассоциированный профессор кафедры политологии Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, кандидат исторических наук

Аннотация. В данной статье рассматривается динамика формирования национальной и гражданской идентичности в Казахстане в контексте постсоветской трансформации и этнического разнообразия. Будучи полиэтническим государством, Казахстан реализует особую модель нациестроительства, которая стремится сочетать символическое первенство титульной нации с формированием инклюзивной гражданской идентичности. Анализируются основные компоненты идентичности, факторы ее формирования и динамика трансформационных изменений. Особое внимание уделяется казахстанскому опыту формирования общенациональной идентичности в полиэтничном обществе. Рассматриваются современные вызовы и тенденции развития гражданского самосознания, роль государства, образования и информационного пространства в укреплении национального единства. Анализ и выводы показали, что гражданская и этнокультурная концепции нации используются в формировании гражданской идентичности по соблюдению норм конституции, по равноправия всех граждан, независимо от этнической, языковой, культурной, религиозной и иной принадлежности. Методологически статья сочетает качественный анализ конституционных положений, политических документов и официальных материалов с вторичным анализом социологических опросов, и экспертных оценок, подготовленных национальными исследовательскими институтами.

Ключевые слова: *этнополитика, национальная идентичность, гражданская идентичность, глобализация, социальная трансформация, гражданское общество, национальное единство.*

Introduction

Issues of national identity and ethnopolitical governance remain central in the study of multiethnic states, particularly in post-imperial and post-socialist contexts. One of the principal challenges of nation-building under such conditions lies in reconciling ethnic diversity with political unity while preventing the emergence of exclusionary or destabilizing forms of nationalism.

The growing significance of identity as a social and political phenomenon is also evident in the context of rapidly evolving ethnopolitical processes in the contemporary world. These processes are shaped by a wide range of factors, including the increasing influence of ethnic consciousness, the expansion of digital information technologies and artificial intelligence, as well as the spread of separatism, extremism, and the intensification of interethnic, interreligious, and intercultural divisions [1].

Kazakhstan represents a particularly illustrative case in this regard, as it has developed a state-centered model of identity formation that emphasizes civic unity and social cohesion while simultaneously maintaining the symbolic predominance

of the titular nation.

Since gaining independence in 1991, Kazakhstan has faced the complex task of constructing a national identity within a society characterized by considerable ethnic heterogeneity and a profound Soviet institutional and cultural legacy.

The complexity and inconsistency of the development of contemporary post-Soviet societies demonstrate that citizenship, as a value-semantic core of individual consciousness and behavior, directly influences the ways in which political interests are expressed and civic functions are exercised. The absence or insufficient development of civic consciousness can entail significant political costs. Instead of adopting an exclusively ethnic model of nationhood, Kazakhstan has promoted a discourse of civic unity grounded in common citizenship, political loyalty, and social stability. At the same time, state policy has strengthened the cultural and linguistic significance of the Kazakh people as the historical foundation of statehood.

In recent years, as a result of state policies, various conceptual approaches to the formation of the Kazakh national mentality have gained prominence. In this context, strengthening national identity through a deeper awareness of the role of political, ideological, and traditional culture in addressing contemporary challenges has become increasingly significant. By utilizing the potential of deliberative institutions such as the National Kurultai and the Assembly of the People of Kazakhstan, state authorities have sought to reassess the national value system and enrich it with new meanings. In particular, governmental discourse has increasingly emphasized the importance of Kazakhstani citizenship, respect for state symbols, and shared values and ideals, including patriotism, humanism, hospitality, diligence, respect for traditions, and family values. These efforts are directed toward the formation of a new national identity grounded in ethnocultural diversity and the mastery of the state language by all citizens [2].

The long-term objective of state policy is the consolidation of Kazakhstani society at the level of a fully developed civic identity and the formation of a unified political nation. Historically, representatives of more than one hundred ethnic groups reside on the territory of modern Kazakhstan alongside the titular Kazakh nation. From the first years of independence, national policy has focused on improving the interaction between state institutions and civil society organizations in the sphere of interethnic relations. This objective led to the creation of a specialized institutional structure responsible for regulating interethnic relations — the Assembly of the People of Kazakhstan [3]. According to the Constitution of the Republic of Kazakhstan adopted on March 15, 2026, the powers of this institution have been strengthened and integrated into the new consultative and advisory body known as the Halyk Kenesi [4].

Within the framework of comprehensive modernization of the political system, it became necessary to adopt a conceptual document systematizing the fundamental principles, values, and priorities of domestic policy. In this regard, the Presidential Decree of November 5, 2025 “On the Fundamental Principles, Values, and Directions of the Internal Policy of the Republic of Kazakhstan” systematized the work conducted in the domestic political sphere and defined key priorities, including the development of public dialogue in interethnic relations, religious affairs, and the cultural and humanitarian sectors [5].

Processes of globalization and the digitalization of social life inevitably integrate Kazakhstani society into global processes, significantly expanding the communicative space of modern individuals. Under these conditions, two contrasting perspectives on identity become particularly relevant: civic identity on the one hand, and ethnic or national identity on the other.

However, despite the growing scholarly interest in identity formation in post-Soviet states, the Kazakhstani case remains insufficiently examined within a broader comparative theoretical framework of nationalism and nation-building studies. Existing research often focuses either on institutional mechanisms of interethnic harmony or on ethnocultural revival separately, while the interaction between civic identity, ethnic symbolism, globalization, and state-led modernization remains underexplored.

The study of national and civic identity occupies a central position within contemporary political science, sociology, and nationalism studies. International scholarship offers several influential theoretical approaches that explain the mechanisms of nation-building and identity formation in multiethnic societies.

One of the most influential contributions belongs to Benedict Anderson, who conceptualized the nation as an "imagined community" constructed through shared symbols, communication practices, and collective narratives [6]. From this perspective, national identity emerges through socially reproduced forms of belonging supported by state institutions, education systems, and media discourse.

Ernest Gellner interpreted nationalism as a product of modernization, industrialization, and centralized state-building [7]. This approach is relevant to Kazakhstan, where modernization reforms, educational transformation, and language policy have become important instruments for consolidating political unity.

Anthony D. Smith's ethno-symbolist approach emphasizes the role of myths, collective memory, historical traditions, and cultural symbols in nation formation [8]. In Kazakhstan, these elements are reflected in the revival of historical memory, traditional culture, and the symbolic role of the Kazakh people as the state-forming nation.

Rogers Brubaker critically reconsidered nationalism as a dynamic institutional and political process shaped by state practices and public discourse rather than as a fixed social category [9]. This approach is particularly useful for understanding Kazakhstan's state-led policies aimed at constructing interethnic harmony and civic integration.

The concept of constitutional patriotism developed by Jürgen Habermas also provides an important framework for analyzing civic identity in contemporary societies. Habermas argued that political loyalty in democratic states should be based primarily on constitutional values, civic participation, and shared political principles rather than ethnic homogeneity [10]. Manuel Castells emphasizes the role of digital communication networks in shaping identity in the information age.

Kazakhstani scholars have also made important contributions to the study of identity formation and ethnopolitical processes. R.K. Kadyrzhanov conceptualizes nation building in Kazakhstan as a synthesis of civic and ethnocultural principles. Z.K. Shaukenova emphasizes the importance of social cohesion and interethnic tolerance, while A.N. Nysanbayev analyzes the cultural and philosophical

dimensions of identity formation in the context of globalization.

Unlike previous studies that mainly describe institutional mechanisms of interethnic policy in Kazakhstan, this article offers a comparative theoretical interpretation of identity formation through the synthesis of civic, ethnocultural, and constructivist approaches. The study contributes to existing scholarship by analyzing the interaction between state-led nation-building policies, globalization processes, digital communication, and the transformation of public consciousness in contemporary Kazakhstan.

However, existing research insufficiently integrates globalization, digital transformation, and state policy into a unified analytical model. This study addresses this limitation.

Research Methodology

The purpose of this article is to identify scientifically grounded approaches to the further development of civic identity in contemporary Kazakhstan and to analyze the possibilities for the formation of Kazakh national identity in the era of information technologies and expanding communication opportunities.

The research methodology is determined by the objectives of the study and is aimed at achieving a comprehensive understanding of the role of public policy in shaping modern national identity. The article employs interdisciplinary research approaches drawn from history, political science, sociology, culturology and related fields.

The methodological framework includes general scientific methods such as analysis and synthesis, which enable the examination of the concepts of ideology, identity, and social processes, as well as the identification of different types of identity.

The theoretical framework of the study is based on constructivist, ethno-symbolist, and civic approaches to nationalism and identity formation. Constructivist approaches make it possible to analyze identity as a socially and politically constructed phenomenon shaped through discourse, institutions, and symbolic practices. Ethno-symbolist theory provides analytical tools for examining the role of historical memory, language, and cultural traditions in nation-building processes. Civic approaches emphasize the role of constitutional values, citizenship, and political participation in the formation of collective identity within multiethnic societies.

Conceptual analysis is applied to explore the relationships among key theoretical categories within the Kazakhstani context. Additionally, the method of critical discourse analysis is employed to identify ideological meanings embedded in programmatic political documents and public narratives related to national identity and civil society.

The study also relies on sociological data, expert surveys, monographic publications, and contemporary political and social research. A qualitative research design was adopted, combining document analysis with the secondary analysis of sociological data. This approach enables a comprehensive examination of both the normative foundations of Kazakhstan's ethnopolitical policy and its social outcomes.

The empirical basis of the study consists of two primary types of data:

- Analysis of political and regulatory documents.
- Secondary analysis of sociological data.

The research incorporates the results of national sociological surveys and expert assessments conducted by Kazakhstani research institutions. These data provide valuable insights into public perceptions of national identity, interethnic relations, and attitudes toward government institutions involved in managing cultural diversity.

The empirical material includes:

- official statistical data of the Bureau of National Statistics of Kazakhstan
- sociological surveys on identity and interethnic relations
- state policy documents on national unity and cultural development.

Methods applied:

- comparative analysis of theoretical approaches
- conceptual analysis of identity categories
- critical discourse analysis of state narratives
- secondary analysis of sociological data.

The methodological framework is grounded in constructivist, civic, and ethno-symbolic theories of nationalism.

Main Part

One of the defining characteristics of Kazakhstan is its multinational composition combined with a unitary form of statehood. In addition to the Kazakh population, which constitutes the majority, more than one hundred and twenty ethnic groups reside in the country. This demographic structure creates the need to reconcile ethnic (Kazakh) and civic (Kazakhstani) identities.

According to official data from the Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan as of early 2025, the ethnic composition of the population is as follows: Kazakhs account for 71.3% of the population; Russians — 14.6%; Uzbeks — 3.3%; Ukrainians — 1.8%; Uighurs — 1.5%; and representatives of other ethnic groups — approximately 5.3% [11].

The postcolonial dimension is also significant in the formation of national identity. Kazakhstan is currently re-evaluating its historical past, including the legacy of the Russian Empire and the Soviet Union, while simultaneously reviving interest in its Turkic and Islamic cultural roots. The country is therefore attempting to balance historical memory with aspirations for modernization.

Regional differences also influence identity formation. Southern regions tend to be more traditional and religious, whereas the northern and eastern regions demonstrate stronger European cultural influences. In large cities, particularly among younger generations, a new “hybrid” identity is emerging that combines national cultural elements with global cultural influences.

In academic literature, identity is generally understood as an individual's awareness of belonging to a particular social group or community [12, p. 37]. National identity is typically formed through shared cultural traditions, language, historical memory, and collective symbols, ensuring cultural continuity and the preservation of national heritage [12, p. 52].

Civic identity, by contrast, refers to an individual's political and legal affiliation with the state. It presupposes respect for laws, participation in public life, and

recognition of civic rights and responsibilities [12, p. 29]. Scholars emphasize that in multinational states civic identity can function as an important integrative factor, facilitating the formation of a unified political community [12, p. 77].

The formation of identity is a complex social process that includes several interconnected components.

The cultural-historical component encompasses language, traditions, historical memory, and cultural heritage, which together constitute the foundation of national identity and ensure cultural continuity [13, pp. 21–25]. In Kazakhstan, the historical heritage of nomadic civilization, traditional culture, and the national values of various ethnic groups significantly contribute to identity formation.

The political-legal component is associated with the functioning of state institutions and the legal system. It contributes to the development of citizens' sense of responsibility toward the state and society [14, p. 41]. The development of a rule-of-law state and democratic institutions strengthens civic identity and encourages civic engagement.

The socio-value component includes systems of social values, moral norms, and ideals, which emerge through the process of socialization and reflect the cultural characteristics of society [15, p. 66]. For Kazakhstan, interethnic harmony, tolerance, and respect for cultural diversity represent key social values.

The psychological component relates to emotional attachment to one's country, culture, and society, manifested in feelings of patriotism, national pride, and civic responsibility [16, p. 90].

Finally, the information and communication component has become increasingly influential in the context of digitalization. Mass media, digital communication, and social networks play an important role in shaping public consciousness, collective memory, and cultural values. As Manuel Castells argues, identity in the information age is increasingly formed through network communication and symbolic interaction within the global information space [17]. Under these conditions, digital technologies significantly influence both civic and ethnocultural forms of identification [18, p. 102].

Modern Problems of Identity Development in Kazakhstan

The development of national and civic identity in Kazakhstan occurs under the influence of a number of global and domestic challenges. One of the most significant factors shaping identity processes in the modern world is globalization. On the one hand, globalization facilitates active interaction among cultures and the expansion of international communication. On the other hand, it can contribute to the erosion of traditional cultural values and the blurring of national identity. Many scholars emphasize that globalization generates new forms of cultural hybridity, in which elements of different cultural systems interact and form new social models of identification [19, p. 54].

Migration processes also influence the formation of identity by creating new forms of cultural interaction and social integration. In multinational states such as Kazakhstan, migration can simultaneously generate opportunities for intercultural dialogue and potential social challenges related to integration and adaptation [20, p. 71]. Furthermore, the rapid development of information technologies has transformed traditional mechanisms of communication and socialization, particularly among

younger generations, which in turn affects the formation of their value orientations and identity patterns [21, p. 83].

Socio-economic factors also play an important role in shaping identity. Social inequality and regional disparities may influence the development of social identity and civic solidarity. Economic instability can increase social tension and weaken the sense of civic unity among citizens [22, 103-106].

Modern scholarship distinguishes between two principal types of identity: personal and social identity. Personal identity refers to a set of individual characteristics and personal qualities that define a person's uniqueness. Social identity, in contrast, is associated with group membership and reflects an individual's belonging to specific social categories or communities [23, p. 307]. In contemporary societies, national unity is shaped by several key conditions, including shared statehood, civic participation, tolerance, and respect for national symbols.

Kazakh researcher R.K. Kadyrzhanov conceptualizes nation-building as a process of transforming a multiethnic population into a unified political community composed of citizens of different ethnic backgrounds. In this framework, the nation is understood primarily as a civic rather than an ethnic entity. According to Kadyrzhanov, the identity that unites the Kazakh nation is based on political community and the shared relationship between citizens and the state [24, p. 39].

At the same time, Kadyrzhanov's concept emphasizes the special role of the Kazakh people as the state-forming nation. Consequently, the state language and Kazakh culture are considered fundamental cultural pillars of national identity [24, p. 28]. In this sense, nation-building in Kazakhstan represents a synthesis of two initially contrasting models of nationhood: ethnic and civic. This synthesis combines elements of ethnonationalism related to the state-forming nation with the idea of a supra-ethnic Kazakhstani civic identity shared by all citizens of the republic.

One of the most sensitive issues in the nation-building process is the linguistic environment. The Kazakh nation itself is historically divided into Kazakh-speaking and Russian-speaking segments, which complicates the development of a unified linguistic identity. Understanding the dynamics of cultural, ethnic, and religious diversity in Kazakh society is therefore essential for ensuring political stability and national security [25, p. 39].

In the context of contemporary social transformations, the spiritual development of society becomes a crucial factor in maintaining national identity. Consequently, national priorities include the preservation of moral values, historical traditions, and the cultural, educational, and scientific potential of the country. Sociological research indicates that among the most significant indicators of the spiritual and moral state of society are the following values: "being a citizen of Kazakhstan" (90%), "knowing and speaking one's native language" (86.2%), and "maintaining strong family ties" (82.1%) [25, pp. 123–124].

However, despite the widespread recognition of civic values, only 50.1% of respondents associate these values with belonging to a state-forming nation. These results reveal a noticeable distinction between civic and ethnic identity within the population. At the same time, ethnic identification remains particularly significant for representatives of the titular Kazakh nation, 86.7% of whom consider belonging to the indigenous nation to be an important element of their identity [25, p. 127].

The legal foundation for national unity and interethnic harmony is enshrined in the Constitution of the Republic of Kazakhstan, which emphasizes respect for human rights, the rule of law, and the strengthening of national unity [3]. Over the years of independence, Kazakhstan has implemented a series of institutional reforms aimed at strengthening civic identity, including constitutional amendments, the adoption of new legal frameworks, and the modernization of state institutions.

National identity is also expressed through ethnocultural symbolism, including language, historical memory, state symbols, rituals, traditions, and national holidays. These elements play an important role in promoting patriotism, strengthening national consciousness, and maintaining interethnic harmony within society.

Research Results

The Kazakhstani experience illustrates the broader ethnopolitical dilemma faced by many multiethnic states: how to reconcile social unity with cultural diversity without reinforcing ethnic divisions. Kazakhstan's approach combines civic nation-building with strong state regulation of interethnic relations, resulting in a hybrid model that prioritizes social stability and political cohesion.

The contemporary development of Kazakhstani society demonstrates several positive trends. One of the most significant achievements has been the gradual formation of a shared national identity that unites representatives of different ethnic groups. Active participation of citizens in public life contributes to the strengthening of civic identity and the development of democratic institutions. In this process, the education system plays a crucial role by promoting civic responsibility and national consciousness among younger generations.

The formation of national identity in Kazakhstan can be divided into several historical stages:

1. The period of formation of an independent state (1991–2000);
2. The period of institutional strengthening of the state (2000–2010);
3. The period of modernization of public consciousness (2010–2019);
4. The period of democratization and social transformation (2019–present).

The contemporary model of identity formation in Kazakhstan is based on the combination of national traditions with civic values in order to ensure sustainable development and political stability. This model seeks to promote a unified civic identity among citizens regardless of ethnic or religious affiliation.

From a comparative theoretical perspective, Kazakhstan's model demonstrates features of both ethnic and civic nation-building. On the one hand, state policy emphasizes the symbolic and cultural role of the Kazakh nation, including the strengthening of the state language and the revival of historical traditions. On the other hand, official discourse promotes inclusive citizenship and political integration regardless of ethnic affiliation. Thus, Kazakhstan's identity model may be interpreted as a hybrid form of nation-building combining elements of ethnocultural symbolism with civic integration. As noted by Rees and Burkhanov, the Kazakhstani state has pursued a civic nation-building strategy aimed at creating a cohesive national identity while simultaneously preserving the significance of ethnonational belonging, resulting in a complex and hybrid model of national integration. [26, pp. 433–455].

The formation of national identity in Kazakhstan can be divided into several historical stages:

1. The period of formation of an independent state (1991–2000);
2. The period of institutional strengthening of the state (2000–2010);
3. The period of modernization of public consciousness (2010–2019);
4. The period of democratization and social transformation (2019–present).

The contemporary model of identity formation in Kazakhstan is based on the combination of national traditions with civic values in order to ensure sustainable development and political stability. This model seeks to promote a unified civic identity among citizens regardless of ethnic or religious affiliation.

From a comparative theoretical perspective, Kazakhstan's model demonstrates features of both ethnic and civic nation-building. On the one hand, state policy emphasizes the symbolic and cultural role of the Kazakh nation, including the strengthening of the state language and the revival of historical traditions. On the other hand, official discourse promotes inclusive citizenship and political integration regardless of ethnic affiliation. Thus, Kazakhstan's identity model may be interpreted as a hybrid form of nation-building combining elements of ethnocultural symbolism with civic integration. As noted by Rees and Burkhanov, the Kazakhstani state has pursued a civic nation-building strategy aimed at creating a cohesive national identity while simultaneously preserving the significance of ethnonational belonging, resulting in a complex and hybrid model of national integration. [26, pp. 433–455].

Unlike classical Western nation-state models characterized by relatively homogeneous populations, Kazakhstan's experience reflects the challenges of post-Soviet multiethnic transformation, where identity formation occurs simultaneously under the influence of globalization, postcolonial reinterpretation of history, and state modernization strategies.

The ethno-demographic context of Kazakhstan is characterized by a high level of ethnic diversity. According to official statistics, Kazakhs constitute the majority of the population, followed by Russians, Uzbeks, Ukrainians, Uyghurs, and other ethnic groups. Such a structure creates an environment of dual identity in which civic and ethnic identifications coexist.

The structural components of identity formation in Kazakhstan include four interrelated elements:

Cultural-historical component: language, traditions, and historical memory.

- Political-legal component: citizenship, institutions, and the rule of law.
- Social-value component: tolerance, interethnic harmony, and civic responsibility.
- Information and communication component: digital media and network communications shaping perceptions of identity.

Empirical data indicate that the majority of citizens primarily identify themselves with Kazakhstan as a civic state. At the same time, ethnic identity remains important, especially among the titular nation, while bilingualism and multilingualism play a stabilizing role.

Sociological surveys indicate that the majority of Kazakhstanis identify themselves as part of a unified national community. According to a national survey

conducted in 2023, 87% of respondents primarily associate themselves with the citizenship of Kazakhstan, while 83% feel connected to their ethnic group and to their place of residence [1]. These findings suggest that civic and ethnic identities coexist and complement one another rather than being mutually exclusive.

Language also remains a key component of identity formation. Kazakh has the status of the state language and plays a central role in nation-building, while Russian continues to function as the language of interethnic communication. Survey results show that 42% of respondents use Kazakh within the family, 38% use Russian, and 17% use both languages. In addition, English is increasingly perceived as an important factor for professional development, with 34% of respondents associating knowledge of English with improved career opportunities [1].

Cultural traditions and national holidays also contribute significantly to the formation of a shared national identity. According to sociological data, the most widely celebrated holidays include Nauryz (March 22), New Year's Eve (December 31), Victory Day, and religious holidays such as Oraza, Eid al-Adha and Christmas. Notably, Nauryz is celebrated by nearly all residents of Kazakhstan regardless of their ethnic background [27, p. 75].

Public attitudes toward ethnic diversity are generally characterized by a high level of tolerance. Approximately 83% of respondents expressed readiness to live next to representatives of other ethnic groups, and 78% indicated willingness to establish friendships with them. Only about 3% expressed distrust toward people of other nationalities, indicating that diversity is largely perceived as a positive social value [1].

At the same time, sociological data reveal that citizens demonstrate a strong sense of responsibility toward their country and their local communities. Around 55% of respondents feel responsible for the development of the country as a whole, while 56% feel responsible for their region of residence. These indicators highlight the strengthening of civic identity and collective responsibility among the population.

Globalization and digitalization reinforce the formation of hybrid identity, especially among the younger generation, which combines national and global cultural patterns.

The findings demonstrate that Kazakhstan's identity model cannot be classified as purely civic or ethnic. Instead, it represents a hybrid system combining:

- civic integration through institutions and citizenship
- ethnocultural symbolism linked to historical continuity
- state-managed interethnic harmony mechanisms

This supports the view that post-Soviet nation-building differs fundamentally from classical Western models due to:

- strong state involvement
- postcolonial identity reconstruction
- multilingual social structure
- digital transformation of communication systems

However, potential tensions remain, particularly in linguistic policy, socio-economic inequality, and uneven regional identity development.

Conclusion

The formation of national identity in Kazakhstan is based on the interaction and relative balance between ethnic and civic forms of identification.

The analysis demonstrates that Kazakhstan's experience generally confirms the theoretical assumption that national identity in multiethnic states cannot be based exclusively on either ethnic or civic principles alone. Instead, stable models of nation-building tend to emerge through the combination of ethnocultural symbolism, shared political values, and institutional mechanisms of civic integration.

At the same time, the Kazakhstani model illustrates several specific post-Soviet features, including the strong role of the state in regulating identity processes, the coexistence of bilingual and multicultural environments, and the continuing influence of Soviet historical legacies on public consciousness.

The Kazakh model of interethnic harmony is grounded in a system of interconnected values that guide the country's national policy.

The findings further suggest that nation-building in Kazakhstan follows a dual logic. On the one hand, there is a symbolic emphasis on the special role of the titular nation as the historical foundation of statehood. On the other hand, the state promotes an inclusive civic identity aimed at integrating representatives of all ethnic groups into a single political community.

Over the years of independence, Kazakhstan has developed a comprehensive institutional and legal framework regulating interethnic relations. These institutions enjoy a relatively high level of public support and contribute to maintaining social stability. However, the complexity of interethnic relations requires continuous monitoring and active engagement from both state institutions and civil society organizations.

The results of the study indicate that several key factors play a crucial role in strengthening national identity in Kazakhstan. Among them are the development of an effective education system, the implementation of a balanced language policy, the promotion of shared national values, and the expansion of public dialogue between the state and society.

In particular, the following policy priorities can be identified:

• improving the quality of education and civic upbringing within the educational system;

• developing a constructive language policy that strengthens the role of the Kazakh language while preserving linguistic diversity [8];

• modernizing methods of teaching the Kazakh language in educational institutions;

• strengthening mechanisms of communication and feedback between the government and society;

• improving the socio-economic well-being of the population.

In the context of rapid technological development, digitalization, and the growing influence of artificial intelligence, public consciousness is increasingly shaped by both state ideology and pluralistic ideological influences. These processes affect the dynamics of political and constitutional reforms and influence the development of civil society.

The multidimensional and dynamic nature of identity processes in Kazakhstan requires balanced political decisions and responsible policy choices regarding

models of social development. One of the most promising models capable of ensuring the interethnic and interfaith consolidation of Kazakhstani society can be described as the principle of "unity in diversity", which reflects the country's effort to harmonize cultural pluralism with national cohesion [28, p. 37].

The study confirms that Kazakhstan's nation-building model is best understood as a hybrid form of identity formation combining civic and ethnocultural principles.

The key conclusion is that:

civic identity ensures political cohesion

ethnocultural identity provides symbolic continuity

both dimensions are mutually reinforcing rather than contradictory

Future challenges include strengthening civic inclusion, balancing language policy, and adapting identity frameworks to digital transformation.

The article was prepared as part of the scientific program of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan under research project BR28713029, "Study of the Social Role of Folk Art in the Formation of Modern National Identity: Modification and Reconstruction of Spiritual Culture".

References:

1. Dzhamanbalaeva, Sh. Grazhdanskaia identichnost I natsionalnoe stroitelstvo v Kazakhstane: edinstvo cherez mnogoobrazie I doverie [Civic Identity and Nation-Building in Kazakhstan: Unity Through Diversity and Trust]. // https://liter.kz/grazhdanskaia-identichnost-i-natsionalnoe-stroitelstvo-v-kazakhstane-edinstvo-cherez-mnogoobrazie-i-doverie-1740631698/ (Accessed: 5 September 2025).
2. Speech of the President at the XXXII Session of the Assembly of the People of Kazakhstan, April 27, 2023. Available at: https://www.akorda.kz.
3. Constitution of the Republic of Kazakhstan. Adopted on March 15, 2026. // https://egov.kz/cms/en/information/state_agencies/gos_organi
4. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan on the Establishment of the Assembly of the People of Kazakhstan. // https://www.akorda.kz
5. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan No. 1081 of November 5, 2025. On the Approval of the Fundamental Principles, Values, and Directions of the Internal Policy of the Republic of Kazakhstan. Available at: https://www.akorda.kz (Accessed: 5 November 2025).
6. Anderson, B. (2006). Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso.
7. Gellner, E. (1983). Nations and Nationalism.
8. Smith, A.D. (1991). National Identity. Reno: University of Nevada Press.
9. Brubaker, R. (1996). Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Habermas, J. (1996). The Inclusion of the Other: Studies in Political Theory. Cambridge: MIT Press.
11. Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. // https://stat.gov.kz (Accessed: 25 November 2025).
12. Pakina, L.E. (2024). The Phenomenon of Cultural Identity in the Context of Globalization. Research Journal.
13. Smith, A. D. (1991). National Identity. Reno, NV: University of Nevada Press.
14. Smith, A.D. (2004). National Identity. Moscow.
15. Bauman, Z. (2004). Globalization: The Human Consequences. Moscow.

16. Toffler, A. (2008). The Third Wave. Moscow.
17. Castells, M. (2010). The Power of Identity. Oxford: Wiley-Blackwell.
18. Inglehart, R. (2018). Cultural Evolution. Moscow.
19. Gellner, E. (2002). Nations and Nationalism. Moscow.
20. Kymlicka, W. (2010). Contemporary Political Philosophy. Moscow.
21. Kiselev, I. (2015). Political Identity in the Contemporary World. Moscow.
22. Shaukenova, Z.K. (Ed.). (2023). Natsional'noye stroitel'stvo v Kazakhstane: teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty [Nation-Building in Kazakhstan: Theoretical and Practical Aspects]. Astana: Institute of Applied Ethnopolitical Research. 252 p.
23. Akchulakova, L.E. (2025). Politika yedinstva i solidarnosti v Kazakhstane: opyt i perspektivy [The Policy of Unity and Solidarity in Kazakhstan: Experience and Prospects]. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Astana.
24. Kadyrzhanov, R.K. (2022). Sotsiokul'turnyye osnovy gosudarstvennogo stroitel'stva v Kazakhstane [Socio-Cultural Foundations of Nation-Building in Kazakhstan]. Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies.
25. Shaukenova, Z.K. (Ed.). (2023). Natsional'noye stroitel'stvo v Kazakhstane: teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty [Nation-Building in Kazakhstan: Theoretical and Practical Aspects]. Astana: Institute of Applied Ethnopolitical Research. 252 p.
26. Rees, K., & Burkhanov, A. (2018). Constituting the Kazakhstani Nation: Rhetorical Transformation of National Belonging. Nationalism and Ethnic Politics, 24(4), 433–455. https://doi.org/10.1080/13537113.2018.1522758
27. Modernizatsiya traditsiy: novyye normy povedeniya v obshchestve. Analiticheskiy otchet o rezul'tatakh sotsiologicheskogo issledovaniya [Modernization of tradition: new behavioral norms in society, Analytical report on the results of sociological research] / Astana. NAO Kazakhstan Institute of Social Development. 2023-p. 75. Electronic resource: https://ru.kipd.kz/article/modernizatsiya-traditsiy-novye-povedencheskie-normy-v-obschestve.
28. Nysanbayev, A.N. (2019). Features of the Identity of Kazakhstanis in a Multicultural Society. Sociological Studies, No. 7, pp. 37-47.

Материал поступил в редакцию 06.11.2025
Утвержден к публикации 18.06.2026

IRSTI:
05.11.27

MIGRATION POLICY OF KAZAKHSTAN AND LEGAL SUPPORT FOR THE ADAPTATION OF REPATRIATES

Nazgul Baigabatova[1]
Daniya Nurmukhankyzy[2*]

[1] Associate Professor of Zhetysu University named after Ilyas Zhansugurov, Candidate of Historical Sciences, Taldykorgan, Kazakhstan; e-mail: nazgul.baigabatova@gmail.com, ORCID ID: 0000-0001-6228-4043
[2*] Associate Professor of Zhetysu University named after Ilyas Zhansugurov, Ph.D., Taldykorgan, Kazakhstan; e-mail: daniyafmo@mail.ru, ORCID ID: 0000-0003-3817-1975

https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.2.005

Abstract. This article examines migration policy in the Republic of Kazakhstan and the legal framework for the adaptation of ethnic Kazakh returnees (kandas). The study aims to evaluate the effectiveness of legal regulation and institutional integration mechanisms by analysing the gap between formal guarantees and their practical implementation. The research methodology combines legal analysis of national legislation, qualitative analysis of in-depth interviews with returnees, and secondary analysis of academic and policy literature. The findings demonstrate that while Kazakhstan's legal model formally provides extended social guarantees and simplified naturalisation procedures for returnees, a significant discrepancy persists between normative provisions and administrative practice. Key barriers include bureaucratic procedures for citizenship acquisition, institutional fragmentation among state agencies, document legalisation requirements, limited awareness of support measures, and insufficient effectiveness of adaptation centres. The study concludes that improving interagency coordination, enhancing information accessibility, and developing a comprehensive institutional integration model are essential for increasing policy effectiveness. The results may inform migration policy reforms and legislative development in Kazakhstan.

Keywords: *migration policy, ethnic return migration, kandas, citizenship, integration, legal regulation, Kazakhstan.*

ҚАЗАҚСТАННЫҢ КӨШІ-ҚОН САЯСАТЫ ЖӘНЕ РЕПАТРИАНТТАРДЫҢ БЕЙІМДЕЛУІН ҚҰҚЫҚТЫҚ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ

Назгүл Байгабатова[1], Дания Нұрмуханқызы[2]*
[1] Ілияс Жансүгіров атындағы Жетісу университетінің қауымдастырылған профессоры, тарих ғылымдарының кандидаты,
[2]* Ілияс Жансүгіров атындағы Жетісу университетінің қауымдастырылған профессоры, Ph.D.

Аңдатпа. Мақала Қазақстан Республикасының көші-қон саясаты мен этникалық қазақтардың (қандастардың) бейімделуін құқықтық қамтамасыз ету мәселелерін талдауға арналған. Зерттеудің мақсаты – репатрианттарды интеграциялау саласындағы нормативтік реттеу мен институционалдық тетіктердің тиімділігін құқықтық кепілдіктер мен олардың іс жүзінде жүзеге асырылуы арасындағы сәйкестік тұрғысынан бағалау. Зерттеу әдістемесі нормативтік-құқықтық актілерді талдауды, қандастармен жүргізілген тереңдетілген сұхбаттарды сапалық талдауды және ғылыми жарияланымдарды екінші деңгейлі талдауды қамтиды. Зерттеу нәтижелері Қазақстандағы репатриацияны құқықтық қамтамасыз ету моделі формалды түрде кеңейтілген әлеуметтік кепілдіктер мен азаматтық алудың жеңілдетілген рәсімдерін көздейтінін, алайда тәжірибеде нормативтік модель мен әкімшілік іске асыру арасында айтарлықтай алшақтық бар екенін көрсетті. Азаматтық алу рәсімдерінің күрделілігі, ведомстволық өкілеттіктердің бөлшектенуі, құжаттарды заңдастыру мәселелері, қолдау шаралары туралы ақпараттың жеткіліксіздігі және бейімдеу орталықтарының тиімділігінің төмендігі негізгі кедергілер ретінде анықталды. Зерттеу нәтижелері көші-қон саясатын жетілдіруде қолданылуы мүмкін.

Түйін сөздер: *көші-қон саясаты, қандастар, репатриация, азаматтық, бейімделу, құқықтық реттеу, Қазақстан.*

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА И ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ АДАПТАЦИИ РЕПАТРИАНТОВ

Назгуль Байгабатова[1], Дания Нұрмуханқызы[2*]
[1] Ассоциированный профессор Жетысуского университета имени И. Жансугурова, кандидат исторических наук,
[2*] Ассоциированный профессор Жетысуского университета имени И. Жансугурова, Ph.d.

Аннотация. Статья посвящена анализу миграционной политики Республики Казахстан и правовых механизмов адаптации этнических казахов (кандасов). Целью исследования является оценка эффективности нормативного регулирования и институциональных инструментов интеграции репатриантов с точки зрения соответствия между юридическими гарантиями и их практической реализацией. Методология исследования основана на комплексном подходе, включающем анализ нормативно-правовой базы, качественный анализ глубинных интервью с кандасами, а также вторичный анализ научных и экспертных публикаций. В работе показано, что казахстанская модель правового обеспечения репатриации формально предусматривает расширенные социальные гарантии и упрощённые процедуры натурализации, однако на практике наблюдается устойчивый разрыв между

нормативной конструкцией и административной реализацией. Выявлены ключевые барьеры адаптации, включая бюрократические процедуры получения гражданства, институциональную фрагментацию компетенций государственных органов, проблемы легализации документов, низкую информированность о мерах поддержки и ограниченную эффективность центров адаптации. Сделан вывод о необходимости совершенствования межведомственной координации, повышения информационной доступности услуг и формирования комплексной институциональной модели интеграции репатриантов. Результаты исследования могут быть использованы при разработке государственной миграционной политики и совершенствовании законодательства Республики Казахстан.

Ключевые слова: *миграционная политика, кандасы, репатриация, гражданство, адаптация мигрантов, правовое регулирование, Казахстан.*

Introduction

The return of ethnic Kazakhs to their historical homeland remains one of the strategically significant directions of the migration policy of the Republic of Kazakhstan. Since the early years of independence, repatriation policy has been closely linked to the tasks of demographic development, consolidation of national identity, preservation of ties with the Kazakh diaspora abroad, and strengthening of social cohesion. In this context, the legal and institutional support for the adaptation of ethnic Kazakh returnees, officially referred to as kandases, has acquired particular importance.

The relevance of this study is determined by the fact that, despite the existence of a developed regulatory framework and state support mechanisms, the practical integration of kandases continues to face a number of unresolved problems. These include difficulties in obtaining citizenship, bureaucratic procedures for document recognition and legalization, limited awareness of support measures, uneven access to adaptation and integration centers, and insufficient coordination among state bodies. As a result, the formal legal guarantees provided by migration and social legislation do not always correspond to the real experience of repatriates.

In recent years, the issue has become even more significant due to the transformation of Kazakhstan's migration legislation, the introduction of new administrative and digital procedures, and the growing need to improve the effectiveness of state support for socially vulnerable groups of migrants. The adoption of the Social Code of the Republic of Kazakhstan in 2023, the modernization of migration services, and the expansion of digital application mechanisms have created new opportunities for integration. At the same time, these reforms require critical assessment from the perspective of their practical accessibility and legal effectiveness.

The problem under consideration is not limited to migration policy alone. It also concerns broader issues of citizenship, social inclusion, administrative justice, access to public services, and the relationship between law and practice. For this reason, the adaptation of kandases should be examined not only as a socio-cultural process but also as a legal and institutional process shaped by the quality of state regulation, administrative procedures, and interagency coordination.

The purpose of this study is to conduct a legal and interdisciplinary analysis

of the adaptation mechanisms of ethnic Kazakhs (kandases) in the Republic of Kazakhstan, with a focus on the regulatory framework, institutional instruments, and the correspondence between legal guarantees and their implementation in practice. The study aims to identify gaps in legal regulation, assess the effectiveness of current legislative approaches, and determine directions for improving legal and institutional support for repatriates.

Within the framework of this objective, the following research questions are formulated:

1. To what extent does the current regulatory and legal framework of the Republic of Kazakhstan ensure effective adaptation and integration of kandases?
2. What institutional and administrative barriers arise in the implementation of legal mechanisms for naturalization and social support of repatriates in practice?
3. To what extent do existing state support mechanisms, including adaptation centers and digital services, correspond to the needs of kandases and ensure accessibility of services?
4. What directions for improving legal regulation and institutional coordination could enhance the effectiveness of migration policy regarding repatriates?

Literature Review

The study of ethnic return migration and the adaptation of repatriates is based on several interrelated theoretical approaches, including theories of acculturation, migrant integration, transnationalism, citizenship, and nation-building. One of the key conceptual foundations is the acculturation framework proposed by Redfield, Linton, and Herskovits [1]. This approach explains cultural changes that occur as a result of continuous contact between different cultural groups. Later, Berry developed this framework by identifying several strategies of migrant adaptation, including integration, assimilation, separation, and marginalization [2]. His concept of acculturative stress is also important for understanding the psychological and social difficulties experienced by migrants during adaptation [3].

In the context of ethnic repatriation, the acculturation approach is particularly relevant because common ethnic origin does not automatically ensure successful integration into the receiving society. Although kandases return to their historical homeland, they may face cultural distance, linguistic barriers, differences in social norms, and difficulties in interaction with state institutions. Therefore, adaptation should be considered not only as a cultural process, but also as a broader social and institutional process.

The integration framework developed by Ager and Strang is also significant for this study. According to this approach, successful integration depends on several interconnected domains, including employment, housing, education, health, social connections, language and cultural knowledge, safety, stability, rights, and citizenship [4]. This model is useful for analysing the adaptation of kandases because it allows integration to be assessed not only through cultural belonging, but also through access to rights, services, and institutional support.

Another important theoretical perspective is transnationalism, which considers migrants as participants in several social, cultural, and legal spaces at the same time [5]. Portes, Guarnizo, and Landolt further emphasize that migrants may maintain stable cross-border ties while simultaneously participating in the life of the receiving society [6]. This approach is especially relevant to the study of kandases, many

of whom continue to maintain family, economic, and symbolic ties with their countries of previous residence. Finke's study of Mongolian Kazakhs shows that return migration to Kazakhstan did not eliminate transnational connections; rather, difficulties of integration contributed to the preservation of frequent visits, kinship ties, and nostalgia for familiar social environments [7].

International scholarship also examines ethnic return migration through the concepts of citizenship, nation-building, and state identity. Brubaker's work on citizenship and nationhood provides a theoretical basis for understanding ethnically oriented migration policies [8]. Laruelle analyses Kazakhstan as a migration crossroads and considers repatriation as part of the state's demographic and identity-building strategy [9]. Oka examines the changing priorities and dilemmas of Kazakhstan's ethnic return migration policy [10]. Bonnenfant studies Kazakhstan's policy toward ethnic return migration through the discourse of homeland construction [11], while Diener analyses settlement planning and the "oralman dilemma," emphasizing the social and regional tensions that may arise when integration mechanisms are insufficient [12]. Brereton also interprets ethnic return migration in Kazakhstan as part of the politics of belonging and cultural policy [13].

Domestic and regional studies have made an important contribution to the analysis of kandas adaptation. Kurganskaya and co-authors examine problems of repatriate integration in Kazakhstan from a sociological perspective, identifying employment, education, language adaptation, and access to social infrastructure as key challenges [14]. Negizbayeva and Lamazhaa analyse the transformation of the legal and media discourse surrounding the status of kandases and draw attention to the gap between symbolic recognition and institutional implementation [15]. Abdrakhmanova and Shoibekova study the linguistic representation of ethnocultural identity among repatriates, showing that language remains one of the central elements of adaptation and self-identification [16].

Recent Kazakhstani studies further expand this research field. Nguyen, Shakeyeva, and Bastaubayeva analyse the integration of kandases into Kazakhstani society based on field research conducted in the Almaty, East Kazakhstan, and North Kazakhstan regions. Their study identifies several persistent barriers, including difficulties in obtaining information, language problems, employment issues, housing, education, healthcare, and weak interaction with responsible local authorities [17]. Aitymbetov and Shakeyeva also study kandas integration on the basis of documentary analysis, media and social network content analysis, and narrative-biographical interviews. Their findings show that despite state support measures, compact settlement, weak civic identity, limited institutional support, and the insufficient practical application of migration legislation continue to complicate the integration process [18].

Saiyn, Zhiyembayeva, and Zhumay focus on the cultural and linguistic adaptation of repatriates from Iran and Uzbekistan. Their study highlights language difficulties, differences in cultural norms, social isolation, stereotypes, and the lack of institutional support as factors influencing the adaptation process [19]. Konysbayev examines the assimilation and socio-economic adaptation of kandases in the Mangystau region, paying particular attention to employment, housing conditions, uneven resettlement, and the need to improve educational programs, small and medium-sized business support, and regional infrastructure [20]. These studies demonstrate that the problems of kandas adaptation are not uniform across

Kazakhstan, but differ depending on region, country of origin, socio-economic status, language background, and access to state institutions.

At the same time, the existing literature mainly focuses on the sociological, cultural, demographic, and identity-related dimensions of repatriation. Less attention has been paid to the legal and institutional mechanisms that determine the practical implementation of state guarantees. In particular, there remains a need to analyse how the formal legal status of kandases is translated into administrative practice, how citizenship and permanent residence procedures operate in reality, how adaptation and integration centres function, and how interagency coordination affects access to rights and services. Therefore, the present study contributes to the existing literature by combining legal analysis with empirical data from in-depth interviews and by assessing the gap between the normative model of Kazakhstan's migration policy and the actual experience of repatriates.

Research Methods

This study employs a methodology that combines legal, sociological, and analytical approaches. The objective is to identify the specific features of legal regulation governing the adaptation processes of ethnic Kazakhs (kandases) in the Republic of Kazakhstan, as well as to assess the effectiveness of existing mechanisms within migration policy.

A key component of the research is the analysis of the regulatory and legal framework. The study examines the Constitution of the Republic of Kazakhstan, the Law "On Population Migration," the Law "On Citizenship," the Social Code of the Republic of Kazakhstan (2023), and subordinate legal acts regulating the status, adaptation, integration, naturalization, employment, and social support of repatriates. The legal analysis was conducted in order to identify the formal rights granted to kandases, compare their legal status with that of citizens and other categories of foreigners, and assess the extent to which the existing legal framework provides effective guarantees for their adaptation.

The empirical part of the study is based on qualitative data collected through semi-structured in-depth interviews with 20 kandases who had personal experience of migration to Kazakhstan and encountered difficulties related to naturalization, document processing, access to social services, employment, housing, or interaction with state institutions. The respondents were selected using purposive sampling, as the study focused on individuals whose migration experience made it possible to assess the practical implementation of legal and institutional adaptation mechanisms.

The sample mainly included kandases who had arrived in Kazakhstan from China, while several respondents had migrated from Uzbekistan and Mongolia. The respondents represented different gender and age groups, although the purpose of the study was not to achieve statistical representativeness, but to identify recurring legal, administrative, and institutional barriers in the adaptation process. In terms of occupation, most respondents were self-employed, while some were engaged in other forms of economic activity or were temporarily outside formal employment. This composition of the sample made it possible to examine adaptation not only from the perspective of formal legal status, but also through the everyday socio-economic experience of repatriates.

The interview guide included several thematic blocks: reasons for returning

to Kazakhstan; procedures for obtaining kandas status, permanent residence, and citizenship; difficulties in document recognition and legalization; access to employment, education, healthcare, housing, and social support; awareness of adaptation and integration centers; experience of interaction with local executive bodies and migration authorities; and respondents' assessment of the effectiveness of existing state support measures. The interviews made it possible to trace the real trajectories of legal interaction between returnees and state institutions and to identify institutional barriers that are not always visible through formal legal analysis alone.

The collected interview materials were analyzed using qualitative thematic analysis. The responses were grouped according to key problem areas, including citizenship acquisition, administrative procedures, interagency coordination, document legalization, access to public services, employment, housing, and information support. This approach allowed the study to compare formal legal guarantees with the practical experience of kandases and to reveal the gap between the normative model of migration policy and its implementation.

The research also uses secondary analysis of academic and expert publications addressing migration policy, repatriation, social integration, transnational ties, and the legal status of ethnic migrants. This provides contextualization of the topic within both domestic and international scholarly discourse and allows the empirical findings to be compared with the conclusions of previous studies.

The combination of legal analysis, qualitative interviews, and secondary analysis ensures a comprehensive examination of the topic and makes it possible to provide a well-grounded assessment of both the normative and practical dimensions of the adaptation process of kandases in the Republic of Kazakhstan

Research Results

Regulatory and Legal Model of Repatriate Adaptation in the Republic of Kazakhstan

The legal regime governing the adaptation of kandases in Kazakhstan is structured as a "bridge" from the status of a foreigner to the status of a citizen. On the one hand, the Constitution establishes the principle of equality and extends basic rights to foreigners and stateless persons, unless otherwise provided by the Constitution and laws [21]. This constitutional logic is also reflected in the draft Constitution of 2026, which reaffirms guarantees of non-discrimination and preserves the differentiation between general human rights and social rights linked to citizenship [22]. On the other hand, specific provisions of migration and social legislation grant kandases a set of "quasi-citizenship" guarantees, including education, social protection, employment assistance, and access to adaptation services even prior to naturalization [23], [24].

The Constitution of the Republic of Kazakhstan enshrines the fundamental principles of non-discrimination and grants foreigners and stateless persons rights and freedoms on an equal basis with citizens, except in cases established by law [21]. In this context, kandas status performs the function of a transitional legal mechanism: it does not immediately equate a repatriate with a citizen, but it provides access to a number of social and institutional guarantees before the completion of naturalization procedures [23], [24].

The key regulatory pillars are the Law "On Population Migration", which regulates procedures for kandas status, regional quotas, support packages, adaptation

and integration centers [23], and the Social Code, which includes kandases in employment promotion and labor mobility instruments [24]. The expansion of procedural accessibility was ensured by the 2020 amendments, which established the possibility of simultaneous application for permanent residence and citizenship under a simplified procedure [25].

Strategic policy documents also play an important role in shaping the legal and institutional framework for the adaptation of repatriates. The Concept of Migration Policy of the Republic of Kazakhstan for 2017–2021 systematized state approaches to external, internal, and ethnic migration, including the return of ethnic Kazakhs, regional settlement, and the need to link migration flows with labor market needs [26]. The Concept for 2023–2027 further strengthened the focus on the integration of kandases, labor mobility, reduction of regional demographic imbalances, and institutional support for adaptation [27]. The current Concept of Migration Policy of the Republic of Kazakhstan until 2030 reflects a more comprehensive approach by identifying ethnic migration as a separate policy area, emphasizing regional settlement programs, digital migration services, interagency coordination, and the need to assess the labor, educational, and language potential of ethnic migrants [28]. Thus, the evolution of Kazakhstan's migration policy concepts demonstrates a gradual transition from a predominantly demographic and resettlement-oriented approach toward a model of institutional and socio-economic integration of repatriates.

However, empirical studies in recent years indicate a persistent "norm–practice" gap: integration is complicated by delays and administrative bottlenecks, a lack of preliminary information about the sociolinguistic and institutional environment, quota selectivity, limited awareness and utilization of adaptation and integration centers, as well as problems related to qualification recognition and employment [17], [18], [19], [20].

The special status of "kandas" is defined in the Law "On Population Migration" as the status of an ethnic Kazakh and (or) members of his/her family of Kazakh nationality who previously did not hold citizenship of the Republic of Kazakhstan and who obtained the relevant status in accordance with the procedure established by the authorized migration authority [23]. The law simultaneously introduces infrastructure-related concepts: the kandas adaptation and integration center, the regional admission quota, and an information database on kandases and the support measures provided.

Within the current regulatory framework, the assignment of kandas status and access to support measures are regulated through interaction with local executive bodies and specially established commissions. The legislation differentiates guarantees into universal ones, available to all kandases, and extended ones, applicable to those included in the regional quota. Basic measures include the right to adaptation services, education, medical care, and employment assistance on an equal basis with citizens, while quota mechanisms provide for priority employment, access to financial instruments, and benefits for obtaining land plots. At the same time, a number of conditional return obligations are established, including reimbursement of costs in cases of loss of eligibility or relocation outside the designated region. The legislator emphasizes a balance between support and responsibility, forming a contractual model of adaptation tied to compliance with territorial and legal criteria.

The adaptation infrastructure is legally established through temporary accommodation centers and adaptation and integration centers: initial settlement

prior to the assignment of status is possible in temporary accommodation centers; the procedure and duration of residence and service provision are determined by the authorized body at the level of subordinate regulation [29]. The duration of the status makes the system "accelerating": the status terminates upon acquisition of citizenship, in cases of problems with permanent residence authorization, or after one year from the date of obtaining status (which increases the cost of any bureaucratic delays); extension is permitted once and for a limited period (under the law - no more than six months) for the purposes of simplified citizenship acquisition [30].

The institution of kandas naturalization in Kazakh law has undergone significant evolution as a result of the 2020 reform aimed at reducing institutional barriers to citizenship acquisition. The construction of a simplified (registration-based) citizenship procedure for kandases is normatively positioned as a process not dependent on the duration of residence in the territory of the Republic of Kazakhstan, provided that the requirements of lawful permanent residence are met. Thus, the legislator effectively implements a model of priority ethnic repatriation in which the criterion of origin acquires greater legal significance compared to traditional naturalization requirements, such as a lengthy residence qualification period. Similar models of ethnically oriented migration policy are characteristic of nation-building states and post-socialist countries, where repatriation is viewed as an instrument of demographic and political consolidation [8], [9], [10].

A significant procedural innovation of the reform was the establishment of the right of kandases to simultaneously submit documents for permanent residence authorization and for admission to citizenship under a simplified procedure. This substantially reduces the administrative burden on applicants and has legal significance as well, since it lowers the transaction costs of administrative interaction, eliminates the problem of sequential queues, and minimizes the risks of loss of legal status due to expiration of consideration periods or lack of coordination between agencies, which in academic literature is often considered an important element of institutional efficiency in migration administration [31].

The adoption of the Social Code of the Republic of Kazakhstan in 2023 strengthened the institutional integration of kandases into the system of social and labor guarantees by establishing them as an independent subject of state employment and labor mobility policy. Of fundamental importance is the provision granting kandases the right to register as job seekers on an equal basis with citizens of the Republic of Kazakhstan and permanently residing foreigners or stateless persons. It should be noted that when hiring a foreign worker, an employer is required to obtain a special permit from the local executive authority, whereas when hiring a kandas, such a permit is not required. This legislative decision indicates a transition from predominantly migration regulation toward a model of socio-economic integration, in which kandas status is considered not only a migration-law category but also an element of the state employment system. Contemporary studies of repatriate adaptation confirm that access to the labor market and social institutions is a key factor for successful integration and for reducing socio-economic risks [4], [32].

Additional confirmation of the comprehensive nature of regulation is the inclusion of kandases in voluntary resettlement mechanisms aimed at increasing labor mobility, where they act as an independent group of recipients of state support measures linked to regional quotas for settlers and kandases. Thus, legal regulation

combines migration policy with regional development and demographic balancing of territories, which corresponds to trends in the strategic management of migration in states with territorial population imbalances [33].

In recent years, an important direction of modernization of legal regulation has been associated with the digitalization of migration procedures and the implementation of the "one-stop shop" principle. Subordinate regulatory acts and official explanations establish the expansion of application submission channels through electronic services, including public service portals, mobile applications, foreign institutions, and the state corporation. From a legal perspective, digitalization has a dual effect. On the one hand, the standardization of procedures contributes to increased transparency of administrative decisions, reduction of corruption risks, and shortening of application processing times. On the other hand, the transfer of procedures into the digital environment increases the requirements for interagency coordination, legal certainty of decision-making algorithms, and mechanisms for protecting applicants from automated refusals. Researchers consider the digital transformation of public administration as a factor that changes not only administrative processes but also the architecture of legal guarantees governing interaction between the state and the individual [34]. In this context, the digitalization of migration administration becomes not only an instrument of service-oriented modernization of the state but also a factor in the transformation of administrative and legal mechanisms for protecting the rights of kandases.

Gap Between the Normative Model and Practice: Assessing the Effectiveness of Adaptation Mechanisms

Despite the consistent improvement of Kazakhstan's migration policy regulatory framework, empirical data indicate the existence of a persistent gap between the declared model of simplified naturalization for kandases and the actual practice of its implementation. Interviews with repatriates show that key problems arise not so much at the level of formal legal norms as in the sphere of administrative procedures, interagency coordination, and law enforcement, which is typical for migration regimes of transitional states.

Similar conclusions are reflected in studies of kandas integration policy, which emphasize that the implementation of state migration policy is accompanied by systemic institutional barriers, including insufficient interagency coordination, weak informational support, and limited effectiveness of local executive bodies [35].

One of the most significant factors complicating the acquisition of citizenship remains the requirement to renounce previous citizenship due to the prohibition of dual citizenship in Kazakhstan. Formally, this requirement complies with constitutional provisions and citizenship legislation; however, in practice, the procedure for renouncing foreign citizenship often proves lengthy, bureaucratically complex, and dependent on the decisions of authorities of another state. Interviews confirm that many repatriates are forced to postpone naturalization for years. In some cases, individuals live in Kazakhstan for more than five to ten years while retaining their previous citizenship, which is linked not only to administrative difficulties but also to socio-economic considerations. For example, one informant noted that renouncing foreign citizenship would lead to a substantial loss of

pension rights accumulated in the country of previous residence. Such situations demonstrate that naturalization mechanisms insufficiently account for transnational social guarantees and economic consequences for migrants, which corresponds with findings in research on transnational social protection [36].

A serious barrier in recent years has been the problem of document legalization related to apostille requirements following the accession of several states to the 1961 Hague Convention. This problem is particularly acute for repatriates from China, where obtaining an apostille may require personal travel to the region of origin. Interviews indicate the presence of objective risks for applicants who fear the inability to leave the country again or administrative restrictions imposed by local authorities. As a result, a formally neutral international legal procedure transforms into a significant migration barrier that effectively blocks access to citizenship for certain categories of kandases. Moreover, in some cases, the absence of primary documents due to the specifics of registration systems in countries of origin leads to the inability to meet the requirements of Kazakh authorities, demonstrating insufficient adaptation of procedures to the real migration trajectories of repatriates.

Interviews also reveal a high level of administrative uncertainty associated with frequent legislative and procedural changes. Since the adoption of the Law "On Citizenship of the Republic of Kazakhstan," numerous amendments have been introduced affecting the conditions and procedures for admission to citizenship, including simplified procedures. The frequency of amendments creates a situation of normative instability in which applicants face changing requirements, deadlines, and document lists [37]. In the perception of repatriates, this is expressed as a sense of increasing procedural complexity and unpredictability of outcomes, which reduces trust in state institutions. Similar problems of normative instability and institutional fragmentation are also noted in academic studies of Kazakhstan's migration policy [11], [12].

An additional institutional problem remains the fragmentation of competencies among different state bodies. The naturalization process falls under the jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs, while integration measures are implemented by the Ministry of Labor and Social Protection and local executive authorities. The absence of clear delineation of powers and a unified coordination center leads to duplication of procedures and administrative delays. Secondary studies confirm that the distribution of functions among several agencies is one of the key factors reducing the effectiveness of integration policy, as it creates confusion for applicants and increases the transaction costs of interaction with the state [35].

Although legislation provides for the implementation of the "one-stop shop" principle and the possibility of simultaneous submission of documents for permanent residence and citizenship, interviews confirm that these mechanisms have been implemented only partially and do not always ensure the expected reduction in processing times and bureaucratic burden.

An additional factor reinforcing institutional barriers to adaptation is the low level of awareness among repatriates regarding existing state support mechanisms, including kandas adaptation and integration centers. The interviews conducted show that a significant proportion of respondents either were unaware of the existence of such centers or had very limited understanding of their functions and procedures for accessing them. Even where general awareness existed, interaction

with these institutions was perceived as complex and insufficiently transparent, which reduced motivation to use the services offered. As a result, many repatriates prefer to resolve administrative issues independently or through informal channels - relatives, acquaintances, or intermediaries.

The obtained data are consistent with the results of secondary studies, according to which insufficient systematic informational support is one of the key problems of Kazakhstan's integration policy. It is noted that repatriates often lack information about their rights, benefits, and institutional support opportunities, and also experience difficulties in understanding the sequence of administrative procedures, which directly affects the effectiveness of migration legislation implementation [35].

Moreover, limited awareness is reinforced by institutional fragmentation of the migration management system, in which responsibility for different stages of naturalization and integration is distributed among multiple agencies and levels of authority.

The low level of awareness of adaptation centers also has structural causes. First, the territorial distribution of such institutions does not always correspond to the actual geography of repatriate settlement, which limits the physical accessibility of services. Second, state information channels are insufficiently adapted to the characteristics of the target group, including language barriers, differences in levels of legal literacy, and the specifics of migration experience. As a result, even formally existing support mechanisms remain underutilized. Such a situation corresponds to the conclusions of research on migrant social protection, according to which informational asymmetry between the state and service recipients significantly reduces the effectiveness of formal institutions and contributes to the development of informal mediation practices [38].

New legislative requirements in recent years, including mandatory testing of knowledge of the state language, history, and the Constitution, also have an ambiguous impact on the effectiveness of naturalization. On the one hand, they correspond to international practice of integration requirements. On the other hand, in the absence of sufficient preparation infrastructure and consideration of the age and educational characteristics of repatriates, these measures may constitute an additional barrier, especially for older individuals. Moreover, studies of ethnic repatriate integration show that even with cultural proximity between migrants and the host population, the adaptation process may be accompanied by marginalization and socio-economic difficulties when institutional support is insufficient [39].

Taken together, the interviews make it possible to conclude that the key problem of Kazakhstan's migration policy regarding kandases lies not so much in the absence of normative adaptation mechanisms as in the limited effectiveness of their practical implementation. The gap between the legal model and administrative practice is caused by institutional fragmentation, normative instability, transnational legal barriers, and insufficient adaptation of procedures to the real socio-economic conditions of repatriates. In this regard, the conclusion that strengthening interagency coordination and creating a unified institutional center for managing repatriation, naturalization, and integration processes is necessary appears justified.

Discussion

The results of the study correlate with the conclusions of previous domestic research analyzing the problems of repatriate adaptation in Kazakhstan, which have been examined primarily within sociological and cultural contexts. Earlier studies noted difficulties related to employment, language adaptation, social inclusion, and the perception of repatriates within the host society. At the same time, existing research has focused to a lesser extent on the legal mechanisms of integration and the institutional implementation of migration policy, considering adaptation mainly as a social process.

The principal distinction of the present study lies in its political and legal approach to analyzing kandas adaptation, based on a comparison between the normative model of state policy and its actual implementation in practice. The use of empirical data from in-depth interviews made it possible to identify institutional barriers that are not always reflected in regulatory documents, including administrative delays, complexities of naturalization procedures, problems of interagency coordination, and low awareness among repatriates regarding state support mechanisms. Thus, adaptation is viewed not only as a socio-cultural process but also as the result of the functioning of the state's legal and administrative institutions.

The findings confirm that the mere existence of normative guarantees does not in itself ensure effective integration of repatriates. A key factor is the quality of law enforcement and the institutional coherence of state bodies. The identified gap between the normative framework and administrative practice indicates the need to reconsider migration policy implementation mechanisms from the perspective of institutional effectiveness.

From a scientific standpoint, the study expands the understanding of repatriate adaptation by demonstrating that even when migrants share ethnic affiliation with the host society, integration requires stable legal mechanisms and coordination among state institutions. The practical significance of the results lies in identifying specific problem areas within migration policy, the resolution of which could enhance the effectiveness of state support for kandases.

Conclusion

The conducted study has shown that the Republic of Kazakhstan has developed a relatively comprehensive legal framework for the adaptation and integration of ethnic Kazakhs (kandases). In response to the first research question, it can be concluded that the current regulatory model formally provides important adaptation mechanisms, including the legal status of kandas, simplified naturalization procedures, social guarantees, access to employment assistance, adaptation and integration services, and participation in regional resettlement mechanisms. These instruments demonstrate that Kazakhstan's migration policy has gradually moved from a predominantly demographic and repatriation-oriented approach toward a broader model of institutional and socio-economic integration.

At the same time, the analysis demonstrates that the existence of legal guarantees does not automatically ensure their effective implementation. In response to the second research question, the study identified several institutional and administrative barriers that limit the practical effectiveness of the existing legal framework. These include bureaucratic delays in naturalization procedures, difficulties related to

renouncing previous citizenship, document legalization and apostille requirements, frequent changes in administrative procedures, insufficient coordination between state bodies, and fragmentation of institutional responsibilities. As a result, the simplified legal model of naturalization does not always correspond to the actual experience of repatriates.

With regard to the third research question, the study found that existing state support mechanisms, including adaptation and integration centers and digital services, only partially meet the needs of kandases. Although legislation provides for institutional support and the expansion of digital application channels, interviews show that many repatriates remain poorly informed about available services, do not fully understand the sequence of administrative procedures, or prefer to rely on informal support networks. The limited accessibility and insufficient visibility of adaptation centers reduce their practical effectiveness. Digitalization, while improving procedural accessibility, also requires stronger interagency coordination and clearer legal safeguards for applicants.

In response to the fourth research question, the study substantiates several directions for improving legal regulation and institutional coordination. First, it is necessary to strengthen interagency cooperation between migration authorities, local executive bodies, employment services, and institutions responsible for social support. Second, the state should improve information support for kandases before and after their arrival in Kazakhstan, including clear multilingual guidance on legal procedures, rights, benefits, and available services. Third, adaptation and integration centers should be made more accessible and functionally stronger, with their activities linked to employment, education, housing, healthcare, and legal assistance. Fourth, digital migration services should be developed not only as technical tools but also as mechanisms for ensuring transparency, predictability, and protection of applicants' rights.

The scientific novelty of the study lies in the political and legal analysis of kandas adaptation through the comparison of the normative model of migration policy with its practical implementation. The use of empirical data from in-depth interviews made it possible to identify institutional factors that are not always visible in formal legal analysis, including administrative uncertainty, informational asymmetry, and the gap between legal guarantees and actual access to services.

The practical significance of the study consists in substantiating the need to move from a fragmented model of support toward a comprehensive institutional system for the integration of repatriates. Such a model should combine legal regulation, social support, labor market integration, digital services, and regional development priorities. Strengthening coordination, improving information accessibility, and adapting procedures to the real socio-economic conditions of kandases are essential for increasing the effectiveness of Kazakhstan's migration policy and ensuring the successful integration of repatriates into society.

Funding

This research is funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Grant No. AP26197965.

References:

1. Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. (1936). Memorandum for the Study of Acculturation. American Anthropologist, 38(1):149–152.
2. Berry J.W. (1997). Immigration, acculturation, and adaptation. Applied Psychology, 46(1):5–34.
3. Berry J.W. (2006). Acculturation: A conceptual overview. In: Bornstein MH, Cote LR (eds) Acculturation and Parent–Child Relationships: Measurement and Development. Lawrence Erlbaum Associates, Mahwah, pp 13–30.
4. Ager A., Strang A. (2008). Understanding integration: A conceptual framework. Journal of Refugee Studies, 21(2):166–191.
5. Glick Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C. (1992). Toward a transnational perspective on migration: Race, class, ethnicity, and nationalism reconsidered. Annals of the New York Academy of Sciences. New York Academy of Sciences, New York.
6. Portes A., Guarnizo L.E., Landolt P. (1999). The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promise of an Emergent Research Field. Ethnic and Racial Studies, 22(2):217–237.
7. Finke P. (2013). Historical homelands and transnational ties: the case of the Mongolian Kazaks. Zeitschrift für Ethnologie, 138:175–193.
8. Brubaker R. (1992). Citizenship and Nationhood in France and Germany. Harvard University Press.
9. Laruelle M. (2013). Kazakhstan: Central Asia's New Migration Crossroads. In: Laruelle M (ed) Migration and Social Upheaval as the Face of Globalization in Central Asia. Brill, Leiden, pp 87–108.
10. Oka N. (2013). A note on ethnic return migration policy in Kazakhstan: changing priorities and a growing dilemma. IDE Discussion. Paper 394.
11. Bonnenfant I.K. (2012). Constructing the homeland: Kazakhstan's discourse and policies surrounding its ethnic return-migration policy. Central Asian Survey, 31(1):31–44.
12. Diener A.C. (2005). Kazakhstan's kin-state diaspora: Settlement planning and the oralman dilemma. Europe-Asia Studies, 57(2):327–348.
13. Brereton M. (2023). Ethnic Return Migration and the Politics of Belonging in Kazakhstan. Journal of the American Oriental Society, 140(2):317–334.
14. Kurganskaya L., Dzhusupova G. et al (2024). Repatrianty v Kazakhstane: analiz problem integratsii v sotsiologicheskom izmerenii [Repatriates in Kazakhstan: analysis of integration problems in the sociological dimension]. Sotsialnye issledovaniya, 2:45–59.
15. Negizbaeva S., Lamazhaa Ch. (2025). Mediynoe i pravovoe izmerenie transformatsii statusa kandasov [Media and legal dimension of the transformation of kandas status]. Transformatsiya diskursov Evraziyskogo prostranstva, 1(2):22–36.
16. Abdrakhmanova G., Shoibekova D. (2021). Lingvisticheskaya reprezentatsiya etnokulturnoy identichnosti repatriantov [Linguistic representation of ethnocultural identity of repatriates]. Vestnik filologii, 2:105–112.
17. Nguyen TTL., Shakeyeva B., Bastaubayeva A. (2023). Problems of integration of kandas into Kazakhstani society based on the results of field research. Al-Farabi, 83(3):150–162.
18. Aitymbetov N., Shakeyeva. B (2024). Analiz integratsii kandasov v kazakhstanskoe obshchestvo na osnove sotsialnykh issledovanii [Analysis of the integration of kandases into Kazakhstani society based on social research]. Al-Farabi, 88(4):160–172.
19. Saiyn Zh., Zhiyembayeva G., Zhumay N. (2025). Repatrianty v Kazakhstane: adaptatsiya i sotsiokulturnye problemy [Repatriates in Kazakhstan: adaptation and socio-cultural problems]. Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series, 152(3):268–283.

20. Konysbayev R.S. (2025). Assimilyatsiya kandasov v Kazakhstane: osobennosti v Mangistauskoi oblasti [Assimilation of kandases in Kazakhstan: features in the Mangystau region]. Qazaqtaný, 25:149–155.
21. Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan (1995). [Constitution of the Republic of Kazakhstan].
22. Proekt Konstitutsii Respubliki Kazakhstan (2026). [Draft Constitution of the Republic of Kazakhstan]. Available at: https://prg.kz/document/?doc_id=35502996
23. Zakon Respubliki Kazakhstan "O migratsii naseleniya" (2011) [Law of the Republic of Kazakhstan "On Population Migration"]. Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000483
24. Sotsialnyy kodeks Respubliki Kazakhstan (2023). [Social Code of the Republic of Kazakhstan]. Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224
25. Zakon Respubliki Kazakhstan "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v nekotorye zakonodatelnye akty Respubliki Kazakhstan po voprosam regulirovaniya migratsionnykh protsessov" (2020). [Law on Amendments to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan on Migration Regulation]. Available at: https://prg.kz/document/?doc_id=37013745
26. Postanovlenie Pravitelstva Respubliki Kazakhstan. No 602 (2017). [Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan No 602 "On approval of the Concept of Migration Policy of the Republic of Kazakhstan for 2017–2021 and the Action Plan for its implementation"].
27. Postanovlenie Pravitelstva Respubliki Kazakhstan. No 961 (2022). [Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan No 961 "On approval of the Concept of Migration Policy of the Republic of Kazakhstan for 2023–2027"].
28. Postanovlenie Pravitelstva Respubliki Kazakhstan. No 1081 (2025). [Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan No 1081 "On approval of the Concept of Migration Policy of the Republic of Kazakhstan until 2030"].
29. Prikaz Ministra truda i sotsialnoy zashchity naseleniya Respubliki Kazakhstan. No 66 (2023). [Order of the Minister of Labour and Social Protection on Approval of Rules for Providing Adaptation and Integration Services to Ethnic Kazakhs]. Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300032901
30. Prikaz Ministra truda i sotsialnoy zashchity naseleniya Respubliki Kazakhstan. No 329-Ө-M (2013). [Order on Approval of Rules for Assigning or Extending Kandas Status]. Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1300008624
31. Hollifield J.F., Martin P.L., Orrenius P.M. (2014). The dilemmas of immigration control. In: Controlling Immigration: A Global Perspective. Stanford University Press.
32. OECD (2017). Making Integration Work: Labour Market Integration of Immigrants. OECD Publishing.
33. De Haas H., Castles S., Miller M.J. (2019). The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. Bloomsbury Publishing.
34. Bannister F., Connolly R. (2014). ICT, public values and transformative government: A framework and programme for research. Government Information Quarterly, 31(1):119–128.
35. Kryakvina K. (2022). Problematichnaya integratsiya kandasov: kak optimizirovat protsess integrirovaniya repatriantov v obshchestvo Kazakhstana? [Problematic integration of kandases: how to optimize the integration process of repatriates into Kazakh society?]. Analytical report. Available at: https://clck.ru/3SANqL
36. Faist T., Bilecen B., Barglowski K., Sienkiewicz J. (2015). Transnational social protection: Migrants' strategies and patterns of inequalities. Population, Space and Place, 21(3):193–202.
37. Zakon Respubliki Kazakhstan "O grazhdanstve Respubliki Kazakhstan" (1991). [Law of the Republic of Kazakhstan "On Citizenship"]. Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z910004800_

38. Sabates-Wheeler R., Feldman R. (2011). Social Protection and Migration: Claiming Social Rights Beyond Borders. Palgrave Macmillan.
39. Tsuda T. (2010). Ethnic return migration and the nation-state. Nations and Nationalism, 16(4):616–636.

Материал поступил в редакцию 28.10.2025
Утвержден к публикации 19.03.2026

IRSTI:
05.11.27

YOUTH DIGITAL PRACTICES AND POLITICAL COMMUNICATION IN KAZAKHSTAN: SOCIO-EDUCATIONAL IMPLICATIONS OF SOCIAL MEDIA USE

Akezhan Kenesov[1*]
Aidar Amrebaev[2]

[1] PhD student al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan; e-mail: akezhan0808@mail.ru
[2] Head of the Center for Comparative Political Studies, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, candidate of philosophical Sciences, Almaty, Kazakhstan

https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.2.006

Abstract. This study examines patterns of social media use among youth in Kazakhstan and analyzes how these digital practices relate to the evolving infrastructural conditions of political communication. The research is based on a quantitative interviews cross-sectional survey and stratified quota sampling ensured representation by gender, age, and place of residence. Data were analyzed using descriptive statistics, regression analysis and mediation modeling. The findings indicate youth digital engagement reflect structural shifts in communication environments. The study concludes that modern political communication requires a revision of established theoretical frameworks and greater methodological openness to cross-cultural comparison. While the study is situated within the broader field of political communication, it does not directly measure political participation or political efficacy. Instead, it focuses on socio-educational dimensions of digital engagement that indirectly shape the conditions under which political communication occurs. In this regard, social media are conceptualized as infrastructural environments structuring exposure to politically relevant content rather than as direct instruments of political mobilization.

Keywords: *social networks, youth, politics, political values, influence.*

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЖАСТАРДЫҢ ЦИФРЛЫҚ ТӘЖІРИБЕЛЕРІ ЖӘНЕ САЯСИ КОММУНИКАЦИЯ: ӘЛЕУМЕТТІК ЖЕЛІЛЕРДІ ПАЙДАЛАНУДЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК-БІЛІМДІК САЛДАРЫ

Әкежан Кеңесов[1*], Айдар Амребаев[2]
[1] ІӘл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университетінің PhD докторанты,

[2] ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің Философия, саясаттану және дінтану институтының Салыстырмалы саяси зерттеулер орталығының жетекшісі, философия ғылымдарының кандидаты

Аңдатпа. Бұл зерттеуде Қазақстандағы жастар арасында әлеуметтік желілерді пайдалану үлгілері қарастырылады және осы цифрлық тәжірибелердің саяси коммуникацияның өзгермелі инфрақұрылымдық жағдайларымен қалай салыстырылатыны талданады. Зерттеу жынысы, жасы және тұрғылықты жері бойынша өкілдікті қамтамасыз ететін стратификацияланған квоталық іріктеу әдісімен жүргізілген сандық кросс-сауалнамаға негізделген. Деректер сипаттамалық Статистика, регрессиялық талдау және медиацияны модельдеу арқылы талданды. Нәтижелер жастардың цифрлық қатысуы коммуникациялық ортадағы құрылымдық өзгерістерді көрсететінін көрсетеді. Зерттеу қазіргі саяси коммуникация қалыптасқан теориялық негіздерді қайта қарауды және мәдениетаралық салыстыру үшін әдіснамалық ашықтықты қажет етеді деген қорытындыға келеді. Зерттеу саяси коммуникацияның кең ауқымында болғанымен, ол саяси қатысуды немесе саяси тиімділікті тікелей өлшемейді. Оның орнына ол саяси коммуникация орын алатын жағдайларды жанама түрде қалыптастыратын цифрлық қатысудың әлеуметтік-білім беру аспектілеріне бағытталған. Осыған байланысты әлеуметтік желілер саяси жұмылдырудың тікелей құралы ретінде емес, саяси маңызды мазмұнға қол жеткізуді құрылымдайтын инфрақұрылымдық орта ретінде қарастырылады.

Түйін сөздер: *әлеуметтік желілер, жастар, саясат, саяси құндылықтар, ықпал.*

ЦИФРОВЫЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ: СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Акежан Кенесов[1*], Айдар Амребаев[2]

[1] PhD докторант Казахского национального университета имени аль-Фараби,

[2] Руководитель Центра сравнительных политических исследований Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, кандидат философских наук.

Аннотация. В данном исследовании рассматриваются модели использования социальных сетей среди молодежи в Казахстане и анализируется, как эти цифровые практики соотносятся с меняющимися инфраструктурными условиями политической коммуникации. Исследование основано на количественном перекрестном опросе, проведенном методом стратифицированной квотной выборки, что обеспечило репрезентативность по полу, возрасту и месту проживания. Данные анализировались с использованием описательной статистики, регрессионного анализа и моделирования медиации. Результаты показывают, что цифровое участие молодежи отражает структурные сдвиги в коммуникационных средах. Исследование приходит к выводу, что

современная политическая коммуникация требует пересмотра устоявшихся теоретических рамок и большей методологической открытости для межкультурного сравнения. Хотя исследование находится в рамках более широкой области политической коммуникации, оно не измеряет напрямую политическое участие или политическую эффективность. Вместо этого оно сосредоточено на социально-образовательных аспектах цифрового участия, которые косвенно формируют условия, при которых происходит политическая коммуникация. В этом отношении социальные сети рассматриваются как инфраструктурные среды, структурирующие доступ к политически значимому контенту, а не как прямые инструменты политической мобилизации..

Ключевые слова: *социальные сети, молодежь, политика, политические ценности, влияние.*

Introduction

Social media platforms have become central infrastructures of communication, influencing social, economic, educational, cultural, and political spheres [1]. For young people, these tools provide a platform for sharing ideas, creating digital identities, and accessing global information, thereby empowering them. For youth, social media serve as spaces for identity construction, information exchange, and peer interaction, while simultaneously exposing users to risks related to misinformation and digital overuse. The relevance of this study is determined by the growing impact of social media on youth in Kazakhstan within the context of rapid digital transformation, as these platforms simultaneously create new developmental opportunities and intensify social educational and informational risks. The study aims to analyze the transformation of political communication in the context of digitalization, with particular attention to the role of social networks in shaping socio-digital and informational attitudes among young people. It is important to clarify that the present study does not aim to directly assess political participation or political behavior. Rather, it adopts an infrastructural perspective, examining how everyday digital practices and levels of digital literacy create the underlying conditions that may influence political communication emerges indirectly through socio-educational and informational environments.

The study sets the following research objectives: to identify socio-cultural, technological, and economic problems associated with the use of social media (this includes cybersecurity issues, unequal access, and the potentially harmful effects of foreign or inappropriate content on local values); to identify the opportunities provided by social media, in particular, for education, job creation places and the promotion of local culture, with the aim of encouraging responsible and useful practices for the youth of the region. The following research questions were posed for this analysis: What are the primary motivations for social media use among youth in Kazakhstan? What are the socio-educational implications are associated with these patterns of use? How does digital literacy mediate perceived academic impact?

Additionally, this study employs a mixed approach based on a thorough review of the literature. This method allows for the synthesis of diverse data to provide a comprehensive and detailed picture. The sources will include recent empirical

studies on the impact of digital technologies in Central Asian countries. The relevance of this study lies in the need to understand the role of social networks in a local context characterized by unique challenges. In Kazakhstan, where access to traditional educational and economic resources remains limited, social networks represent both a development lever and a source of new risks [2].

Methodology

The study employed a cross-sectional survey design to examine patterns of social media use and their perceived academic and socio-digital implications among youth in Kazakhstan. A stratified quota sampling strategy was used to ensure proportional representation by gender, age group, and place of residence. Inclusion criteria included between 15-35 years, permanent residence in Kazakhstan, active use of at least one social networking platform and informed consent to participate. The final sample consisted of N=500 respondents aged 15-35 years, corresponding to the official definition of youth in the Republic of Kazakhstan.

Table 1. Sample Structure (N=500)

Variable	Category	n	%
Place of Residence	Urban	350	70%
	Rural	150	30%
Gender	Female	260	52%
	Male	240	48%
Age groups	15-19 years	110	22%
	20-24 years	140	28%
	25-29 years	135	27%
	30-35 years	115	23%
	Total	500	100%

Data were collected using a structured questionnaire consisting of 48 items, divided into five sections:

1. Demographic characteristics
2. Patterns of social media use (frequency, platforms, time spent)
3. Motivation for use (based on Uses and Gratifications theory)
4. Perceived socio-cultural and educational impact
5. Perceived risks (addiction, misinformation, mental health).

Time spent on social media was measured as self-reported average daily usage in hours. Perceived academic impact was measured using a composite scale of Likert-type five-point scales 1 = strongly disagree, 5 = strongly agree. Internal consistency reliability was assessed using Cronbach's alpha. The perceived academic impact scale demonstrated good reliability (α=0.81), while the digital literacy index showed acceptable internal consistency (α=0.84).

Data analysis was conducted using SPSS and included: descriptive statistics (means, frequencies, percentages), cross-tabulations, chi-square tests for categorical associations, independent samples t-tests, one-way ANOVA for age-group comparisons, Pearson correlation analysis, multiple linear regression analysis to identify predictors of perceived impact. Statistical significance was determined at the 0.05 level (two-tailed tests).

The study complied with ethical research standards. Informed consent was obtained from all participants. For respondents under 18 years of age, parental consent procedures were implemented. Data were anonymized and analyzed in aggregate form. The study does not include direct measures of political participation or political efficacy. Instead, it focuses on socio-digital and educational indicators, reflecting an infrastructural approach in which emphasis is placed on the conditions shaping exposure to political content rather than on explicit political behavior

urvey did not directly measure political participation or political efficacy; rather, it focused on broader digital engagement patterns and perceived socio-educational outcomes. The study deliberately focuses on socio-digital and educational indicators rather than direct political variables. The design reflects an infrastructural approach to political communication, where emphasis is placed on the conditions and environments that shape exposure to political content, rather than on explicit measures of political engagement.

Literature Review

Recent studies emphasize that digital media have transformed the nature of political communication by expanding the range of actors, channels, and interaction formats. According to Oparaugo (2021), political communication in the digital age involves not only traditional media institutions, but also social media platforms that enable direct interaction between political actors and citizens. These platforms facilitate the production, dissemination and interpretation of political messages in more decentralized and interactive ways, thereby reshaping the structure of public discourse [1]. At the same time, the diversification and fragmentation of media environments have led to more personalized and algorithmically curated information exposure. There transformations have significantly influenced political campaigns, media strategies and patterns of citizen engagement (Owen, 2017) [2]. Such changes highlight the shift from traditional mass communication models toward complex digital ecosystems, where social media function as infrastructural environments shaping both informational flows and public discourse [3].

Youth is a socio-demographic category characterized by the transition from childhood to adulthood. It is often defined by biological, psychological, and social criteria, including age, but its meaning varies depending on the cultural and geographical context. Nevertheless, they play a central role in the socio-economic dynamics of the region due to their rapid adoption of new technologies [4]. On the other hand, social networks are digital platforms that allow people to create profiles, communicate with other users, and share various content. These platforms are divided into several categories:

General social networks: Facebook, used for maintaining personal and professional connections; WhatsApp, focused on instant messaging. Social networks based on sharing visual content: Instagram and TikTok, popular among young people for sharing photos and videos.

Professional social networks: LinkedIn is beginning to transform into a platform for professional communication [5]. Opportunities: Social networks provide opportunities for personal development, learning, entrepreneurship, and social mobilization [6]. They also contribute to the promotion of local culture and the development of digital skills among young people. The theory of consumer satisfaction, developed in the 1940s and refined by Blumler and Katz in the 1970s,

explores why people choose specific media resources and how these choices satisfy their specific needs [7]. In the context of social media, this theory identifies several motivations:

- Social needs: Maintaining relationships and developing a network of friends [8].
- Information needs: Searching for news and educational content [9].
- Self-expression needs: Creating and sharing content to assert one's identity [10].
- Entertainment: Watching videos, memes, and other entertaining content [11].

Among Kazakhstan's youth, social media particularly meets the needs for communication and entertainment, while also filling the gaps in traditional media for access to information. However, the instant gratification offered by these platforms can also lead to addiction or compulsive behavior, particularly among young people who lack a structured educational system.

Results

Main reasons for using social networks. The results indicate that communication (40%) and entertainment (30%) remain dominant motivations, while educational (15%) and entrepreneurial (10%) uses are less prevalent. Regression analysis revealed time spent on social media significantly predicts perceived negative academic impact (β=0.41, $p < 0.01$). Furthermore, digital literacy level negatively correlates with misinformation susceptibility (r=-0.36, $p < 0,01$), suggesting that higher digital competence reduces vulnerability to misleading content. In addition, urban respondents demonstrate significantly higher diversification of platform usage compared to rural youth ($p < 0.05$). These findings confirm the dualistic character of social media influence, combining developmental opportunities with measurable risks. The detailed regression model is presented in Table II.

Table 2. Multiple Linear Regression Analysis Predicting Perceived Negative Academic Impact

Predictor Variable	B	SE	β	t	p-value
Time spent on social media	0.47	0.06	0.41	7.83	<0.001
Digital literacy level	-0.28	0.08	-0.22	-3.50	0.001
Urban residence (dummy)	0.15	0.07	0.09	2.14	0.033
Gender (male=1)	0.08	0.06	0.06	1.28	0.201

Model summary:

$R2 = 0.32$

Adjusted $R2 = 0.30$

$F(4,495) = 58,21$, $p<0.001$

Note: B = unstandardized coefficient; SE = standard error; β = standardized coefficient. Statistical significance: *p <0.05, **p<0.01, ***p<0.001.

Table 3. Mediation Analysis examining the Role of Digital Literacy

Path	B	SE	t	P-value
Time spent → Digital Literacy (a)	-0.31	0.07	-4.43	<0.001
Digital Literacy → Academic impact (b)	-0.26	0.08	-3.25	0.001
Direct effect	0.39	0.06	6.50	<0.001
Total effect	0.47	0.06	7.83	0.001
Indirect effect (a*b)	0.08	-	-	95% Cl [0.03, 0.14]

Note: Indirect effect estimated using bootstrap procedure (95% confidence interval). The confidence interval does not include zero, indicating statistical significance.

The mediation analysis results presented in Table III indicate that digital literacy significantly mediates the relationship between time spent on social; media and perceived academic impact. The indirect effect is statistically significant, as the confidence interval does not include zero. This suggests that part of the negative impact of social media use operates through reduced levels of digital literacy.

The results indicate a statistically significant effect of time spent on social media on perceived negative academic impact through digital literacy (95% bootstrap confidence interval does not include zero).

Specifically:

Greater time spent on social media is associated with lower levels of digital literacy (path a).

Higher digital literacy is associated with lower perceived academic disruption (path b). The direct effect remains significant, suggesting partial mediation. In this study, mediation analysis is applied to examine the indirect effect of digital literacy, and the concept of moderation is not used in order to avoid conceptual ambiguity.

Discussion

The present findings reveal a structurally dual pattern of social media engagement among youth in Kazakhstan. Communication and entertainment dominate usage motivations, whereas educational and entrepreneurial applications remain comparatively underdeveloped. This distribution reflects not only individual preferences but also the broader architecture of platform design, which algorithmically prioritizes emotionally engaging and rapidly consumable content.

The predominance of entertainment-oriented use aligns with global scholarship on attention economy dynamics, where algorithmic personalization reshapes patterns of information exposure and cognitive engagement. However, in contexts such as Kazakhstan – where access to traditional educational resources may be uneven – this imbalance acquires particular significance. The limited proportion of respondents using social media for educational and professional purposes suggests that digital environments are not yet fully integrated into structured learning trajectories.

The regression analysis demonstrates that time spent on social media is the strongest predictor of perceived negative academic impact. Importantly, mediation analysis indicates that digital literacy partially mediates this relationship. This finding support theoretical approaches within digital well-being research emphasizing that the consequences of social media exposure are not uniform but contingent upon

users' evaluative and critical capacities. In this respect, digital literacy operates as a mediating socio-cognitive mechanism, reducing vulnerability to distraction and misinformation.

The persistence of a statistically significant direct effect, even after accounting for digital literacy, suggests that structural characteristics of platforms – such as continuous content flow, algorithmic reinforcement mechanisms and short-form visual stimuli – may independently influence academic concentration. This observation corresponds with international studies highlighting the behavioral effects of fragmented attention and compulsive scrolling patterns.

Urban-rural differences in platform diversification further indicate that infrastructural factors shape digital engagement patterns. Youth residing in urban areas demonstrate broader platform use, likely reflecting higher connectivity quality, greater exposure to digital ecosystems, and stronger integration into hybrid educational and professional networks. These findings resonate with regional research on digital inequality in Central Asia, where infrastructural asymmetries continue to influence online participation [12].

The coexistence of reported negative academic effects and positive educational outcomes underscores the ambivalent character of social media; platforms operate as multifunctional environments whose impact depends on usage patterns, competencies and contextual constraints.

Content preference data further reinforce this interpretation. While entertainment remains dominant, the notable presence of educational and informational consumption indicates latent development potential. The underrepresentation of educational content may reflect algorithmic prioritization structures and limited institutional integration of digital resources into formal learning systems [13].

Technological constraints – including high internet costs and connectivity limitations – continue to condition digital engagement. These structural barriers may restrict equitable access to high-quality educational content, thereby reinforcing existing socio-economic disparities [13].

Taken together the Kazakhstani case contributes to ongoing international debates on youth digital practices by illustrating how global platforms logics interact with region-specific infrastructural and socio-cultural conditions. These findings highlight an important conceptual distinction between direct political behavior and the underlying conditions that shape political communication. While the study does not measure political participation explicitly, it demonstrates how digital literacy structure the ways in which individuals encounter and interpret socially and politically relevant information. This suggests that socio-educational factors play a foundational role in the formation of contemporary communication processes.

Conclusion

The findings demonstrate that youth social media engagement in Kazakhstan remains predominantly oriented toward communication and entertainment, while educational, entrepreneurial and culturally productive uses are comparatively underdeveloped. This imbalance reflects broader platform dynamics characterized by algorithmic prioritization of engaging, fast-consumption content. At the same time, the results indicate that digital literacy functions as a protective factor mitigating adverse academic consequences associated with prolonged social media use.

The analysis suggests that contemporary political communication increasingly unfolds within digital infrastructures structured by platforms such as Instagram, TikTok, YouTube, WhatsApp, Facebook and emerging networks like Thereads. These environments shape exposure to politically relevant content not through explicit mobilization mechanisms, but through mediated patterns of information circulation, algorithmic filtering and platform logic. As such, the transformation of political communication appears to be infrastructural rather than purely behavior.

Despite development opportunities, several structural constrains remain evident including technological inequalities, limited integration of digital tools into formal education and uneven levels of digital literacy. These factors condition how young people encounter, interpret and circulate socially and politically relevant information.

Strengthening digital literacy education, integrating social media into structured learning strategies and improving digital infrastructure – particularly in rural areas – may enhance the productive and socially constructive use of platforms, including emerging environments such as Thereads and short-form video ecosystems (e.g. TikTok and Instagram Reels). Rather than positioning social media as inherently beneficial or harmful, the findings underscore their multifunctional and context-dependent character. The results should therefore be interpreted within a socio-educational framework rather than direct indicators of political engagement. The study contributes to understanding how digital environments shape the preconditions of political communication, rather than its explicit manifestations.

Overall, the Kazakhstani case illustrates how youth digital practices intersect with the evolving infrastructural foundations of political communication in transitional societies. Future research may expand this framework by directly examining political participation variables and longitudinal changes in mediated political engagement.

Finance

This research was carried out as part of the BR27195711 project "Social and Political Processes in Kazakhstan (1980-2026): The Experience of Democratization and the Formation of a Just State".

References:

1. Wei R., Xu L. Z. New media and politics: A synopsis of theories, issues, and research // Oxford Research Encyclopedia of Communication. – 2019.
2. Owen D. The New Media's Role in Politics / The Age of Perplexity: Rethinking the World We Knew. // https://www. bbvaopenmind. com/en/articles/thenew-media-s-role-in-politics. – 2020.
3. Damisa A. Fake news: Finding truth in strategic communication. – 2024.
4. Omotayo F., Folorunso M.B. Use of social media for political participation by youths // JeDEM-eJournal of eDemocracy and Open Government. – 2020. – T. 12. – №. 1. – C. 132-157.
5. Bhatti M.B., Tareen M.K. Emerging trends in politics: Social media and political participation of youth // Journal of ISOSS. – 2021. – T. 7. – №. 2. – C. 245-256.
6. Alodat A M., Al-Qora'n L.F., Abu Hamoud M. Social media platforms and political participation: A study of Jordanian youth engagement // Social Sciences. – 2023. – T. 12. – №. 7. – C. 402.

7. Belotti F. et al. Youth activism for climate on and beyond social media: Insights from FridaysForFuture-Rome // The International Journal of Press/Politics. – 2022. – T. 27. – №. 3. – C. 718-737.
8. Sloam J., Pickard S., Henn M. Young people and environmental activism: The transformation of democratic politics // Journal of Youth Studies. – 2022. – T. 25. – №. 6. – C. 683-691.
9. Riedl M. J., Lukito J., Woolley S.C. Political influencers on social media: An introduction // Social Media+ Society. – 2023. – T. 9. – №. 2. – C. 205.
10. Esilov A.B., Adamidenova B.A. The influence of modern Kazakhstani media on various social groups // Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta imeni L.N.Gumileva. Seriya Pedagogika. Psihologiya. Sociologiya.. – 2024. – T. 146. – №. 1. – S. 428-435.
11. Altaibaeva A.N. et al. Influence of political values and turkic ideology in Kazakhstan // Journal of Philosophy, Culture & Political Science. – 2024. – T. 89. – №. 3.
12. Sairambay Y. et al. Monitoring public electoral sentiment through online comments in the news media: a comparative study of the 2019 and 2022 presidential elections in Kazakhstan // Media Asia. – 2024. – T. 51. – №. 1. – C. 33-61.
13. Togtarbay B. et al. The role of citizen journalism in society: An analysis based on foreign theory and Kazakhstani experience // Newspaper Research Journal. – 2024. – T. 45. – №. 1. – C. 25-44.
14. Nyshanbayev N. et al. The Republic of Kazakhstan's multi-vector foreign policy: Re-evaluation under president Tokayev // Kasetsart Journal of Social Sciences. – 2024. – T. 45. – №. 3. – C. 915-924
15. Joo S. H. Elections and immigration policy in autocracy: Evidence from Russia and Kazakhstan // Government and Opposition. – 2024. – T. 59. – №. 2. – C. 482-503
16. Joo S.H. Why Politicize Immigration? // Global Mi and Illiber Russia, Eur Eastern E. – 2024. – C. 75.

Материал поступил в редакцию 03.11.2025
Утвержден к публикации 18.06.2026

МРНТИ:
11.15.19

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ТРАНЗИТА ВЛАСТИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Дина Қызырбек

Научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, Алматы, Казахстан, e-mail: dinakyzyrbek@gmail.com ORCID ID: 0009-0002-8435-7789

https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.2.007

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу политических рисков, связанных с транзитами власти или их отсутствием в странах Центральной Азии. Теоретическую основу составляет типология, выделяющая три типа политической культуры: адаптивно-патерналистская, рефлексивно-скептическая, культура сетевой самоорганизации и соответствующие им риски: институциональная неопределённость, разрыв ожиданий, социальная мобилизация. Особое внимание уделено латентным формам риска. На материале пяти стран показано, что различные модели транзита: управляемый, элитный консенсус, революционный, закрытый, а также отсутствие транзита порождают разные конфигурации рисков. Предложенная типология позволяет объяснить различия в конфигурациях рисков через доминирующий тип политической культуры.

Ключевые слова: *Центральная Азия, транзит власти, политические риски, институциональная неопределённость, разрыв ожиданий, социальная мобилизация, латентные риски, сравнительный анализ.*

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЕЛДЕРІНДЕГІ БИЛІК ТРАНЗИТІНІҢ САЯСИ ТӘУЕКЕЛДЕРІ

Дина Қызырбек

ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының ғылыми қызметкері

Аңдатпа. Мақала Орталық Азия елдеріндегі билік транзитіне немесе оның болмауына байланысты саяси тәуекелдерге салыстырмалы талдау жасауға арналған. Теориялық негізді саяси мәдениеттің үш түрін: бейімделгіш-патерналистік, рефлексивті-скептикалық, желілік өзін-өзі ұйымдастыру мәдениетін және оларға сәйкес келетін тәуекелдерді: институционалдық белгісіздік, үміттердің алшақтығы, әлеуметтік жұмылдыруды ажырататын

типология құрайды. Тәуекелдің жасырын нысандарына ерекше назар аударылған. Бес елдің материалдары негізінде транзиттің әртүрлі үлгілері: басқарылатын, элиталық консенсус, революциялық, жабық, сондай-ақ транзиттің болмауы тәуекелдердің әркелкі конфигурациясын туғызатыны көрсетілген. Ұсынылып отырған типология тәуекелдер конфигурациясындағы айырмашылықтарды саяси мәдениеттің басым түрі арқылы түсіндіруге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: *Орталық Азия, саяси тәуекел, билік транзиті, институционалдық белгісіздік, үміттердің алшақтығы, әлеуметтік жұмылдыру, жасырын тәуекелдер, салыстырмалы талдау.*

POLITICAL RISKS OF POWER TRANSIT IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Dina Kyzyrbek
Research Fellow, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies CS MES RK.

Abstract. The article presents a comparative analysis of political risks associated with power transitions or their absence in Central Asian countries. The theoretical framework is a typology that distinguishes three types of political culture: adaptive-paternalistic, reflexive-skeptical, and network self-organization, along with their corresponding risks: institutional uncertainty, expectation gap, and social mobilization. Particular attention is paid to latent forms of risk. Drawing on evidence from five countries, the study demonstrates that different transition models: managed transition, elite consensus, revolutionary transition, closed transition, as well as the absence of transition generate distinct configurations of risks. The proposed typology helps explain these differences in risk configurations through the dominant type of political culture.

Keywords: *Central Asia, transition of power, political risks, institutional uncertainty, gap in expectations, social mobilization, latent risks, comparative analysis.*

Введение

Центральная Азия переживает период фундаментальной трансформации, а её стратегическое положение и ресурсы делают регион объектом растущего интереса глобальных держав [1]. Способность управлять внутренними политическими рисками выступает критическим фактором устойчивости. А. Акаев в Кыргызстане, С. Ниязов в Туркменистане, а также Н. Назарбаев в Казахстане и И. Каримов в Узбекистане пришли к власти ещё в советский период, занимая высшие государственные должности в республиках. Э. Рахмон, в отличие от них, выдвинулся уже в постсоветский период (в 1992 г. стал председателем Верховного совета, а затем — президентом). Это наследие во многом предопределило формирование персоналистских режимов, патрональных сетей и гибридных институтов, которые стали основой для постсоветских транзитов.

Стандартные подходы к анализу политического риска, разработанные для стран с устоявшимися демократическими институтами [2;3], имеют ограниченную применимость в гибридных и авторитарных режимах постсоветского пространства. Они фокусируются на формальных параметрах, не учитывая ни специфики неформальных практик [4;5], ни латентных форм социального недовольства [6]. Кроме того, отсутствует системный сравнительный анализ того, как ключевые политические события — прежде всего транзиты власти — трансформируют конфигурацию рисков в разных странах региона. Существующие исследования фрагментарны: они либо рассматривают транзиты изолированно (например, только Казахстан или только Кыргызстан), либо анализируют риски без привязки к типу политической культуры. Настоящая статья стремится восполнить пробел, предлагая единую типологию, позволяющую сравнивать разнородные кейсы — от управляемого транзита до его отсутствия — в рамках одного концептуального аппарата.

Под политическим риском в данном исследовании понимается вероятность дестабилизации политической системы из-за дисбаланса между ожиданиями общества и способностью властей их удовлетворять. Этот дисбаланс реализуется в трёх формах: институциональная неопределённость (непредсказуемость правил), разрыв ожиданий (падение доверия) и социальная мобилизация – как открытые протесты, так и их латентные формы (миграция, теневая экономика, апатия).

Конфигурация политических рисков – это специфическое сочетание доминирующих типов риска, их латентных и открытых форм, а также механизмов реализации и управления, характерное для каждой модели транзита власти. Аналитическими признаками конфигурации выступают: (а) доминирующий тип риска, (б) степень его латентности / открытости, (в) механизмы реагирования власти и (г) последствия для устойчивости системы.

Обзор литературы

От классических подходов к реалиям Центральной Азии

Понятие политического риска прошло длительную исследовательскую эволюцию. Первоначально разработанное в экономической науке для оценки надежности инвестиций в различных странах, оно постепенно приобрело междисциплинарный характер. Классическое определение, предложенное в работах Хениш. У, Буссе, М. и Хефекер, К [2;3], связывает данную дефиницию с институциональной слабостью и непредсказуемостью политического курса. Чем менее стабильны «правила игры» и большая вероятность их произвольного изменения, тем выше уровень стохастичности системы (турбулентности процессов) и роста вызовов для экономических и политических акторов.

Однако в конце XX века под влиянием теорий модернизации произошёл концептуальный сдвиг. Немецкий социолог Ульрих Бек [7] определял общество риска как «систематический способ обращения с опасностями и неопределённостями, порождёнными модернизацией» (Бек, 2005, с. 28). Индустриальное и постиндустриальное развитие порождает новые, зачастую глобальные проблемы (экологические, технологические, социальные), которые не могут быть локализованы в рамках национальных государств. Э. Гидденс [8] развил эту идею, введя понятие «рефлексивной модерности»: в современных обществах индивиды и институты вынуждены постоянно рефлексиро-

вать по поводу различных опасностей, которые вынуждают пересматривать свои действия и ожидания. Это создаёт принципиально новую ситуацию, где риск разрыва ожиданий становится одной из ключевых характеристик политической динамики: население сравнивает декларируемые цели и реальные результаты, и это сравнение само становится источником нестабильности.

При всём богатстве научных подходов к данной теме, их прямое применение относительно к Центральной Азии сталкивается с ограничениями.

Стандартные модели, как правило, фокусируются на формальных институтах и не учитывают трёх важнейших особенностей региона: (а) доминирование неформальных практик, которые могут как компенсировать слабость формальных институтов, так и усиливать непредсказуемость; (б) специфику гибридных и авторитарных режимов, где открытые протесты подавляются, а недовольство принимает латентные формы; (в) культурную укоренённость многих практик, которые с точки зрения права расцениваются как коррупционная составляющая, но в понимании различных сообществ могут считаться формой взаимной поддержки и помощи.

Это требует дополнения к классическому инструментарию и основой для такого дополнения служит неоинституциональный подход, прежде всего в версии Д. Норта [9]. Он определяет институты в форме «правил игры» в обществе — созданные человеком ограничения, которые структурируют политическое, экономическое и социальное взаимодействие.

Критически важным является его различение формальных правил (включающих политические и юридические нормы, экономические правила и контракты) и неформальных ограничений (обычаи, традиции, кодексы поведения). Формальные и неформальные ограничения отличаются друг от друга только по степени проявления, образуя континуум от табу, обычаев и традиций на одном конце до писаных конституций — на другом.

Согласно его представлениям «неформальные ограничения… возникают из информации, передаваемой в рамках социального взаимодействия, и во многих культурах именно они являются основой институциональной структуры» (Норт, 1997, с. 47).

Для постсоветского пространства это различение имеет ключевое значение. Исследования А. Леденёвой [4] детально описывают систему неформальных практик, обозначаемую ею как sistema. Blat (использование связей для получения благ), «телефонное право», «круговая порука» — эти механизмы не просто дополняют формальные институты, а часто замещают их, создавая параллельную реальность, в которой решения принимаются на основе личной лояльности, а не закона. К. Коллинз (2009) на примере кланов в Центральной Азии показала, что «патронажные сети не являются пережитком, а составляют основной канал распределения ресурсов».

Важно подчеркнуть, что неформальность не следует рассматривать исключительно как «провал» государства или «пережиток» прошлого. Как убедительно демонстрирует А. Полезе [5], в постсоветских обществах неформальные практики часто выступают как «искусство обхода государства» (the art of bypassing the state) — способ адаптации населения к неэффективности или избыточному давлению формальных институтов. Это не всегда сопротивление, это способ выживания и решения повседневных проблем. Такая перспектива позволяет уйти от морализаторства и рассматривать неформальность как объективную данность, которую необходимо анализировать.

Синтезируя рассмотренные теоретические подходы, типологию, связывающую доминирующие типы политической культуры (понимаемой как устойчивые паттерны ориентаций и поведения) с характерными для них типами политических рисков. Эта типология носит аналитический характер: в реальности разные типы могут сосуществовать и переплетаться, но один, как правило, доминирует.

Таблица 1. Типология политической культуры и соответствующих типов риска

Тип политической культуры	Теоретическая опора	Доминирующий тип риска	Краткая характеристика
Адаптивно-патерналистская	Норт (неформальные институты), Коллинз (клановость), Леденёва (sistema)	Институциональная неопределённость	Правила игры ситуативны, зависят от воли патрона или баланса кланов. Для «своих» (инсайдеров) риск минимизирован через личную лояльность, для «чужих» (аутсайдеров) — максимален и непредсказуем. Формальные институты существуют, но реальное значение имеют неформальные договорённости.
Рефлексивно-скептическая	Бек (общество риска), Гидденс (рефлексивность)	Разрыв ожиданий	Возникает по мере модернизации, урбанизации, роста образования и доступа к информации. Население и элиты начинают рефлексировать по поводу действий власти, сравнивать обещания и реальность. Возникает устойчивое недоверие к институтам, ощущение, что «так жить нельзя», даже если формальных протестов нет. Это риск, внутренне присущий
Культура сетевой самоорганизации	Полезе (обход государства), Дж. Скотт	Социальная мобилизация и латентные риски	Горизонтальные связи (родственные, земляческие, профессиональные, цифровые) становятся основным способом решения проблем в обход или вместо государства. Работы Дж. Скотта об «оружии слабых» и «скрытых текстах» (hidden transcripts) позволяют понять, что недовольство в таких обществах накапливается в латентной форме — в виде сплетен, апатии, уклонения, миграции, теневой экономики. При определенных условиях (экономический кризис, внешний шок) этот «скрытый текст» может стать публичным и вылиться в открытую социальную мобилизацию.

Payitaht Abdülhamid (Великолепный Абдулхамид)	Противостояние Западу, защита исламского мира	Борьба с британскими и французскими агентами; защита Палестины	Турция как защитник мусульман, критика западного давления, антиколониальный дискурс

Составлено автором на основе анализа кейсов.

Ключевым дополнением к этой типологии является концепция латентных рисков. Опираясь на Дж.Скотта и А.Полезе [6;5], мы предполагаем, что отсутствие открытых протестов не является свидетельством политической стабильности. В авторитарных и гибридных режимах недовольство принимает скрытые формы: массовая трудовая миграция (уход от проблем, а не поиск их решения), уход в теневую экономику, социальная апатия и абсентеизм, падение доверия к любым социальным и политическим институтам (фиксируемое социологическими опросами). Эти латентные риски не менее важны, чем открытые конфликты, поскольку они подрывают долгосрочную способность системы к воспроизводству и делают её уязвимой к внезапным потрясениям.

Методология

Для систематического сравнения пяти стран Центральной Азии в работе применяется метод структурированного сравнительного описания (structured, focused comparison). Данный подход, разработанный американским политологом А.Джорджем, предназначен для качественного анализа ограниченного числа случаев и предполагает постановку единого набора стандартизированных вопросов к каждому из них, что позволяет получить сопоставимые данные и сделать обоснованные обобщения [11]. Анализ каждого странового кейса осуществляется с помощью единой исследовательской матрицы. Ее ключевыми элементами являются: источник (какое событие спровоцировало реализацию риска), субъекты (кто оказался в зоне поражения), механизм (как именно проявился риск), стратегии управления (какие меры предприняла власть) и последствия для политической системы.

Отбор пяти кейсов (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан и Таджикистан) произведен по принципу максимального разнообразия моделей транзита власти, представленных в регионе. Сравнение проводится по следующим параметрам: характер транзита, доминирующий тип политического риска, индикаторы его проявления и стратегии реагирования власти.

Эмпирическую базу составили академические публикации, доклады международных организаций (International Crisis Group, IOM), данные социологических опросов и медиа-отчёты. Ограничения связаны с неравномерной доступностью данных по Туркменистану и Таджикистану, а также с качественным характером анализа, не предполагающим количественного измерения рисков.

Страновые кейсы

Для систематизации результатов сравнительного анализа предлагается концептуальная модель взаимосвязи типов транзита власти и конфигу-

раций политических рисков (рис. 1). Регион демонстрирует широкий спектр моделей транзита: от управляемого в Казахстане (2019 г.) и элитного консенсуса в Узбекистане (2016 г.) до революционного в Кыргызстане (2010 г.) и закрытого (династического) в Туркменистане (2006 г.). Таджикистан, где смена верховной власти отсутствует с 1994 года, согласно концепции, ведёт к накоплению латентных рисков, проявившихся, в частности, в приграничных конфликтах 2021–2022 гг. В Казахстане после управляемого транзита последовал посттранзитный кризис января 2022 г., ставший реализацией риска социальной мобилизации.

Следует учитывать, что политическая история стран Центральной Азии включает несколько транзитов. В Кыргызстане власть менялась в 2005, 2010 и 2020 годах; в Таджикистане смена руководства происходила в 1991 и 1992 годах, затем последовала гражданская война (1992–1997), а с ноября 1994 года установлено президентское правление; в Туркменистане транзиты имели место в 2006 и 2022 годах. В каждом из указанных периодов имелись специфические причины и формы транзита власти. Настоящий анализ фокусируется на наиболее репрезентативных для сравнительного исследования транзитах (2010 г. в Кыргызстане, 2006 г. в Туркменистане, 2019 г. в Казахстане, 2016 г. в Узбекистане, а также на отсутствии транзита в Таджикистане), что позволяет провести корректное сравнение в рамках единой типологии.

Рисунок 1. Типы транзита власти и конфигурации политических рисков в странах Центральной Азии

Источник: составлено автором

Современный *Казахстан* характеризуется сочетанием адаптивно-патерналистских и рефлексивно-скептических черт. Длительное правление Н. Назарбаева сформировало устойчивые патронажные сети и неформальные механизмы принятия решений [10; 17]. Однако либерализация экономических отношений, а также урбанизация, рост образованного слоя и развитие цифровых коммуникаций способствовали распространению

рефлексивно-скептической культуры, особенно среди молодёжи и жителей крупных городов [18].

19 марта 2019 года Н. Назарбаев объявил о досрочном сложении полномочий, и пост президента занял К-Ж. Токаев [19]. Это был первый в истории независимого Казахстана транзит верховной власти, прошедший формально конституционно и без открытых конфликтов. Однако первый президент сохранил за собой пожизненное руководство Советом безопасности и статус «Елбасы», что создало конфигурацию «двоевластия» между Акордой (резиденцией действующего президента) и администрацией первого президента (в публичном дискурсе часто обозначаемой как «Библиотека») [16].

Доминирующим риском в этот период стал риск разрыва ожиданий. Население, особенно активная его часть, ожидало от нового президента реальных политических реформ, смены стиля управления и борьбы с коррупцией. Однако первые два года президентства К-Ж. Токаева были отмечены осторожной политикой, сохранением влияния старой элиты и отсутствием системных изменений [20]. Социологические опросы фиксировали снижение доверия к государственным институтам и нарастание социальной напряжённости [21].

Кульминацией накопленных рисков стали события января 2022 года. Протесты, начавшиеся в Жанаозене из-за повышения цен на сжиженный газ, быстро распространились на другие регионы и приобрели политический характер. Важно подчеркнуть, что эти протесты были не столько первопричиной, сколько триггером глубинного конфликта, вызванного борьбой элит и накопившимся социальным недовольством. Форма социальной мобилизации в Казахстане носила преимущественно стихийный характер и отличалась от классических примеров сетевой самоорганизации (таких, как движение «жёлтых жилетов» во Франции или «Революция поколения Z» в Непале). Власти ввели чрезвычайное положение и обратились за помощью к ОДКБ [22]. Это был момент реализации риска социальной мобилизации, когда латентное недовольство перешло в открытые протесты [23].

Стратегии управления риском на первом этапе (2019–2021) характеризовались инерционностью и стремлением сохранить статус-кво. После кризиса 2022 года власти перешли к активным действиям: проведены две конституционные реформы (июнь 2022 г.), перераспределение полномочий, ротация элит и заявленный курс на «Новый Казахстан» [24]. (Последующие изменения законодательства в 2024 г. не носили конституционного характера; вторая конституционная реформа состоялась на референдуме 15 марта 2026 года, который привёл к принятию обновлённого на 84% текста Основного закона, однако данный этап выходит за хронологические рамки настоящего анализа.)

С точки зрения предложенной типологии, казахстанский кейс демонстрирует трансформацию доминирующего риска: адаптивно-патерналистская культура, заданная эпохой Назарбаева, при управляемом транзите столкнулась с рефлексивно-скептическими ожиданиями общества, что и привело к реализации риска социальной мобилизации в январе 2022 г. Последующие реформы — попытка институционально закрепить новый баланс.

Как отмечает американская исследовательница Кэтлин Коллинз, *Узбекистан* долгое время определялся жёстким авторитарным правлением

И. Каримова, опиравшимся на силовые структуры и региональные кланы [10]. Неформальные практики, включая клановую лояльность и теневые экономические связи, играли ключевую роль в функционировании системы [27].

Централизация власти в Узбекистане в 1990–2000-х годах была во многом обусловлена внешними и внутренними вызовами: гражданская война в Таджикистане (1992–1997), конфликт в Афганистане, обострение внутриполитической борьбы за власть, рост религиозного экстремизма, усиление влияния радикальной оппозиции, террористические акты в Ташкенте (1999), события в Баку (1999–2000 гг.), а также Андижанские события (2005 г.). Эти факторы привели к ужесточению вертикали власти и формированию закрытой политической системы, минимизировавшей публичные риски за счёт подавления любых форм оппозиционной активности.

Смерть И. Каримова 2 сентября 2016 года создала ситуацию неопределённости. Власть была передана Ш. Мирзиёеву, который на тот момент занимал пост премьер-министра. Процесс транзита был организован элитами в короткие сроки, без публичной борьбы, что позволяет характеризовать его как «элитный консенсус» [28]. Внеочередные президентские выборы 4 декабря 2016 года формально подтвердили легитимность нового лидера [29].

Доминирующим риском на этапе транзита стал *риск институциональной неопределённости*, связанный с непредсказуемостью поведения новой власти по отношению к бизнесу и элитам [2]. Однако Мирзиёев достаточно быстро продемонстрировал намерение проводить реформы: либерализация валютного рынка, открытость для иностранных инвесторов, смягчение визового режима, реабилитация некоторых политзаключённых [30]. Это породило мощный *риск разрыва ожиданий:* общество и внешние партнёры ждали быстрых перемен, тогда как инерция старой системы сохранялась [7;8].

Стратегии управления рисками в Узбекистане можно охарактеризовать как «контролируемую либерализацию». Власть пошла на открытость в экономике и внешней политике, но сохранила авторитарный каркас и жёсткий контроль над политической сферой [31]. Неформальные практики, такие как клановые договорённости и патронаж, продолжают играть важную роль в распределении ресурсов [32].

С точки зрения предложенной типологии, узбекский кейс демонстрирует специфику реформенного транзита: доминирующий риск институциональной неопределённости был снижен за счёт быстрых сигналов о реформах, однако риск разрыва ожиданий сохраняется из-за инерции неформальных клановых практик и ограниченности политической либерализации. Таким образом, «элитный консенсус» позволил избежать острой дестабилизации, но не устранил латентные риски, связанные с неполнотой институциональной трансформации.

Кыргызстан отличается высокой степенью сетевой самоорганизации и слабостью формальных институтов [5]. Клановые, региональные и семейно-родственные связи исторически определяют политическую динамику [10]. Кыргызстан выделяется в регионе высокой частотой смены власти: после обретения независимости здесь произошли революции 2005, 2010 и 2020 годах. Каждый из этих эпизодов имел свою специфику. Свержение А. Акаева (2005)

происходило в волну «цветных революций» на постсоветском пространстве. Смещение К. Бакиева (2010) было обусловлено не только внутренними причинами, но и внешним фактором – спором вокруг американской авиабазы «Манас», где российский фактор сыграл немаловажную роль. Приход С. Жапарова (2020) произошёл на фоне острого политического и социального кризиса, усиленного карантинными ограничениями прежнего правительства.

Для целей настоящего сравнительного анализа автор фокусируется на событиях 2010 года, поскольку этот транзит наиболее репрезентативен для оценки долгосрочных последствий революционной модели смены власти, характерной для Кыргызстана, и позволяет провести корректное сравнение с единичными транзитами в других странах региона. При этом специфика других транзитов (2005 и 2020 гг.) не рассматривается детально, но учитывается как контекст.

7 апреля 2010 года в результате массовых протестов был свергнут президент К. Бакиев. Непосредственной причиной послужило резкое повышение тарифов на электроэнергию и недовольство коррупцией, но глубинные факторы включали концентрацию власти, маргинализацию оппозиции и экономический кризис 2007–2008 годов [33; 34]. Власть перешла к временному правительству во главе с Р. Отунбаевой.

Доминирующим риском в этом кейсе стала социальная мобилизация, принявшая форму революции. Сетевая культура позволила быстро координировать протестные действия, а слабость силовых структур не позволила удержать режим. После свержения Бакиева страна столкнулась с новыми рисками: межэтнические столкновения на юге (июнь 2010), вакуум власти, экономический спад [35].

Стратегии управления рисками со стороны временного правительства включали принятие новой конституции (июнь 2010), переход к парламентской форме правления и проведение досрочных выборов [36]. Эти меры были направлены на институционализацию политического процесса и предотвращение повторения авторитарного сценария. Однако неформальные практики (подкуп, клановые договорённости) сохранились, что привело к циклическому воспроизводству нестабильности (последующие кризисы 2020 года).

Туркменистан представляет собой крайний вариант адаптивно-патерналистской модели с элементами культа личности и тотальной закрытостью [38]. При С. Ниязове (1991–2006) были демонтированы все формальные институты, способные ограничить власть президента; реальное управление осуществлялось через узкий круг приближённых и силовые структуры [4].

Жёсткая централизация власти в Туркменистане в 1990-е годы имела также экономические причины: низкая диверсификация экономики страны, отказ российского «Газпрома» под управлением Р. Вяхирева от закупок туркменского газа, ежегодное падение ВВП (до 15%) и введение чрезвычайных мер правительством С. Ниязова. Эти факторы способствовали консервации авторитарной модели управления как средства выживания в условиях внешнего давления и внутреннего кризиса.

21 декабря 2006 года было объявлено о смерти С. Ниязова. Информация о его кончине скрывалась несколько часов; в столицу были стянуты войска,

усилена охрана тюрем, где содержались оппозиционеры [39]. Власть перешла к Г. Бердымухамедову, занимавшему пост министра здравоохранения, что было представлено как воля народа на внеочередных выборах (февраль 2007). Этот транзит можно охарактеризовать как «закрытый»: он был осуществлён узкой элитной группой без какого-либо участия общества и при полном контроле информации [38].

Доминирующим риском для внешних акторов стала институциональная неопределённость [2]: полная непрозрачность правил игры, невозможность прогнозировать решения власти, отсутствие защиты контрактов. Внутри страны риск был подавлен тотальным контролем, но приобрёл латентные формы.

Стратегии управления рисками со стороны нового руководства свелись к сохранению закрытости и усилению репрессивного аппарата. Экономические проблемы, включая падение цен на газ и девальвацию маната в 2014–2015 годах, не становились предметом открытого обсуждения или системных реформ. В условиях отсутствия легальных каналов выражения недовольства население реагировало характерными для авторитарных режимов латентными формами: социальной апатией, уходом в теневую экономику и нелегальной миграцией. Эти практики стали для граждан основным способом адаптации к нарастающим рискам.

Политическая культура *Таджикистана* сформировалась в условиях постконфликтного авторитаризма. После гражданской войны 1992–1997 годов власть консолидировалась вокруг Э. Рахмона, опирающегося на клан из Куляба и силовые структуры [40]. Как отмечает К. Коллинз, неформальные практики патронажа и клановой лояльности являются основой политической системы [10]. Формальные институты слабы и подчинены интересам правящей группы.

Накопление рисков в Таджикистане связано не только с отсутствием транзита, но и с рядом внутренних факторов. Среди них: высокая зависимость бюджета от денежных переводов мигрантов (до 30–40% ВВП), слабость государственных институтов на местах, нерешённые пограничные споры с соседями, а также отсутствие легальных механизмов мирной передачи власти. Эти обстоятельства усиливают институциональную неопределённость и делают систему уязвимой даже при отсутствии открытых протестов.

В отличие от других стран региона, в Таджикистане не было транзита верховной власти с 1994 года. Конституционные изменения (2003, 2016) позволили Э. Рахмону оставаться у власти неограниченное время, создав предпосылки для семейного наследования [40]. Отсутствие смены власти само по себе стало источником накопления рисков, которые долгое время остаются латентными.

Доминирующим риском в Таджикистане является институциональная неопределённость, усиленная слабостью государства на местах. Аналитики International Crisis Group ещё за несколько лет до событий 2021–2022 годов предупреждали, что растущая хрупкость государства, подрываемого коррупцией, экономическими трудностями и репрессивной политикой, создаёт угрозу стабильности всего региона [41].

Ярким проявлением этих накопленных рисков стали приграничные конфликты с Кыргызстаном в апреле 2021 и сентябре 2022 годов. В ходе вооружённых столкновений погибли десятки человек с обеих сторон, была повреждена инфраструктура. Эти события обнажили неспособность центра управлять периферией, слабость армии и милитаризацию риторики как способ компенсировать внутреннюю нелегитимность.

С точки зрения предложенной типологии, Таджикистан представляет собой случай «законсервированного» режима, где отсутствие транзита не гарантирует стабильности, а напротив, ведёт к накоплению латентных рисков. Приграничные конфликты демонстрируют, что эти риски могут реализоваться в неожиданных формах, не связанных напрямую с транзитом власти.

Стратегии управления рисками со стороны властей включают: опору на силовые структуры, периодические репрессии против реальной и мнимой оппозиции, использование внешней угрозы для консолидации населения [40]. Экономическая политика направлена на получение внешней помощи (от России, Китая, международных организаций) и поддержание статус-кво за счёт денежных переводов мигрантов [42].

Сравнительный анализ

Для обеспечения прозрачности анализа в Таблице 2 представлена операционализация ключевых понятий: для каждой страны указаны доминирующие типы риска, конкретные индикаторы их проявления и используемые источники данных. Это позволяет проследить, как теоретическая типология была применена к эмпирическому материалу.

Таблица 2. Операционализация политических рисков в страновых кейсах

Страна/ тип транзита	Доминирующий тип риска	Индикаторы/ прокси-показатели	Источники данных
Казахстан/ управляемый	Разрыв ожиданий → социальная мобилизация (институциональная неопределенность)	Падение доверия к институтам (опросы), протестная активность, данные о митингах (2022)	Соцопросы [21], экспертные оценки [18], новостные сводки [22]
Узбекистан/ реформенный	Институциональная неопределённость + риск ожиданий (элитная перестройка)	Противоречия между реформами и практикой, сохранение неформальных клановых механизмов	Экспертные доклады [30], анализ законодательства, отчёты по правам человека
Кыргызстан/ революционный	Социальная мобилизация	Циклическая смена власти, межэтнические столкновения, слабость институтов	Академические исследования [33; 34], доклады Crisis Group [35]
Туркменистан/ династический	Институциональная неопределённость (латентная), институциональная закрытость	Закрытость информации, отсутствие реформ, нелегальная миграция, теневая экономика	Медиа-отчёты [39], экспертные оценки [38], данные международных организаций

Таджикистан/ персоналистский	Институциональная неопределённость (зависимость от лидера)	Приграничные конфликты, зависимость от миграции, слабость армии	Доклады Crisis Group [41], данные МОМ по миграции [42], экспертные оценки [40]

Составлено автором на основе анализа кейсов и теоретической модели.

Применение единой сравнительной матрицы ко всем пяти кейсам позволяет увидеть, как в каждой стране конфигурация рисков определяется моделью транзита. В Казахстане источник риска – управляемый транзит с двоевластием, механизм – разрыв ожиданий, перешедший в социальную мобилизацию, стратегия – инерция, затем конституционные реформы. В Узбекистане (элитный консенсус) доминирующий риск – институциональная неопределённость, сниженная быстрыми сигналами о реформах, но сохраняется риск разрыва ожиданий. В Кыргызстане (революционный транзит) риск социальной мобилизации реализуется мгновенно, но институциональная неопределённость остаётся постоянным фоном. В Туркменистане (закрытый транзит) институциональная неопределённость подавлена тотальным контролем, но перешла в латентные формы. В Таджикистане (отсутствие транзита) накопление латентных рисков привело к неожиданной реализации в виде приграничных конфликтов.

Сравнение кейсов показывает не только различия, но и общий паттерн: во всех странах, кроме Кыргызстана, элиты стремятся контролировать транзит, чтобы минимизировать риски для себя. Однако цена этого контроля — перенос рисков в латентную плоскость (миграция, теневая экономика, апатия), которая в долгосрочной перспективе делает систему более хрупкой. Революционный транзит в Кыргызстане, напротив, мгновенно реализует риск социальной мобилизации, но оставляет институциональную неопределённость как постоянный фон.

Проведённый сравнительный анализ позволяет выделить типологию политических транзитов в странах Центральной Азии, основанную на характере взаимодействия политических институтов, элит и общества. Предложенная типология включает пять моделей транзита: управляемую, революционную, реформенную, персоналистскую и династическую. Каждая из этих моделей формирует специфическую конфигурацию политических рисков, влияющих на устойчивость политической системы и предсказуемость политического развития. Таким образом, политические риски в странах Центральной Азии обусловлены не только институциональными особенностями, но и характером транзита власти.

Проведённый сравнительный анализ позволяет интерпретировать выявленные закономерности в более широком теоретическом контексте.

Связь типа культуры и конфигурации рисков. Полученные данные свидетельствуют о том, что доминирующий тип политической культуры коррелирует с тем, какой риск становится центральным. В Казахстане развитая рефлексивно-скептическая культура сделала ключевым риск разрыва ожиданий, реализовавшийся в открытой социальной мобилизации января 2022 г. В Узбекистане и Туркменистане адаптивно-патерналистская культура обусловливает доминирование риска институциональной неопределённости, однако

стратегии управления им диаметрально противоположны: Узбекистан выбрал контролируемую открытость, Туркменистан — тотальную закрытость. В Кыргызстане культура сетевой самоорганизации, воспроизводит циклическую социальную мобилизацию как основной способ смены власти. Эти наблюдения согласуются с выводами Норта [9] о роли неформальных институтов и Коллинз [10] о клановой природе политики в регионе.

Значимость латентных форм риска. Все кейсы демонстрируют, что отсутствие открытых протестов (Туркменистан, Таджикистан) или их подавление (Казахстан после января 2022 г.) не означают отсутствия риска. Глубинные процессы — эрозия доверия, уход в теневую экономику, рост миграции — продолжают подрывать долгосрочную устойчивость систем. Это говорит в пользу правомерности расширения понятия политического риска за счёт латентных индикаторов, предложенного в теоретической рамке [5;6].

Разрыв между формальным и реальным. Общей для всех стран региона остаётся высокая роль неформальных отношений (клановых, патронажных, теневых). Этот разрыв, как показано Леденёвой [4] и Нортом [9], сам по себе может выступать генератором неопределённости, делая поведение акторов непредсказуемым для внешних наблюдателей и инвесторов.

Отсутствие транзита как фактор накопления рисков. Кейс Таджикистана контрастно демонстрирует, что консервация режима без смены власти не гарантирует стабильности. Напротив, происходит накопление рисков, которые могут реализоваться в самых неожиданных формах — от приграничных конфликтов до элитного раскола. Это ставит под сомнение устойчивость систем с «законсервированным» транзитом в долгосрочной перспективе [7].

Таким образом, предложенная типология позволяет не только описать различия между странами, но и выявить общие закономерности: регион предстаёт не как однородное пространство, а как совокупность разнородных, но связанных общим институциональным наследием политических систем, каждая из которых по-своему перерабатывает вызовы транзитов и накопленных рисков.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило выдвинутую гипотезу: различные модели транзита власти в Центральной Азии порождают различные конфигурации политических рисков, а отсутствие транзита ведёт к их накоплению. Разработанная типология, увязывающая типы политической культуры (адаптивно-патерналистская, рефлексивно-скептическая, сетевая самоорганизация) с типами рисков (институциональная неопределённость, разрыв ожиданий, социальная мобилизация), показала свою объяснительную силу на материале пяти страновых кейсов.

Теоретическая значимость исследования заключается в интеграции концепций «общества риска» [7], рефлексивной модерности [8], неоинституционализма и теорий неформальных практик для анализа постсоветских транзитных обществ. Введение понятия «латентные политические риски» (массовая миграция, теневая экономика, социальная апатия) расширяет аналитический инструментарий политической рискологии.

Практическая значимость состоит в возможности применения предложенной модели для диагностики политических рисков. Подход позволяет выявлять не только очевидные угрозы, но и «тихие» сигналы — динамику миграции, со-

стояние теневой экономики, уровень доверия к институтам, — которые могут быть более точными индикаторами долгосрочной устойчивости.

Ограничения исследования связаны с авторским выбором кейсов, неравномерной доступностью данных по странам (особенно по Туркменистану и Таджикистану) и качественным характером модели, требующим дальнейшей операционализации.

Перспективы дальнейших исследований включают: расширение сравнительной базы (андижанские события 2005 г., революция 2020 г. в Кыргызстане); разработку количественных индикаторов латентных рисков; сравнение стран Центральной Азии с другими постсоветскими государствами; анализ влияния внешнего фактора на формирование рисков.

Таким образом, политические риски в Центральной Азии представляют собой многомерный феномен, не сводимый к формальным институциональным характеристикам. Понимание его динамики требует учёта культурной специфики, неформальных практик и латентных процессов, что и было продемонстрировано в настоящем исследовании.

Финансирование. *Комитет науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, BR27195711 «Социально-политические процессы в Казахстане (1980-2020): опыт демократизации и становление Справедливого государства»*

Список литературы:

1. Kromková, J. and Čech, Ľ. Quo Vadis, Central Asia? A Search for Sovereignty Amid Global Power Shifts // Studia Politica. Romanian Political Science Review. – 2025. – Vol. 25, No. 2.
2. Henisz, W.J. Political institutions and policy volatility // Economics and Politics. – 2004. – Vol. 16, No. 1. – P. 1–27.
3. Busse, M. and Hefeker, C. Political risk, institutions and foreign direct investment // European Journal of Political Economy. – 2007. – Vol. 23, No. 2. – P. 397–415.
4. Ledeneva, A.V. Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013.
5. Polese, A. What is informality? Mapping "the art of bypassing the state" in Eurasian spaces – and beyond // Eurasian Geography and Economics. – 2023. – Vol. 62, No. 4. – P. 455–474.
6. Scott, J.C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. – New Haven : Yale University Press, 1985.
7. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек ; пер. с нем. – Москва : Академический проект, 2005. – 380 с.
8. Giddens, A. The Consequences of Modernity. – Cambridge : Polity Press, 1990.
9. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт ; пер. с англ. – Москва : Начала, 1997. – 180 с.
10. Collins, K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009.
11. George, A.L. Case Studies and Theory Development: The Method of Structured, Focused Comparison // Alexander L. George: A Pioneer in Political and Social Sciences / ed. by D. Caldwell. – Cham: Springer, 2019. – P. 191–214. – (Pioneers in Arts, Humanities, Science, Engineering, Practice; vol. 15).
12. George, A.L., Smoke, R. Deterrence in American Foreign Policy: Theory and

Practice New York: Columbia University Press, 1974. – 666 p.
13. Mahoney, J. Structured, Focused Comparison // Encyclopedia of Case Study Research: in 2 vols. / ed. by A.J. Mills, G. Durepos, E. Wiebe. - Thousand Oaks, CA: Sage, 2010. - Vol. 2. - P. 891-893.
14. Walt, S.M. The Origins of Alliances. – Ithaca: Cornell University Press, 1987. – 321 p. – (Cornell Studies in Security Affairs).
15. Bennett, A. Condemned to Repetition? The Rise, Fall, and Reprise of Soviet-Russian Military Interventionism, 1973–1996. - Cambridge, MA: MIT Press, 1999. – 387 p. – (Belfer Center Studies in International Security).
16. Caron, J-F. (ed.) Understanding Kazakhstan's 2019 Political Transition. – Palgrave Macmillan, 2021. – (The Steppe and Beyond: Studies on Central Asia).
17. Satpayev, D. and Umbetaliyeva, T. The protests in Zhanaozen and the Kazakh oil sector: conflicting interests in a rentier state // Journal of Eurasian Studies. – 2015. – Vol. 6, No. 2. – P. 123–134.
18. Tukumov, Y.V. President Tokayev's reforms and diplomacy (from risks to new opportunities and resilience for Kazakhstan) // World Economy and International Relations. – 2024. – Vol. 68, No. 5. – P. 91–105.
19. Назарбаев, Н.А. Обращение Главы государства Нурсултана Назарбаева к народу Казахстана // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 2019. – 19 марта.
20. Khamitov, Z., Knox, C. and Junusbekova, G. Corruption, public procurement and political instability in Kazakhstan // Central Asian Survey. – 2023. – Vol. 42, No. 2. – P. 345–365.
21. Petrenko, E., Iskakov, N., Metsyk, O. and Khassanova, T. Ecosystem of entrepreneurship: risks related to loss of trust in stability of economic environment in Kazakhstan // Entrepreneurship and Sustainability Issues. – 2017. – Vol. 5, No. 1. – P. 102–118.
22. ОДКБ. Оборонные ведомства обсудили обстановку в Казахстане и действия Коллективных миротворческих сил ОДКБ // Организация Договора о коллективной безопасности. – 2022. – 9 января. https://odkb-csto.org/news/news_odkb/oboronnye-vedomstva-obsudili-obstanovku-v-kazakhstane-i-deystviya-kollektivnykh-mirotvorcheskikh-sil/
23. Scott, J.C. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. – New Haven : Yale University Press, 1990.
24. Токаев, К.К. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана: Новый Казахстан: путь обновления и модернизации, 16 марта 2022 года // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 2022. – 16 марта.
25. ЕАБР. Investing in the Future: Projects of International Financial Institutions in Eurasia. – Евразийский банк развития, 2025. https://eabr.org/en/analytics/special-reports/investing-in-the-future-projects-of-international-financial-organizations-in-eurasia/
26. Fukuyama, F. Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 2014.
27. Ikhamov, A. Neopatrimonialism, factionalism and patronage in post-Soviet Uzbekistan // Neopatrimonialism in Africa and Beyond / ed. by D.C. Bach and M. Gazibo. – London : Routledge, 2013. – P. 186–201.
28. Vilson, M. Presidential election in Uzbekistan. First after Islam Karimov // Baltic Worlds : scholarly journal. – Centre for Baltic and East European Studies, Södertörn University, 2016. – 14 December. https://balticworlds.com/presidential-election-in-uzbekistan/
29. Центральная избирательная комиссия Республики Узбекистан. Оглашены итоги выборов Президента Узбекистана // Официальный веб-сайт Президента Республики Узбекистан. – 2016. – 9 декабря. https://president.uz/ru/lists/view/76
30. International Crisis Group. Uzbekistan: In Transition Europe and Central Asia Briefing No. 82. – [Brussels] : International Crisis Group, 2016. – 29 Septem-

ber. – https://www.crisisgroup.org/brf/europe-central-asia/uzbekistan/b082-uzbekistan-transition
31. Urinboyev, R. and Doğan, E. Navigating the legal uncertainty and informality in authoritarian regimes: legal culture, governance and business environment in Uzbekistan // Central Asian Affairs. – 2023. – Vol. 10, No. 2. – P. 145–172.
32. Cooley, A. and Sharman, J.C. Blurring the line between licit and illicit: transnational corruption networks in Central Asia and beyond // Central Asian Survey. – 2015. – Vol. 34, No. 1. – P. 11–28.
33. Темишев, К.Б. Просчеты во внешней политике Кыргызстана как факторы Апрельской революции 2010 года // Вестник КРСУ. – 2019. – Том 19, № 6. – С. 25–29.
34. Gullette, D. Institutionalized instability: Factors Leading to the April 2010 Uprising in Kyrgyzstan // Academia.edu. - 2010. – 30 November. - https://www.academia.edu/379904/Institutionalized_instability_Factors_Leading_to_the_April_2010_Uprising_in_Kyrgyzstan
35. International Crisis Group. Kyrgyzstan: A Hollow Regime Collapses: Asia Briefing No. 102. – [Bishkek ; Brussels] : International Crisis Group, 2010. – 27 April. – 19 p. - https://www.crisisgroup.org/sites/default/files/b102-kyrgyzstan-a-hollow-regime-collapses.pdf
36. Nichol, J. The April 2010 coup in Kyrgyzstan: context and implications for U.S. interests // Eastern and Central Europe: Politics and Economics. – New York : Nova Science Publishers, 2012. – P. 89–114.
37. Doolot, A. and Heathershaw, J. State as resource, mediator and performer: understanding the local and global politics of gold mining in Kyrgyzstan // Central Asian Survey. – 2015. – Vol. 34, No. 1. – P. 93–108.
38. Anceschi, L. Reinforcing authoritarianism through media control: the case of post-Soviet Turkmenistan // After the Czars and Commissars: Journalism in Authoritarian Post-Soviet Central Asia / ed. by E. Freedman and R. Shafer. – East Lansing : Michigan State University Press, 2011. – P. 123–145.
39. Волков, В., Сарыев, О. В Туркмении введены строжайшие меры безопасности // Deutsche Welle. – 2006. – 21 декабря. https://www.dw.com/ru/в-туркмении-введены-строжайшие-меры-безопасности/a-2287612
40. Lemon, E. The Political System of Tajikistan // Central Asia in a Multipolar World / ed. by J. Lempp, S. Mayer. – Cham : Springer, 2024. – (Contributions to Political Science).
41. International Crisis Group. Tajikistan: Early Warning – Internal Pressures, External Threats: Europe and Central Asia Briefing No. 78. – [Brussels] : International Crisis Group, 2016. – 11 January. – 19 p. – https://www.crisisgroup.org/brf/europe-central-asia/tajikistan/b078-tajikistan-early-warning-internal-pressures-external-threats
42. МОМ. Доклад о миграции в Таджикистане / Международная организация по миграции. – 2023.

References:

1. Kromková, J. and Čech, Ľ. Quo Vadis, Central Asia? A Search for Sovereignty Amid Global Power Shifts // Studia Politica. Romanian Political Science Review. – 2025. – Vol. 25, No. 2.
2. Henisz, W.J. Political institutions and policy volatility // Economics and Politics. – 2004. – Vol. 16, No. 1. – P. 1–27.
3. Busse, M. and Hefeker, C. Political risk, institutions and foreign direct investment // European Journal of Political Economy. – 2007. – Vol. 23, No. 2. – P. 397–415.
4. Ledeneva, A.V. Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013.
5. Polese, A. What is informality? Mapping "the art of bypassing the state" in Eur-

asian spaces – and beyond // Eurasian Geography and Economics. – 2023. – Vol. 62, No. 4. – P. 455–474.
6. Scott, J.C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. – New Haven : Yale University Press, 1985.
7. Bek, U. Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk Society: Towards a Different Contemporary] / U. Bek ; per. s nem. – Moskva : Akademicheskij proekt, 2005. – 380 s.
8. Giddens, A. The Consequences of Modernity. – Cambridge : Polity Press, 1990.
9. Nort, D. Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki / D. Nort ; per. s angl. – Moskva : Nachala, 1997. – 180 s.
10. Collins, K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009.
11. George, A.L. Case Studies and Theory Development: The Method of Structured, Focused Comparison // Alexander L. George: A Pioneer in Political and Social Sciences / ed. by D. Caldwell. – Cham: Springer, 2019. – P. 191–214. – (Pioneers in Arts, Humanities, Science, Engineering, Practice; vol. 15).
12. George, A.L., Smoke, R. Deterrence in American Foreign Policy: Theory and Practice New York: Columbia University Press, 1974. – 666 p.
13. Mahoney, J. Structured, Focused Comparison // Encyclopedia of Case Study Research: in 2 vols. / ed. by A.J. Mills, G. Durepos, E. Wiebe. - Thousand Oaks, CA : Sage, 2010. - Vol. 2. - P. 891-893.
14. Walt, S.M. The Origins of Alliances. – Ithaca: Cornell University Press, 1987. – 321 p. – (Cornell Studies in Security Affairs).
15. Bennett, A. Condemned to Repetition? The Rise, Fall, and Reprise of Soviet-Russian Military Interventionism, 1973–1996. - Cambridge, MA : MIT Press, 1999. – 387 p. – (Belfer Center Studies in International Security).
16. Caron, J-F. (ed.) Understanding Kazakhstan's 2019 Political Transition. – Palgrave Macmillan, 2021. – (The Steppe and Beyond: Studies on Central Asia).
17. Satpayev, D. and Umbetaliyeva, T. The protests in Zhanaozen and the Kazakh oil sector: conflicting interests in a rentier state // Journal of Eurasian Studies. – 2015. – Vol. 6, No. 2. – P. 123–134.
18. Tukumov, Y.V. President Tokayev's reforms and diplomacy (from risks to new opportunities and resilience for Kazakhstan) // World Economy and International Relations. – 2024. – Vol. 68, No. 5. – P. 91–105.
19. Nazarbaev, N.A. Obrashhenie Glavy gosudarstva Nursultana Nazarbaeva k narodu Kazahstana [Address by the Head of State Nursultan Nazarbayev to the people of Kazakhstan] // Oficial'nyj sajt Prezidenta Respubliki Kazahstan. – 2019. – 19 marta.
20. Khamitov, Z., Knox, C. and Junusbekova, G. Corruption, public procurement and political instability in Kazakhstan // Central Asian Survey. – 2023. – Vol. 42, No. 2. – P. 345–365.
21. Petrenko, E., Iskakov, N., Metsyk, O. and Khassanova, T. Ecosystem of entrepreneurship: risks related to loss of trust in stability of economic environment in Kazakhstan // Entrepreneurship and Sustainability Issues. – 2017. – Vol. 5, No. 1. – P. 102–118.
22. ODKB. Oboronnye vedomstva obsudili obstanovku v Kazahstane i dejstvija Kollektivnyh mirotvorcheskih sil ODKB [Defense ministries discussed the situation in Kazakhstan and the actions of the CSTO Collective Peacekeeping Forces] // Organizacija Dogovora o kollektivnoj bezopasnosti. – 2022. – 9 janvarja. https://odkb-csto.org/news/news_odkb/oboronnye-vedomstva-obsudili-obstanovku-v-kazakhstane-i-deystviya-kollektivnykh-mirotvorcheskikh-sil/
23. Scott, J.C. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. – New Haven : Yale University Press, 1990.
24. Tokaev, K.K. Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazahstana: Novyj Kazahstan: put' obnovlenija i modernizacii [Address by the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan: New Kazakhstan: the path of renewal and modernization], 16 marta 2022 goda //

Oficial'nyj sajt Prezidenta Respubliki Kazahstan. – 2022. – 16 marta.
25. EABR. Investing in the Future: Projects of International Financial Institutions in Eurasia. – Evrazijskij bank razvitija, 2025. https://eabr.org/en/analytics/special-reports/investing-in-the-future-projects-of-international-financial-organizations-in-eurasia/
26. Fukuyama, F. Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 2014.
27. Ikhamov, A. Neopatrimonialism, factionalism and patronage in post-Soviet Uzbekistan // Neopatrimonialism in Africa and Beyond / ed. by D.C. Bach and M. Gazibo. – London : Routledge, 2013. – P. 186–201.
28. Vilson, M. Presidential election in Uzbekistan. First after Islam Karimov // Baltic Worlds : scholarly journal. – Centre for Baltic and East European Studies, Södertörn University, 2016. – 14 December. https://balticworlds.com/presidential-election-in-uzbekistan/
29. Central'naja izbiratel'naja komissija Respubliki Uzbekistan. Oglasheny itogi vyborov Prezidenta Uzbekistana [The Central Election Commission of the Republic of Uzbekistan has announced the results of the presidential election in Uzbekistan] // Oficial'nyj veb-sajt Prezidenta Respubliki Uzbekistan. – 2016. – 9 dekabrja. https://president.uz/ru/lists/view/76
30. International Crisis Group. Uzbekistan: In Transition Europe and Central Asia Briefing No. 82. – [Brussels] : International Crisis Group, 2016. – 29 September. – https://www.crisisgroup.org/brf/europe-central-asia/uzbekistan/b082-uzbekistan-transition
31. Urinboyev, R. and Doğan, E. Navigating the legal uncertainty and informality in authoritarian regimes: legal culture, governance and business environment in Uzbekistan // Central Asian Affairs. – 2023. – Vol. 10, No. 2. – P. 145–172.
32. Cooley, A. and Sharman, J.C. Blurring the line between licit and illicit: transnational corruption networks in Central Asia and beyond // Central Asian Survey. – 2015. – Vol. 34, No. 1. – P. 11–28.
33. Temishev, K.B. Proschety vo vneshnej politike Kyrgyzstana kak faktory Aprel'skoj revoljucii 2010 goda [Miscalculations in Kyrgyzstan's foreign policy as factors in the April 2010 Revolution] // Vestnik KRSU. – 2019. – Tom 19, № 6. – S. 25–29.
34. Gullette, D. Institutionalized instability: Factors Leading to the April 2010 Uprising in Kyrgyzstan // Academia.edu. - 2010. – 30 November. - https://www.academia.edu/379904/Institutionalized_instability_Factors_Leading_to_the_April_2010_Uprising_in_Kyrgyzstan
35. International Crisis Group. Kyrgyzstan: A Hollow Regime Collapses: Asia Briefing No. 102. – [Bishkek ; Brussels] : International Crisis Group, 2010. – 27 April. – 19 p. - https://www.crisisgroup.org/sites/default/files/b102-kyrgyzstan-a-hollow-regime-collapses.pdf
36. Nichol, J. The April 2010 coup in Kyrgyzstan: context and implications for U.S. interests // Eastern and Central Europe: Politics and Economics. – New York : Nova Science Publishers, 2012. – P. 89–114.
37. Doolot, A. and Heathershaw, J. State as resource, mediator and performer: understanding the local and global politics of gold mining in Kyrgyzstan // Central Asian Survey. – 2015. – Vol. 34, No. 1. – P. 93–108.
38. Anceschi, L. Reinforcing authoritarianism through media control: the case of post-Soviet Turkmenistan // After the Czars and Commissars: Journalism in Authoritarian Post-Soviet Central Asia / ed. by E. Freedman and R. Shafer. – East Lansing : Michigan State University Press, 2011. – P. 123–145.
39. Volkov, V., Saryev, O. V Turkmenii vvedeny strozhajshie mery bezopasnosti [Turkmenistan has introduced strict security measures] // Deutsche Welle. – 2006. – 21 dekabrja. https://www.dw.com/ru/v-turkmenii-vvedeny-strozhajshie-mery-bezopasnosti/a-2287612
40. Lemon, E. The Political System of Tajikistan // Central Asia in a Multipolar World / ed. by J. Lempp, S. Mayer. – Cham : Springer, 2024. – (Contributions to Political Science).
41. International Crisis Group. Tajikistan: Early Warning – Internal Pressures, Ex-

ternal Threats: Europe and Central Asia Briefing No. 78. – [Brussels] : International Crisis Group, 2016. – 11 January. – 19 p. – https://www.crisisgroup.org/brf/europe-central-asia/tajikistan/b078-tajikistan-early-warning-internal-pressures-external-threats
42. MOM. Doklad o migracii v Tadzhikistane [IOM. Report on Migration in Tajikistan] / Mezhdunarodnaja organizacija po migracii. – 2023.

Материал поступил в редакцию 05.03.2026
Утвержден к публикации 18.06.2026

МРНТИ:
10.87.61

О НЕКОТОРЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ СОЗДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАБА КАК ПЛАТФОРМЫ ДЛЯ МЕДИАЦИИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ СПОРОВ И ПРОДВИЖЕНИЯ ВОПРОСОВ ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ

Алимжан Иржанов

Главный специалист Центра публичного законодательства и государственного управления РГП на ПХВ «Институт парламентаризма» УМТО, кандидат юридических наук, Астана, Казахстан; e-mail: alimzhany@mail.ru

https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.2.008

Аннотация. Актуальность исследования определяется ростом международной конфликтности, усилением геополитической конкуренции и сохранением угрозы применения ядерного оружия, что обуславливают вопросы эффективности механизмов международной безопасности. Предметом исследования является концепция создания международного хаба как платформы для медиации межгосударственных споров и продвижения вопросов ядерного разоружения. Цель работы - проанализировать теоретические и практические основы медиации в международных отношениях и выявить перспективы создания специализированного института, способного способствовать мирному урегулированию конфликтов и укреплению международной безопасности. В качестве методов использовались системно-структурный, сравнительно-правовой, аналитический и другие подходы, моделирование и прогнозирование, что позволило определить концептуальные черты и потенциал идеи создания международного хаба. Новизна работы заключается в предложении создания независимой, нейтральной и сетевой платформы, совмещающей дипломатическую, экспертную и образовательную функции, способной дополнить традиционные международные институты. Основные выводы исследования показывают, что создание международного медиационного хаба может повысить эффективность урегулирования межгосударственных конфликтов, укрепить доверие между государствами, способствовать продвижению вопросов ядерного разоружения и стать инновационным элементом в медиации. Таким образом, инициатива по созданию международного хаба как платформы для медиации межгосударственных споров и продвижения вопросов ядерного разоружения имеет

значительный потенциал и может рассматриваться как один из инновационных инструментов укрепления международной безопасности.

Ключевые слова: *международное право, посредничество, медиация, спор, конфликт, мирные средства разрешения международных споров, международный хаб, инновационные форматы медиации, ядерное разоружение, меры доверия.*

МЕМЛЕКЕТАРАЛЫҚ ДАУЛАРДЫ МЕДИАЦИЯЛАУ ЖӘНЕ ЯДРОЛЫҚ ҚАРУСЫЗДАНУ МӘСЕЛЕЛЕРІН ІЛГЕРІЛЕТУ ҮШІН ПЛАТФОРМА РЕТІНДЕ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ХАБ ҚҰРУДЫҢ КЕЙБІР ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ ТУРАЛЫ

Алимжан Иржанов
МТҚБ «Парламентаризм институты» ШЖҚ РМК Жария заңнама және мемлекеттік басқару орталығының бас маманы, заң ғылымдарының кандидаты

Аңдатпа. Зерттеудің өзектілігі халықаралық қақтығыстардың өсуімен, геосаяси бәсекелестіктің күшеюімен және ядролық қаруды қолдану қаупінің сақталуымен анықталады, бұл халықаралық қауіпсіздік тетіктерінің тиімділігі мәселелерін анықтайды. Зерттеу тақырыбы мемлекетаралық дауларды медиациялау және ядролық қарусыздану мәселелерін ілгерілету үшін платформа ретінде халықаралық хаб құру тұжырымдамасы болып табылады. Жұмыстың мақсаты-халықаралық қатынастардағы медиацияның теориялық және практикалық негіздерін талдау және қақтығыстарды бейбіт жолмен шешуге және халықаралық қауіпсіздікті нығайтуға ықпал ететін мамандандырылған институт құру перспективаларын анықтау. Әдістер ретінде жүйелік-құрылымдық, салыстырмалы-құқықтық, аналитикалық және басқа тәсілдер, модельдеу және болжау қолданылды, бұл халықаралық хаб құру идеясының тұжырымдамалық ерекшеліктері мен әлеуетін анықтауға мүмкіндік берді. Жұмыстың жаңалығы-дәстүрлі халықаралық институттарды толықтыра алатын дипломатиялық, сараптамалық және білім беру функцияларын біріктіретін тәуелсіз, бейтарап және желілік платформа құру туралы ұсыныс. Зерттеудің негізгі қорытындылары халықаралық медиациялық хаб құру мемлекетаралық қақтығыстарды реттеудің тиімділігін арттырып, мемлекеттер арасындағы сенімді нығайтып, ядролық қарусыздану мәселелерін ілгерілетуге ықпал етіп, медиациядағы инновациялық элемент бола алатынын көрсетеді. Осылайша, мемлекетаралық дауларды медиациялау және ядролық қарусыздану мәселелерін ілгерілету үшін платформа ретінде халықаралық хаб құру бастамасының айтарлықтай әлеуеті бар және оны халықаралық қауіпсіздікті нығайтудың инновациялық құралдарының бірі ретінде қарастыруға болады.

Түйін сөздер: *халықаралық құқық, бітістірушілік, медиация, дау, тартыс, халықаралық дауларды шешудің бейбіт құралдары, халықаралық хаб, медиацияның инновациялық форматтары, ядролық қарусыздану, сенім шаралары.*

ON CERTAIN ASPECTS OF ESTABLISHING AN INTERNATIONAL HUB FOR MEDIATION IN INTERSTATE DISPUTES AND NUCLEAR DISARMAMENT

Alimzhan Irzhanov
Chief Specialist of the Center for Public Legislation and Public Administration, of Parliamentarism, Candidate of Law

Abstract. The relevance of the study is determined by the growth of international conflict, increased geopolitical competition and the continued threat of the use of nuclear weapons, which raises questions about the effectiveness of international security mechanisms. The subject of the research is the concept of creating an international hub as a platform for mediation of interstate disputes and promotion of nuclear disarmament issues. The purpose of the work is to analyze the theoretical and practical foundations of mediation in international relations and identify the prospects for creating a specialized institution capable of contributing to the peaceful resolution of conflicts and strengthening international security. The methods used were system-structural, comparative-legal, analytical and other approaches, modeling and forecasting, which allowed us to identify the conceptual features and potential of the idea of creating an international hub. The novelty of the work lies in the proposal to create an independent, neutral and networked platform combining diplomatic, expert and educational functions, capable of complementing traditional international institutions. The main conclusions of the study show that the creation of an international mediation hub can increase the effectiveness of resolving interstate conflicts, strengthen trust between States, promote nuclear disarmament issues and become an innovative element in mediation. Thus, the initiative to create an international hub as a platform for mediation of interstate disputes and promotion of nuclear disarmament issues has significant potential and can be considered as one of the innovative tools for strengthening international security.

Keywords: *international law, mediation, dispute, conflict, peaceful means of dispute settlement, international hub, innovative mediation formats, nuclear disarmament, confidence-building measures.*

Введение

Современные международные отношения характеризуются повышением уровня конфликтности и усложнением системы глобальной безопасности. Тенденция глобализации в экономике, цифровых технологиях, экономике, коммуникациях и других сферах не только продолжает влиять на государства, но и усиливает геополитическую конкуренцию между ними. Наряду с возрастающей степенью угроз, связанных с вооруженными столкновениями, также сохраняется и опасность применения ядерного оружия. Так, по данным исследователей «в течение 2023 года состояние глобальной безопасности продолжало ухудшаться, как и на протяжении последнего десятилетия. Крупные вооруженные конфликты проходили в Газе, Мьянме, Судане и Украине; военные расходы выросли девятый год подряд и достигли самого высокого уровня за всю историю; продолжались экологические бедствия, и 2023 год стал самым жарким за

последние 174 года. Обострение противостояния между ведущими державами негативно сказывалось на международной стабильности, и, как следствие, все усилия последних 60 лет по контролю над ядерными вооружениями оказались под угрозой срыва» [1].

В связи с этим, эти проблемы требуют совместных решений государств, а с другой - традиционные институты коллективной безопасности и международного права становятся недостаточно эффективными. В этом контексте в мире важное значение приобретают вопросы предотвращения конфликтов, эффективного урегулирования международных споров и продвижения идеи ядерного разоружения и другие подобные вопросы. В связи с этим возникает необходимость поиска новых форматов мирного разрешения международных противоречий, которые могли бы дополнить и укрепить существующие международные институты. Одним из перспективных направлений в этом контексте является идея создания международного хаба, способного функционировать как независимая платформа для медиации межгосударственных споров и продвижения вопросов ядерного разоружения и нераспространения.

Методы

В исследовании использован комплекс общенаучных и специальных методов познания. Так, среди них был сравнительно-правовой метод, который позволил изучить международно-правовые основы и практику различных государств в области применения международной медиации. Кроме того, были использованы системно-структурный и функциональный методы, а также моделирование, которые позволили представить международный хаб, как целостный институт, указать его основные черты и предложить его функции.

Результаты и обсуждение

Медиация или посредничество[1] как форма урегулирования конфликтов имеет глубокие исторические корни, в международных отношениях этот институт формировался вместе с развитием дипломатии. Посредничество, как способ разрешения конфликта, упоминалось еще в глубокой древности, так в Древней Греции оно использовалось при урегулировании споров между городами-государствами [2]. В XIX веке посредничество часто использовалось для разрешения территориальных споров в Европе, когда нейтральные государства выступали в роли арбитров. Однако медиация не имела четкой правовой фиксации и рассматривалась скорее, как дипломатическая практика. Ситуация изменилась в XX веке, когда международное сообщество стало институционализировать механизмы мирного урегулирования. Так, например, Гаагские конвенции 1899 и 1907 годов, предусмотрели общее регулирование посредничества, а затем Устав ООН 1945 года, закрепив принцип мирного разрешения международных споров, в статье 33 прямо указал медиацию в числе способов мирного разрешения конфликтов наряду с переговорами, арбитражем и судебным разбирательством.

Таким образом, медиация получила международно-правовое признание, но оставалась в значительной степени политико-дипломатическим процессом. Ее эффективность зависела от доверия сторон к посреднику и от его способности

[1] В рамках данного исследования термины «медиация» и «посредничество» употребляются как равнозначные понятия.

обеспечить баланс интересов. Вместе с этим, категория «эффективность» посредничества является наиболее сложной категорией для оценки из-за необходимости ответа на следующие вопросы, какова цель посредничества и что считать успехом. Так, к сожалению, полное разрешение конфликта не обязательно является первоочередной целью международных посреднических усилий. Они могут быть направлены на промежуточные задачи, например, на прекращение огня, начало переговоров между конфликтующими сторонами, выработку определенных уступок от сторон и т.д. Таким образом, эффективность посредничества будет оцениваться именно через достижение этих поставленных задач, а не успешность переговоров, которые начались уже после окончания посреднических усилий. Так, в частности, посредничество Европейского Союза, а фактически Николя Саркози как главы председательствующего государства, во время грузинско-российского конфликта 2008 года можно считать успешным, так как была достигнута главная цель – прекращение огня и начало переговоров [3].

Между тем, следует отметить, что в начале XXI века значение медиации возросло из-за увеличения числа региональных конфликтов и «замороженных» споров, которые не поддаются разрешению в традиционных форматах. Современная медиация приобрела новые черты: она стала многоуровневой (т.е. сочетает официальную дипломатию и «трек второй дипломатии» в которой могут участвовать эксперты и НПО), сетевой (включает несколько посредников, институтов и площадок), а также превратилась в инструмент формирования доверия между сторонами. В настоящее время по инициативе Китая 30 мая 2025 года в Гонконге была подписана Конвенция о создании Международной организации по медиации[2] (далее - IOMed) - первого в мире межгосударственного института, ориентированного исключительно на медиацию как форму урегулирования международных споров [4].

Медиация как метод разрешения конфликтов обладает рядом преимуществ по сравнению с традиционными судебными и арбитражными процедурами. В отличие от арбитража или суда, решения медиатора не имеют обязательной юридической силы, но часто оказываются более гибкими, поскольку основаны на добровольном согласии сторон. Это делает медиацию особенно востребованной в условиях, когда государства не готовы на решение конфликта посредством арбитража либо судом, но тем не менее стремятся снизить степень напряженности. Кроме того, медиация позволяет учитывать политические, культурные и экономические особенности сторон, создавая тем самым более благоприятные условия для достижения взаимоприемлемого результата. Несмотря на накопленный опыт применения медиации во внутригосударственных и региональных спорах, на международной арене очень мало специализированных институциональных площадок, которые бы целенаправленно занимались межгосударственной медиацией. Таким образом, несмотря на проблемные аспекты, следует отметить, что медиация как способ разрешения конфликтов показывает следующие преимущества:

- добровольность участия сторон;
- гибкость и конфиденциальность процесса;
- сохранение и восстановление дипломатических отношений;

[2] Вступила в силу 29 августа 2025 года.

- возможность учета политических, культурных и экономических факторов, выходящих за рамки формально-юридических подходов.

Современная система международного посредничества во многом формируется в рамках практик универсальных и специализированных международных организаций, а также механизмов неформальной дипломатии. Наиболее институционально развитой моделью выступает система ООН, где посреднические функции реализуются через Генерального секретаря, Департамент по политическим и миростроительным вопросам и др.[5].

В рамках данной институциональной логики особое место занимает Международное агентство по атомной энергии, которое, как отмечает Т. Финдли, выступает «беспристрастным институциональным фасилитатором и, в отдельных случаях, активным проводником имплементации международных договоров, выполняя функцию, с которой даже наиболее могущественные государства не способны справиться в одиночку…» [6]. Тем самым МАГАТЭ может рассматриваться как специализированный институциональный механизм, обеспечивающий техническую основу доверия и снижения неопределенности в сфере нераспространения ядерного оружия.

Наряду с этим значимую роль в современной архитектуре урегулирования конфликтов играют практики неформальной дипломатии (Track II diplomacy), предполагающие участие неправительственных экспертов, академических кругов и бывших дипломатов в формировании неофициальных каналов коммуникации между конфликтующими сторонами. Это позволяет осуществлять предварительную проработку позиций и снижать политическую чувствительность вопросов до перехода к официальным переговорам [7].

На этом фоне возникает потребность в создании новых институциональных форматов, которые могли бы выступать независимыми, нейтральными и эффективными площадками для диалога между государствами, а также служить инструментом укрепления доверия в области международной безопасности. Одним из наиболее перспективных направлений в данном отношении может стать идея создания международного медиационного хаба, могущего в потенциале выполнять функции платформы для медиации межгосударственных споров. Кроме того, на его основе, возможно, продвигать вопросы ядерного разоружения и нераспространения. Концепция такого хаба предполагает совмещение дипломатической, экспертной и общественной составляющих, что способно обеспечить его устойчивость и восприимчивость к меняющейся международной конъюнктуре.

В историческом контексте сама идея создания нейтральной площадки для переговоров и разрешения конфликтов не является новой. Прежде всего, показателен опыт и система миротворчества и посредничества в рамках международных организаций. Так, например ОБСЕ реализует модель превентивной дипломатии и мониторингового посредничества. На практике это выражается в деятельности миссий на местах, механизмах раннего предупреждения и диалоговых форматах между государствами-участниками. Можно также привести пример переговорного формата по иранской ядерной программе (JCPOA), в рамках которого отмечается посредническая функция ЕС. Кроме того, также можно привести модели нейтральных государств, прежде всего Швейцарии, Норвегии и других стран, которые традиционно выступает площадкой для переговоров и посредничества. Данный подход основан не на институциональ-

ном подходе, а на репутации, нейтралитете и развитой дипломатической инфраструктуре.

Во внешнеполитической практике Казахстана также прослеживаются элементы медиативно-посреднического подхода, выражающиеся в комплексе конкретных инициатив, в рамках которых страна выступает не стороной конфликта, а нейтральной переговорной площадкой, обеспечивающей возможность диалога между государствами с противоположными интересами. Примерами реализации этой линии является Астанинский процесс по Сирии, в рамках которого Казахстан предоставлял постоянную площадку для переговоров между Россией, Турцией и Ираном - государствами, занимающими существенно различающиеся позиции в сирийском конфликте и другие.

Идея международного медиацинного хаба как центра разрешения межгосударственных споров и продвижения ядерного разоружения и нераспространения имеет несколько взаимосвязанных обоснований. Прежде всего, она базируется на объективной необходимости поиска альтернативных форматов урегулирования конфликтов в условиях кризиса традиционных механизмов коллективной безопасности. Существующие структуры, такие как ООН, ОБСЕ и региональные организации, сталкиваются с рисками, связанными с политизацией процессов в принятии решений, недостаточной скоростью реагирования, а также зависимостью от интересов крупных держав. В этих условиях хаб мог бы выступить в качестве гибкого, неполитизированного и экспертно ориентированного центра, где государства получают возможность вести диалог при участии независимых медиаторов, юристов и экспертов.

Кроме того, новизна предлагаемой концепции хаба состоит в том, что он может быть не привязан исключительно к территории одного государства. Так, хаб может функционировать как сетевой институт, объединяющий несколько региональных площадок и координирующий их деятельность через единый секретариат. Такой подход позволит минимизировать риски и расширить возможности для участия широкого круга стран, включая те, которые традиционно не вовлечены в дипломатические процессы.

Еще одним обоснованием является актуализация повестки ядерного разоружения и нераспространения в свете новых вызовов. В частности, несмотря на наличие международных договоров в сфере ядерного разоружения и нераспространения (ДНЯО, Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и др.), процесс ядерного разоружения показывает тенденции к замедлению. Это, прежде всего, обусловлено актуализацией такой проблемы как недостаточный уровень доверия между ядерными и неядерными государствами, усиления риска гонки вооружений, появлением космического оружия и средств кибервойны, и др. По мнению экспертов, лишь последовательные и поэтапные меры разоружения параллельно с позитивными изменениями международной политической и стратегической среды способны укрепить всеобщую безопасность. А сформулировать обновленные принципы стабильности можно только в контексте предметных переговоров об ограничении, сокращении и запрещении относящихся к делу вооружений [8].

В этих условиях международный хаб может выполнять функции:

- дипломатической площадкой для диалога между ядерными и неядерными державами;

- медиационной платформы для урегулирования споров и разногласий;

- экспертного центра, аккумулирующего знания и предложения по этапному сокращению ядерных арсеналов;

- мерой укрепления доверия между государствами, международными организациями и гражданским обществом;

- образовательной площадки, популяризирующей идеи ядерного разоружения среди широких слоев населения и новых поколений дипломатов.

Перспективность создания подобного хаба определяется следующими основными факторами.

1. Деятельность международного хаба должна опираться на четкую международно-правовую основу, обеспечивающую его институциональную легитимность, процедурную предсказуемость и долгосрочную устойчивость. В этой связи оптимальной формой его учреждения выступает **международный договор или многосторонняя хартия,** подписываемая заинтересованными государствами и закрепляющая цели, мандат, организационную структуру и основные принципы функционирования хаба. Такой подход позволяет придать институту формализованный межгосударственный характер и обеспечить признание его процедур со стороны участников международных отношений.

В качестве примера можно привести Конвенцию об учреждении Международной организации по медиации от 30 мая 2025 года [9], в рамках которой комплексно урегулированы организационно-правовые основы деятельности соответствующей международной структуры, включая порядок ее создания, институциональную архитектуру, компетенцию органов, а также общие принципы осуществления медиационной деятельности. Подобные договорные модели демонстрируют тенденцию к формированию специализированных международных институтов медиации, функционирующих на основе согласованных международно-правовых норм.

2. Важное значение имеет институционально-правовая модель международного хаба, определяющая его место в системе международного управления и степень его правосубъектности. В связи с этим, следует отметить, несколько вариантов его международно-правового статуса. Так, хаб может быть учрежден как самостоятельная международная организация, созданная на основании многостороннего международного договора и обладающая ограниченной международной правосубъектностью, включающей право заключать соглашения, формировать собственные органы управления и обеспечивать функциональные иммунитеты, необходимые для осуществления посреднической деятельности. Альтернативно он может быть институционализирован как специализированный центр при международной организации, например, при ООН, действующий в рамках существующей системы ООН и опирающийся на ее правосубъектность и институциональные гарантии. В данном случае хаб не приобретает самостоятельного международно-правового статуса, но функционирует как специализированный операционный механизм в структуре глобального миротворческого управления. Третьим вариантом выступает региональная договорная инициатива, создаваемая группой государств без формирования полноценной международной организации, где правовой статус хаба ограничивается координационно-консультативными функциями и зависит от объема полномочий, закрепленных в учредительном соглашении. Между тем, выбор конкретной модели зависит от уровня политической поддержки государств-

участников, степени институциональной автономии, а также необходимости обеспечения функциональной эффективности посреднического механизма.

Институциональная архитектура хаба может включать международный совет (стратегический орган), секретариат (оперативный орган), региональные офисы и экспертные платформы. Совет определял бы стратегию и утверждал мандаты на медиацию. Секретариат занимался бы организацией переговоров, аналитической работой и взаимодействием с международными организациями. Региональные офисы обеспечивали бы гибкость и вовлечение большего числа стран.

Вместе с этим, следует отметить, что какой бы не была модель хаба, важным является его взаимодействие с существующими международными структурами. В связи с этим можно предложить модель функциональной комплементарности, на основе которой может осуществляться взаимодействие международного хаба с международными организациями. Так хаб не должен рассматриваться как подмена или конкурент любым международным организациям, а напротив, рассматриваться как вспомогательный механизм, дополняющий их деятельность. Хаб может осуществлять международное посредничество, а также предоставлять независимые экспертные заключения, проводить предварительные консультации и организовывать неформальные диалоги в области ядерного разоружения, которые затем могут трансформироваться в более официальные переговорные процессы, например, под эгидой уже крупных международных организаций. Таким образом, он будет выполнять как роль международного медиатора, так и своеобразного «моста» между официальной дипломатией и треком «второго уровня», объединяющим экспертов и гражданское общество.

3. Для укрепления доверия крайне важно, чтобы хаб был размещен в нейтральной юрисдикции, в государстве, не обладающем ядерным оружием и имеющем авторитет в сфере миротворчества. В качестве страны-инициатора может выступить Казахстан, обладающий уникальным опытом отказа от ядерного оружия и нейтральной дипломатической репутацией. Как известно, Казахстан добровольно отказался от ядерного оружия после распада СССР и стал одним из активных лидеров в решении проблем всеобщего разоружения. Доказательством этому стало решение Генеральной Ассамблеи ООН 18 июня 2009 г. объявить 29 августа (дату закрытия Семипалатинского полигона) Всемирным днем отказа от ядерного оружия по инициативе Первого Президента Казахстана Н. Назарбаева [10]. Также был подписан Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии (Семипалатинский договор) 8 сентября 2006 года, который вступил в силу 21 марта 2009 года. По Договору каждое государство-участник должно заключить с МАГАТЭ соглашение о СВГ и ДП. Все пять центральноазиатских государств-участников Договора заключили СВГ в связи с ДНЯО, что соответствует также требованию о заключении СВГ по Семипалатинскому договору. Все эти государства заключили также ДП к своим СВГ. Три государства - участника Договора получили от МАГАТЭ законодательную помощь [11].

Учитывая, что Казахстан позиционирует себя как государство с мирными инициативами и нейтралитетом, то это создает благоприятные условия для размещения института подобного рода. Так, Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев, выступая на общих дебатах 80-й сессии Генеральной

Ассамблеи ООН, отметил, что «Казахстан готов принять новый диалог по ядерному разоружению и нераспространению. Мы можем сосредоточиться на неформальных всеобъемлющих дискуссиях, которые укрепят Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и обеспечат прогресс в реализации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ)» [12]. Такая внешнеполитическая позиция усиливает его потенциальную роль как «нейтральной институциональной площадки доверия», способной обеспечивать диалог между государствами в условиях растущей фрагментации глобального управления.

Вместе с тем функционирование хаба в условиях усиливающегося противостояния крупных держав сопряжено с рисками. Так, основным риском может явится «уязвимость» принципа нейтральности, т.е. даже универсальные посреднические структуры могут восприниматься через призму геополитической конкуренции и ассоциироваться с интересами отдельных центров силы. Это может создать риск утраты доверия со стороны отдельных государств, которые могут рассматривать посредническую, экспертную и диалоговую деятельность хаба как инструмент косвенного политического влияния. В этой связи может быть интересен только формирующийся опыт IOMed, который может рассматриваться как ранний индикатор перспектив институционализации подобных механизмов. По мнению экспертов «при благоприятном развитии IOMed может превратиться в востребованный институт урегулирования в нестабильных регионах, снизить зависимость от западных структур и стать частью новой архитектуры международного взаимодействия. В противном случае - остаться маргинальным проектом, формально существующим, но лишенным авторитета и реального веса. Судьба IOMed станет индикатором: готов ли мир воспринимать Китай не только как экономическую силу, но и как нормотворца, гаранта процедурной справедливости и посредника в конфликтах» [4].

Также дополнительным элементом укрепления доверия может выступать участие конфликтующих сторон в формировании посреднического состава. Предоставление государствам права согласовывать кандидатуры медиаторов способствует повышению эффективности процедуры медиации и снижает риск восприятия посредника как навязанного внешнего актора.

Не менее значимым элементом является процедурная прозрачность и предсказуемость деятельности хаба. Четкое международно-правовое закрепление правил инициирования медиации, отбора медиаторов, проведения переговоров и сопровождения соглашений позволяет минимизировать риски произвольности и политизации. При этом принцип добровольности участия остается фундаментальным условием функционирования системы, исключающим возможность навязывания решений или давления на стороны конфликта.

Дополнительное укрепление доверия может обеспечиваться механизмом пост-медиационного сопровождения, предполагающим участие хаба в мониторинге и консультативной поддержке реализации достигнутых соглашений. Данная функция не носит принудительного характера, однако способствует повышению устойчивости договоренностей за счет экспертного сопровождения, содействия в разрешении возникающих разногласий на стадии имплементации и предоставления нейтральной платформы для последующих консультаций сторон. Таким образом, хаб приобретет характер института полного

цикла посредничества, охватывающего как стадию урегулирования конфликта, так и этап постконфликтной стабилизации.

4 Ключевым элементом операционализации международного хаба выступает определение круга субъектов, обладающих правом инициировать процедуры медиации. В рамках модели хаба таким правом будут наделяться непосредственно государства - стороны конфликта, что соответствует принципу добровольности международного посредничества и практике современных переговорных механизмов. В дополнение следует отметить, что инициирование процедуры может осуществляться также посредством международных организаций, выполняющих функцию политико-дипломатического «триггера» и рекомендательного запуска медиационного процесса. В ограниченном формате возможна также инициатива самого хаба, выражающаяся в предложении сторонам конфликта о начале медиации, однако без какого-либо элемента принуждения.

5. Наряду с международным измерением деятельности хаба представляется целесообразным формирование вспомогательного национального сегмента, ориентированного не на дублирование уже созданных механизмов внутренней медиации, а на развитие кадрового, экспертного и методологического потенциала посреднической деятельности. В отличие от международного уровня, сосредоточенного на урегулировании межгосударственных, трансграничных и политически чувствительных конфликтов, национальный сегмент может выполнять поддерживающую функцию, обеспечивая загрузку хаба, апробацию процедурных подходов, подготовку специалистов и распространение культуры альтернативного разрешения споров внутри нашей страны.

В рамках данного направления возможно создание цифровой платформы оказания медиационных услуг по гражданско-правовым, коммерческим, трудовым и иным спорам, разрешение которых позволит аккумулировать практический опыт переговорных процедур и формировать устойчивую профессиональную среду медиаторов. Вместе с тем национальный уровень не должен рассматриваться как самостоятельная альтернатива судебной системе или существующим центрам медиации. Его значение заключается прежде всего в формировании институциональной основы для международного направления деятельности хаба.

С организационной точки зрения национальный сегмент может включать свой реестр аккредитованных медиаторов, программы подготовки и сертификации посредников, экспертно-аналитический центр, а также механизмы цифровой и дистанционной медиации. Такая модель способна обеспечить постоянную практическую деятельность хаба, снизить риск его превращения в исключительно декларативную международную площадку и одновременно сформировать дополнительный кадровый резерв для участия в более сложных международных переговорных процессах.

Дополнительным преимуществом подобной многоуровневой архитектуры является возможность трансфера международных стандартов медиации в национальную правовую среду и, напротив, использования национального практического опыта для совершенствования международных посреднических механизмов. В результате национальный сегмент будет функционировать не как самостоятельное направление, конкурирующее с международным уровнем, а как поддерживающий институциональный элемент, укрепляющий

профессиональную, организационную и методологическую устойчивость международного хаба. В качестве примера многоуровневой архитектуры организации можно привести IOMed, которая может разрешать три категории споров: межгосударственные (ст. 25), споры между государством и инвестором (ст. 27), а также коммерческие споры между частными лицами (ст. 28)[4].

6. Касательно отбора медиаторов целесообразно формирование многоуровневой системы, основанной на принципах профессиональной компетентности, географической представленности и политической нейтральности. Основным этапом может выступать предварительная квалификация кандидатов, включающая проверку их опыта в международном праве, дипломатической практике, конфликтологии и переговорах высокого уровня. Дополнительным критерием является наличие подтвержденного опыта участия в межгосударственных или многосторонних переговорных процессах, а также отсутствие прямой аффилиации с текущими конфликтующими сторонами. Следующим уровнем может быть создание постоянного реестра медиаторов, формируемого на основе открытого конкурсного отбора и утверждаемого независимым управляющим органом хаба. В рамках такой модели можно предусмотреть механизм ротации медиаторов, позволяющий поддерживать баланс между различными правовыми и дипломатическими школами. Дополнительно к этой системе отбора может применяться принцип «ситуативного назначения», при котором медиаторы подбираются под конкретный конфликт с учетом региональной, культурной и правовой специфики.

7. Эффективность деятельности предполагает устойчивое финансирование, которое может обеспечиваться государственными взносами, международными грантами и партнерскими программами. В связи с этим можно предложить, что финансирование хаба будет строиться на смешанной модели: добровольные взносы государств, гранты международных организаций, средства фондов и частных компаний. Кроме того, следует отметить, и оплату за предоставление медиационных и экспертных услуг, в том числе и на национальном уровне.

Таким образом, международный хаб – это учреждаемая на основании международного договора международная организация со специализированным мандатом в сфере международной медиации/посредничества, предназначенная для содействия мирному урегулированию споров, а также выполняющая экспертно-аналитические и дискуссионные функции как диалоговая площадка по вопросам международной безопасности, включая ядерное разоружение. Его ключевые характеристики должны включать нейтралитет, транспарентность, инклюзивность и ориентацию на долгосрочную перспективу, а его деятельность позволит снизить уровень конфликтности между государствами, содействовать ядерному разоружению, укрепить режим нераспространения ядерного оружия и т.д.

Заключение

В условиях растущей неопределенности и усиления геополитических противоречий создание международного хаба для медиации межгосударственных споров и продвижения ядерного разоружения и нераспространения представляется перспективным направлением развития международной дипломатической инфраструктуры. Такой хаб может стать не только инструментом

предотвращения вооруженных конфликтов, но и площадкой для продвижения идей глобальной безопасности, диалога и доверия.

Создание международного хаба как платформы для медиации межгосударственных споров и продвижения вопросов ядерного разоружения отвечает актуальным вызовам современности. Он может стать инновационным инструментом укрепления доверия, снижения конфликтности и продвижения глобальной повестки, ориентированной на гуманистические ценности и общую ответственность. В долгосрочной перспективе хаб способен превратиться в важный институт, обеспечивающий переход от конфронтации к диалогу, от угрозы ядерного уничтожения к миру без ядерного оружия.

Таким образом, создание международного хаба как платформы для медиации межгосударственных споров и продвижения вопросов ядерного разоружения имеет значительный потенциал и может рассматриваться как один из инновационных инструментов укрепления международной безопасности. Его эффективность будет зависеть от ряда факторов, включая институциональную модель финансирования, степень вовлеченности государств и уровень доверия со стороны международного сообщества и др.

Данная статья опубликована в рамках финансирования проекта «AP26100031 – Международный медиационный хаб как инструмент мирного разрешения конфликтов и ядерного разоружения: опыт Казахстана и зарубежных стран» (источник финансирования - Комитет науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан).

Список литературы:

1. Смит Д. Введение: международная стабильность и безопасность человека в 2023 г. // Ежегодник SIPRI 2024: Вооружения, разоружение и международная безопасность. Резюме. – Стокгольм: SIPRI, 2024. – С. 1–14.
2. Райымбекова А.А., Жабина Ж.Р. Теоретическое осмысление понятия «посредничество» // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». – 2018. – № 2(90). – С. 35–40.
3. Шелест А. Институт посредничества в процессе урегулирования военных конфликтов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://interaffairs.ru/news/show/8904 (дата обращения: 08.12.2025).
4. Международная организация по медиации: зачем Китай выстраивает собственную архитектуру урегулирования споров? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://repost.press/news/mezhdunarodnaya-organizaciya-po-mediacii-zachem-kitaj-vystraivaet-sobstvennuyu-arhitekturu-uregulirovaniya-sporov (дата обращения: 16.05.2026).
5. United Nations Department of Political and Peacebuilding Affairs (DPPA). Prevention and mediation [Электронный ресурс]. – URL: https://dppa.un.org/en/prevention-and-mediation (дата обращения: 19.05.2026).
6. Findlay T. Unleashing the Nuclear Watchdog: Strengthening and Reform of the IAEA [Электронный ресурс] // CIGI. – 2012. – URL:

https://www.cigionline.org/publications/unleashing-nuclear-watchdog-strengthening-and-reform-iaea/ (дата обращения: 19.05.2026)
7. Yılmaz M. E. Track-Two Diplomacy as a Resolution Approach to International and Inter-Societal Conflicts // Journal of International Social Studies. 2004. Available at: https://www.researchgate.net/publication/237444353_TRACK-TWO_DIPLOMACY_AS_A_RESOLUTION_APPROACH_TO_INTERNATIONAL_AND_INTER-SOCIETAL_CONFLICTS (дата обращения: 19.05.2026)
8. Арбатов А. Роль ядерного сдерживания в стратегической стабильности: гарантия или угроза? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://carnegieendowment.org/research/2019/01/nuclear-deterrence-a-guarantee-or-threat-to-strategic-stability?lang=ru (дата обращения: 18.11.2026).
9. Конвенция об учреждении Международной организации по медиации от 30 мая 2025 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.iomed.int/files/Russian_text_of_the_IOMed_Convention.pdf (дата обращения: 17.05.2026).
10. Сусеану Й. Гарантии МАГАТЭ по договорам о создании зон, свободных от ядерного оружия // Бюллетень МАГАТЭ. – 2021. – № 62–4. – С. 12–15. – Режим доступа: https://www.iaea.org/sites/default/files/iaeaandnptru.pdf (дата обращения: 28.11.2025).
11. Муратшина К.Г. Политика государств постсоветской Центральной Азии в отношении Договора о запрещении ядерного оружия // Управленческое консультирование. – 2019. – № 11. – С. 47–56.
12. Токаев К.-Ж. Выступление Президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева на общих дебатах 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-prezidenta-kazahstana-kasym-zhomarta-tokaeva-na-obshchih-debatah-80-y-sessii-generalnoy-assamblei-oon-2481155 (дата обращения: 20.05.2026).

References:

1. Smit D. Vvedenie: mezhdunarodnaja stabil'nost' i bezopasnost' cheloveka v 2023 g. [Introduction: International Stability and Human Security in 2023] // Ezhegodnik SIPRI 2024: Vooruzhenija, razoruzhenie i mezhdunarodnaja bezopasnost'. Rezjume. – Stokgol'm: SIPRI, 2024. – S. 1–14.
2. Rajymbekova A.A., Zhabina Zh.R. Teoreticheskoe osmyslenie ponjatija «posrednichestvo» [Theoretical understanding of the concept of "mediation"] // Vestnik Karagandinskogo universiteta. Serija «Istorija. Filosofija». – 2018. – № 2(90). – S. 35–40.
3. Shelest A. Institut posrednichestva v processe uregulirovanija voennyh konfliktov [Institute of mediation in the process of resolving military conflicts]. – Rezhim dostupa: https://interaffairs.ru/news/show/8904 (data obrashhenija: 08.12.2025).
4. Mezhdunarodnaja organizacija po mediacii: zachem Kitaj vystraivaet sobstvennuju arhitekturu uregulirovanija sporov? [International Mediation Organization: Why is China Building Its Own Dispute Resolution Architecture?]. – Rezhim dostupa: https://repost.press/news/mezhdunarodnaya-organizaciya-po-mediacii-zachem-kitaj-vystraivaet-sobstvennuyu-arhitekturu-uregulirovaniya-sporov (data obrashhenija: 16.05.2026).
5. United Nations Department of Political and Peacebuilding Affairs (DPPA). Prevention and mediation. – URL: https://dppa.un.org/en/pre-

vention-and-mediation (data obrashhenija: 19.05.2026).
6. Findlay T. Unleashing the Nuclear Watchdog: Strengthening and Reform of the IAEA // CIGI. – 2012. – URL: https://www.cigionline.org/publications/unleashing-nuclear-watchdog-strengthening-and-reform-iaea/ (data obrashhenija: 19.05.2026)
7. Yılmaz M. E. Track-Two Diplomacy as a Resolution Approach to International and Inter-Societal Conflicts // Journal of International Social Studies. 2004. Available at: https://www.researchgate.net/publication/237444353_TRACK-TWO_DIPLOMACY_AS_A_RESOLUTION_APPROACH_TO_INTERNATIONAL_AND_INTER-SOCIETAL_CONFLICTS (data obrashhenija: 19.05.2026)
8. Arbatov A. Rol' jadernogo sderzhivanija v strategicheskoj stabil'nosti: garantija ili ugroza? [The Role of Nuclear Deterrence in Strategic Stability: Guarantee or Threat?]. – Rezhim dostupa: https://carnegieendowment.org/research/2019/01/nuclear-deterrence-a-guarantee-or-threat-to-strategic-stability?lang=ru (data obrashhenija: 18.11.2026).
9. Konvencija ob uchrezhdenii Mezhdunarodnoj organizacii po mediacii ot 30 maja 2025 g. [Convention establishing the International Mediation Organization of May 30, 2025]. – Rezhim dostupa: https://www.iomed.int/files/Russian_text_of_the_IOMed_Convention.pdf (data obrashhenija: 17.05.2026).
10. Suseanu J. Garantii MAGATJe po dogovoram o sozdanii zon, svobodnyh ot jadernogo oruzhija [IAEA safeguards under nuclear-weapon-free zone treaties] // Bjulleten' MAGATJe. – 2021. – № 62–4. – S. 12–15. – Rezhim dostupa: https://www.iaea.org/sites/default/files/iaeaandnptru.pdf (data obrashhenija: 28.11.2025).
11. Muratshina K.G. Politika gosudarstv postsovetskoj Central'noj Azii v otnoshenii Dogovora o zapreshhenii jadernogo oruzhija // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. – 2019. – № 11. – S. 47–56.
12. Tokaev K.-Zh. Vystuplenie Prezidenta Kazahstana Kasym-Zhomarta Tokaeva na obshhih debatah 80-j sessii General'noj Assamblei OON [Address by the President of Kazakhstan Kassym-Jomart Tokayev at the General Debate of the 80th Session of the UN General Assembly]. – Rezhim dostupa: https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-prezidenta-kazahstana-kasym-zhomarta-tokaeva-na-obshchih-debatah-80-y-sessii-generalnoy-assamblei-oon-2481155 (data obrashhenija: 20.05.2026).

Материал поступил в редакцию 08.12.2025
Утвержден к публикации 18.06.2026

МРНТИ
06.91.00

СИСТЕМНО-ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА КНР В ГЛОБАЛЬНОМ ЭНЕРГОПЕРЕХОДЕ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ДЛЯ КАЗАХСТАНА

Ербулат Сейлеханов[1*]
Малик Мусин[2]

[1] Главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, Алматы, Казахстан; e-mail: seilekhanov_yt@kisi.kz
[2] Сотрудник ТОО «Семизбай-U» НАК «Казатомпром», Астана, Казахстан; e-mail: mmch70@mail.ru

https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.2.009

Аннотация. Публикация посвящена анализу причин, способствовавших становлению Китая в качестве ведущей энергетической державы мира. На основе примененных методов системного, факторного и сравнительного анализов, логического синтеза авторами был рассмотрен процесс осуществляемого в Китае «зеленого перехода», а также факторы выхода Китая в топ лидеров мировой технологической элиты. Авторами сделан вывод, что достигнутые КНР успехи стали возможны благодаря целенаправленной стратегии, обеспечившей сочетание государственной поддержки, координации финансовых, промышленных и технологических возможностей Китая, научных новаций в целях устойчивого развития страны. Для развивающихся стран, к которым можно отнести и Казахстан, значение китайского опыта развития энергетики состоит в том, что он может стать ключом к обеспечению их энергетической безопасности, формированию в них условий для «зеленого перехода», составляющего главный тренд мирового энергетического развития.

Ключевые слова: *энергетика Китая, зеленый переход, ВИЭ, ториевые реакторы, термоядерный синтез, ЦОД.*

ЖАҺАНДЫҚ ЭНЕРГИЯЛЫҚ АУЫСУДАҒЫ ҚХР ТЕХНОЛОГИЯЛЫҚ КӨШБАСШЫЛЫҒЫН ЖҮЙЕЛІК-ФАКТОРЛЫҚ ТАЛДАУ: ҚАЗАҚСТАН ҮШІН СТРАТЕГИЯЛЫҚ БАҒДАРЛАР

Ерболат Сейлеханов[1]*, Малик Мусин[2]

[1]* ҚР Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институтының бас ғылыми қызметкері, саяси ғылымдарының докторы,

[2] «Қазатомөнеркәсіп» ұлттық атом энергиясы корпорациясының «Семізбай-U» ЖШС қызметкері.

Аңдатпа. Бұл жарияланым Қытайдың әлемдегі жетекші энергетикалық держава ретінде қалыптасуына ықпал еткен себептерді талдауға арналған. Авторлар жүйелік, факторлық және салыстырмалы талдау әдістерін, логикалық синтезді қолдана отырып, Қытайда жүзеге асырылып жатқан «жасыл көшу» процесін, сондай-ақ Қытайдың әлемдік технологиялық элитаның үздік көшбасшылары қатарына шығу факторларын қарастырды. Авторлар ҚХР қол жеткізген табыстар мемлекеттің тұрақты дамуы мақсатында мемлекеттік қолдауды, Қытайдың қаржылық, өнеркәсіптік және технологиялық мүмкіндіктерін үйлестіруді, ғылыми жаңалықтарды қамтамасыз еткен мақсатты стратегияның арқасында мүмкін болды деген қорытындыға келді. Қазақстанды да қосуға болатын дамушы елдер үшін Қытайдың энергетиканы дамыту тәжірибесінің маңызы оның олардың энергетикалық қауіпсіздігін қамтамасыз етудің, әлемдік энергетикалық дамудың басты тренді болып табылатын «жасыл көшу» үшін жағдай жасаудың кілті бола алатындығында.

Түйін сөздер: *Қытайдың энергетика саласы, жасыл дамуға көшу, қайта жаңартылатын энергия көздері, торий реакторлары, термоядролық синтез, деректер орталықтары.*

SYSTEMIC AND FACTOR ANALYSIS OF CHINA'S TECHNOLOGICAL LEADERSHIP IN THE GLOBAL ENERGY TRANSITION: STRATEGIC BENCHMARKS FOR KAZAKHSTAN

Yerbulat Seilekhanov[1]*, Malik Musin[2]

[1]* Chief Researcher, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Political Sciences,

[2] Employee of “Semizbay-U” LLP of the National Atomic Energy Corporation “Kazatomprom”.

Abstract. The publication is dedicated to analyzing the reasons that contributed to China's emergence as a leading global energy power. Based on the application of systemic, factor, and comparative analyses, as well as logical synthesis, the authors examined the process of the «green transition» being implemented in China, as well as the factors that have propelled China to the top of the world's technological elite.

The authors concludes that the achievements reached by China were made possible thanks to a targeted strategy that ensured a combination of state support, coordination of China's financial, industrial, and technological capabilities,

and scientific innovations aimed at sustainable development of the country. For developing countries, including Kazakhstan, the significance of China's experience in energy development lies in the fact that it can serve as a key to ensuring their energy security and creating conditions for a «green transition», which is a major trend in global energy development.

Keywords: *Energy China, Green transition, Renewable energy sources, Thorium reactors, Nuclear fusion, Data center.*

Введение

За последние два десятилетия Китай прочно утвердился в качестве одного из лидеров мировой технологической элиты. Так, составленный австралийским институтом по стратегической политике ASPI «Трекер критических технологий» на 2025 год показывает, что Китай лидирует в 66 из 74 ключевых технологий исследованных ключевых областей: от создания наноматериалов и робототехники до передовых радиочастотных коммуникаций, оборонных и космических технологий. А США - только в восьми, сохраняя лидерство в малых спутниках, квантовых компьютерах, генетической инженерии, ядерной медицине, вакцинах, атомных часах и создании языковых моделей для ИИ, и то, последнее уже наравне с Китаем [1].

Выход Китая на передовые научно-технические позиции в мире, как представляется, стал возможен благодаря стратегии руководства страны по укреплению человеческого капитала, а также развитию науки и образования путем стабильного увеличения соответствующих статей государственного бюджета. В частности, по информации Министерства науки и технологий КНР, расходы Китая на НИОКР по итогам 2023 г. составили более 3,3 трлн юаней (458,5 млрд долларов США, около 2,5% ВВП), что представляет собой рост на 43% за 4 года (в 2019 г. данные расходы были на уровне 321,3 млрд долларов США) [2]. Число выданных патентов на изобретения в КНР выросло на 15,3 процента, до 921 тысячи. Среди приоритетных направлений, в которых имеются достижения, названы квантовые технологии, интегральные схемы, искусственный интеллект (ИИ) и биомедицина [3].

При этом годовые расходы Китая на образование в 2023 году составили 6,46 трлн юаней, то есть около 906 млрд долларов (4% ВВП). По сведениям Министерства образования КНР, по сравнению с 2022 годом показатель вырос на 5,3%. Расходы непосредственно на высшее образование составили 1,76 трлн юаней; на дошкольное и среднее образование – 538,2 млрд и 1,02 трлн юаней соответственно. Наиболее быстрый рост в годовом исчислении продемонстрировали расходы на высшее образование: они за 2023 год увеличились на 7,6%. Рост расходов на дошкольное, обязательное и среднее – так называемое образование второй ступени – в годовом выражении составил 4,7%, 6% и 6,2% соответственно [4]. В числе последних достижений китайского образования можно отметить увеличение числа китайских вузов в мировых образовательных рейтингах QS, THE, ARWU – Пекинский университет поднялся на 14-е место, Наньянский технологический университет — на 15-е, Университет Гонконга на 17-е, а Университет Цинхуа вошел в двадцатку [5].

Цель исследования – рассмотреть процесс «зеленого перехода» в Китае,

выявить причины успеха КНР в реализации стратегии «зеленого перехода» с прицелом на использование китайского опыта для развития энергетической отрасли Казахстана.

Обзор литературы

Проблема глобального энергетического перехода и декарбонизации промышленных систем находится в фокусе внимания современной академической среды. Методологические подходы к анализу этого процесса базируются как на изучении структурных сдвигов в энергобалансе, так и на оценке институциональных факторов государственного регулирования.

В зарубежной литературе феномен трансформации энергетики Китая и его выход на позиции технологического лидера рассматриваются преимущественно через призму государственной стратегии «экологической цивилизации». Исследователи аналитической группы Ember в отчете «China Energy Transition Review» подчеркивают, что успехи КНР обусловлены конституционным закреплением экологических целей, что позволило перестроить всю индустриальную модель страны [6]. Специфика китайской модели, по мнению Shunji Cui, заключается в эволюции государственной политики от парадигмы «национальной безопасности» (обеспечение физического объема энергии любой ценой) к парадигме «экологической безопасности» [7]. В то же врем Ren Huang и др. в работе «Experiences and lessons for China's energy transition: From the firewood era to the low carbon era» отмечают, что в настоящее время Китай сталкивается с критической проблемой завершения второго радикального энергетического перехода от ископаемого топлива к безуглеродной энергетике в условиях воздействия изменения климата и международной обстановки [8]. Ранее целью энергетической политики Китая было содействие индустриализации энергетической отрасли. В настоящее время больше внимания уделяется содействию высококачественному росту путем поощрения исследований и разработок отмечается в работе Yuan Kong и др [9].

Казахстанская академическая мысль активно исследует национальные барьеры на пути к углеродной нейтральности 2060 года. В совместном компаративном исследовании ScienceDirect «Evaluating sustainable energy security in China and Kazakhstan» отмечается, что богатые природные ресурсы РК, обеспечивая базовую надежность, одновременно замедляют стимулы к диверсификации, требуя более гибких институциональных реформ [10]. Глубокий анализ институциональных барьеров представлен в работе «Socio-economic constraints to low-carbon transitions: insights from Kazakhstan's Emissions Trading Scheme». Авторы выявляют ключевые детерминанты, тормозящие эколого-экономический транзит в РК, среди которых: противоречивость нормативно-правовой базы, сильное лобби традиционных энергетических секторов и приоритет краткосрочной социально-экономической стабильности над долгосрочными зелеными целями [11].

Вопрос адаптации зарубежного (и в первую очередь китайского) опыта в РК становится центральным в новейших публикациях. Влияние климатических стратегий ключевых торговых партнеров на экономику Казахстана подробно описано в статье «Республика Казахстан и мировые стратегии зеленого

перехода». Автор доказывает необходимость ускоренной модернизации отечественной энергосистемы под воздействием внешних углеродных ограничений, вводимых Китаем и ЕС [12]. Эксперты ODI в докладе «Financing Kazakhstan's energy transition» указывают, что для реализации амбициозных планов Астане критически необходим приток иностранного капитала и технологий [13]. С практической точки зрения это подтверждается текущим вектором межгосударственного взаимодействия. Исследователи отмечают, что ратификация соглашений между РК и КНР в области ВИЭ (включая строительство мегаобъектов мощностью 1,8 ГВт) выступает ключевым инструментом укрепления энергетической безопасности Казахстана и снижения региональной зависимости от традиционных поставщиков.

Несмотря на обширный пул работ, посвященных отдельно зеленой политике КНР и отдельно проблемам декарбонизации РК, в литературе наблюдается дефицит исследований, использующих системно-факторный анализ для разработки конкретных механизмов трансфера институционального опыта КНР (в части координации науки, финансов и промышленности) в развивающиеся сырьевые экономики, такие как Казахстан. Это и определяет научную новизну данной статьи.

Методология

В научной работе использованы методы системного, факторного и сравнительного анализов, а также логического синтеза. На основе системного, факторного и сравнительного анализов изучены предпосылки становления Китая в качестве мирового технологического лидера в области энергетики, а также выявлены факторы, предопределившие успех Китая в деле обеспечения энергетической безопасности и устойчивости страны. Кроме того, использование этих аналитических методов позволяет выявить связь между политическими решениями государства и экономической практикой для реализации стратегической цели превращения Китая не только в энергетически самодостаточную державу, но и экспортера своих технологических достижений, делающих страну важным игроком на мировой энергетической арене. Метод логического синтеза помогает соединить практику Китая с задачами и способами устойчивого развития энергетики Казахстана на стратегическую перспективу.

Основная часть

Структурная трансформация энергетики Китая

На фоне общего впечатляющего прогресса особенно заметны успехи Поднебесной в области «зеленого перехода», подтверждаемые результатами статистики и факторного анализа.

Подхватив в середине 2010-х годов идею ЕС по декарбонизации, Пекин существенно продвинулся по этому пути. Благодаря продуманному стратегическому видению, подкрепленному внушительным финансированием, КНР выбился в мировые лидеры по части разработки и внедрения зеленых технологий, а также реализации масштабных программ экологических преобразований. В результате системной экологической модернизации КНР удалось преодолеть критический уровень загрязнения атмосферного воздуха

в мегаполисах (проблему городского смога). На современном этапе страна трансформировалась в глобальный хаб по производству электротранспорта и высокотехнологичных накопителей энергии, параллельно демонстрируя устойчивую тенденцию к диверсификации национального энергобаланса за счет форсированного роста доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ).

Значимым является проект «Зеленого Шелкового пути», в рамках реализации которого на территории Китая было высажено около 1,5 млрд деревьев, преимущественно в аридных зонах пустынь Гоби и Такла-Макан. Данные масштабные лесомелиоративные мероприятия позволили не только локализовать процессы деградации земель, но и рекультивировать сотни квадратных километров пустынных территорий, восстановив их экосистемную пригодность для жизнедеятельности населения. Дополнительным социально-экономическим эффектом проекта стало сокращение безработицы за счет генерации тысяч постоянных рабочих мест в сфере лесного хозяйства и мониторинга зеленых насаждений

Наряду с лесомелиоративными инициативами, ключевым элементом модернизации КНР выступает глубинная трансформация национального энергетического сектора. Успех данного процесса, обусловленный долгосрочным стратегическим планированием и устойчивостью институциональной базы, позволил Китаю занять лидирующие позиции в глобальном энергетическом пространстве, что подтверждается выходом страны на первое место в мировом рейтинге энергетических держав по итогам 2024 года.

Фактором лидерства Китая является также коррекция приоритетов и направлений энергетического развития с учетом мировых трендов в сочетании с передовыми технологическими достижениями страны. Например, в 14-м пятилетнем плане (2021–2025 годы с видением до 2035 года) вместо ядерных технологий (одного из приоритетов 13-й пятилетки, 2016-2020 гг.) приоритетом были заявлены водородная энергетика и развитие возобновляемых источников энергии.

По данным на конец 2024 года, установленная электрическая мощность генерирующих источников Китая составила 3348,62 ГВт. В структурном отношении из них:

- **Возобновляемые источники** – 1784,60 ГВт (53,2%), из которых ГЭС – 377,26 ГВт (11%), ВЭС – 520,68 ГВт (15%), СЭС – 886,66 ГВт (26,4%). Основной тренд – развитие ВЭС и СЭС с целью достижения углеродной нейтральности к 2060 году.
- **Невозобновляемые источники** – 1564,0 ГВт (46,8%), из которых ТЭС, сжигающие органическое топливо – 1444,45 ГВт (43%), АЭС – 60,83 ГВт (1,8%), гидроаккумулирующие электростанции – 58,69 ГВт (1,7%). Акцент в развитии – на переход к «чистым технологиям» сжигания и водородной энергетике, а также использованию новых ядерных технологий.

В 2024 году производство электроэнергии-брутто составило 10086,9 млрд кВт·ч (10,08 Твт·ч), при потреблении свыше 9,5 Твт·ч [14].

При этом КНР продолжает наращивать свое лидерство в энергетике по целому ряду параметров: ежегодным темпам установки новых генерирующих

мощностей; новым и установленным мощностям в возобновляемой энергетике, а также общему объему энергетической системы страны и объемам потребления электроэнергии.

В частности, по данным Национального энергетического управления КНР, общий объем генерирующих мощностей в Китае по итогам 2025 года достиг показателя в 3,89 тераватт (ТВт) – это почти в 3 раза больше соответствующего показателя для США. Только за последние несколько лет, начиная с 2023 года, Китай ввел в строй генерирующие мощности, сопоставимые с общим объемом генерирующих мощностей США. В 2023 году в КНР было установлено 360 гигаватт (ГВт) новой генерации, затем 373 ГВт в 2024 и еще 543 ГВт [15] – в 2025 году, что в 8 раз больше, чем в США (64 Гвт). В BloombergNEF подсчитали, что КНР увечит энергомощности в следующие пять лет на более чем 3,4 ТВт, в шесть раз больше Соединенных Штатов [16].

Можно констатировать, что установленные на текущий момент мощности возобновляемой энергетики КНР уже превышают совокупный объем генерирующих мощностей США, Индии и Японии – стран, которые занимают 2-е, 3-е и 4-е места по объемам энергогенерации в мире. По итогам года энергопотребление, по данным властей КНР, составило 10,368 трлн киловатт-часов (10,368 ТВт-часов) – данный показатель больше совокупного потребления электроэнергии в 2025 году со стороны ЕС, РФ, Индии и Японии.

При этом каждый год основная доля в увеличении генерирующих мощностей КНР приходится на возобновляемую энергетику. В 2025 году в данном сегменте энергетики Китая совокупный объем генерации солнечной и ветряной энергетики впервые превысил генерацию на основе угля, по итогам года показатель установленной мощности составил 1,84 ТВт. Общий объем генерации возобновляемой энергетики Китая на начало 2026 года достиг 2,2 ТВт, что соответствует 60% всех энергогенерирующих мощностей КНР [17].

Следует отметить, что наращивание и диверсификация энергомощностей Китая имеет четкую цель. Энергетика должна поддерживать промышленные инновации, модернизацию и технологический прогресс. Первостепенное значение имеет снабжение энергоёмких объектов, имеющих ключевое значение для доминирования в развивающихся отраслях будущего (ИИ, робототехника, производство чипов). Это ядро экономической политики Китая в рамках 15-й пятилетки (2026-2030 годы), определяющей стратегию перехода страны от количественного роста к качественному, инновационному и устойчивому развитию.

В данном контексте внимание к опережающему развитию ВИЭ связано с решением задачи по снижению зависимости от импорта энергоносителей, укреплению глобальной конкурентоспособности и обеспечению повсеместной доступности электроэнергии для населения, т.е. обеспечению энергетической устойчивости Китая. Сегодня зеленые технологии – от солнечных панелей до электрокаров – обеспечивают более 10% ВВП Китая (1,85 трлн долларов США). Основной вклад в бум зеленых технологий вносят: производство солнечных панелей – отрасль производит 80% фотоэлементов в мире и экспортирует продукции на 50 млрд долларов (ежегодный рост отрасли составляет 62%); производство электромобилей – две трети мирового производства, ветроэнергетика – в 2024 году появилось 60 ГВт новых ветроэлектростанций

(+40% к 2023-му), в том числе 18 ветропарков на морском шельфе; зеленый водород: 35% мировых инвестиций в водородные технологии принадлежат Китаю. КНР также является бесспорным мировым лидером по производству электроаккумуляторов, что поддерживает ее ведущие позиции в мировой автомобильной промышленности.

Однако экстенсивное наращивание объемов генерации энергии не способно полностью нивелировать риски энергодефицита. Ключевое значение в данном контексте приобретает формирование сбалансированной и эффективной энергетической инфраструктуры, обеспечивающей надежную транспортировку и распределение ресурсов. В этом отношении Китай также демонстрирует впечатляющие результаты. Благодаря госпрограмме всеобщей электрификации в 2013-2015 годах доступ к электричеству удалось обеспечить практически по всей стране, включая труднодоступные районы Тибета, СУАР и провинции Ганьсу. Знаковыми стали проекты по электрической связанности запада и востока Китая, формированию распределенной электросети вдоль морского побережья. При этом Китай широко использует технологию сверхвысоковольтных линий электропередач (UHVDC) постоянного тока, потери которых при транспортировке электроэнергии составляют лишь 3% по сравнению с 6% в линиях переменного тока. За последние 10 лет Китай построил более трети всех передающих сетей высокого напряжения в мире (всего 500 тысяч километров), мощностью от 100 до 1100 вольт с дальностью транспортировки электроэнергии от сотен до нескольких тысяч километров [18]. Сегодня китайская State Grid Corporation of China является крупнейшим оператором электросетей в мире. При этом государственная компания на протяжении многих лет доводила технологию UHVDC до серийного производства: компоненты, такие как преобразователи, изоляторы, полупроводниковые клапаны и коммутационные устройства, в настоящее время почти полностью производятся в стране.

Данная технология становится популярной на экспортном рынке, особенно для территориально крупных стран – Бразилии, Индии, Канады, Австралии, Индонезии и др. Причем такие проекты, как SunCable (4200 километров от Австралии до Сингапура) или Xlinks (3800 километров от Марокко до Великобритании), показывают, что высоковольтные линии – особенно подводные линии – становятся ключевой технологией глобальной энергетической трансформации. Это преимущество, которое хорошо окупается в условиях глобальных кризисов поставок и геополитического напряжения, и, помимо прочего, обеспечивает технологическую независимость от других стран.

Второй момент связан с задачей хранения энергии, необходимого для обеспечения стабильной базовой нагрузки в электросети. Долгое время считалось, что недостатком ВИЭ является именно этот параметр, т.е. зависимость от природных условий. Однако прогресс в создании станций хранения энергии позволил в существенной степени снизить неблагоприятное воздействие данного фактора. Примеры из Китая достаточно красноречиво свидетельствуют о достижениях Поднебесной в этой области.

Так, в феврале 2026 года в китайской провинции Хэбэй введена в эксплуатацию первая в мире установка хранения электроэнергии на

мегааккумуляторных элементах емкостью 628 амперчасов (Ач), способная удерживать 400 мегаваттчасов (МВт·ч) [19]. По данным компании EVE Energy, совокупный выпуск аккумуляторных элементов емкостью 628 Ач уже превысил один миллион штук. «Эта цифра подтверждает надежность технологии и готовность к промышленной эксплуатации», - отмечают разработчики [10]. Кроме того, в 2026 году в провинции Цзянсу начала работу крупнейшая в мире электростанция по хранению энергии на основе сжатого воздуха: мощность хранилища составляет 2400 МВт·ч, а установленная генерирующая мощность – 600 МВт. Эта станция способна обеспечить электроэнергией до 600 тысяч домохозяйств в год [20]. Китай также лидирует в технологии гидроаккумулирующих электростанций, которая считается наиболее зрелым решением для крупномасштабного и долгосрочного хранения энергии. К концу 2024 года State Grid Corporation of China располагала 40,56 ГВт действующих гидроаккумулирующих мощностей, при этом еще 53,48 ГВт находились в стадии строительства. По мере того, как страна продолжает наращивать мощности возобновляемой энергетики, ожидается, что такие проекты будут играть решающую роль в стабилизации энергосистемы и максимальном использовании чистой энергии [21].

При этом правительство КНР поставило амбициозную цель ввести более 180 ГВт новых мощностей хранения к 2027 году, стимулируя развитие как аккумуляторных батарей, так и гидроаккумулирующих станций.

Дальновидным подходом отличается энергетическая политика Китая в отношении новых технологий в атомной энергетике. Здесь новым приоритетом становятся исследования в области ториевых электростанций и термоядерного синтеза.

Смещение акцента на ториевые электростанции (ТЭС) объясняется как технологическими причинами (большей безопасностью по сравнению с АЭС на уране, возможностью мобильного размещения), так и наличием значительного собственного сырьевого ресурса. Ториевые реакторы на расплавленных солях обладают фундаментальными преимуществами перед классическими энергоблоками с водяным охлаждением. Эксплуатация при атмосферном давлении минимизирует риски гидродинамических аварий и исключает паровой взрыв. Физико-химические свойства солевого теплоносителя обеспечивают пассивную локализацию аварии: в случае утечки расплав кристаллизуется, блокируя выброс радиоактивных веществ. Это освобождает установки от необходимости содержания сложных внешних контуров охлаждения, а генерация высокопотенциального тепла открывают перспективы их синергии с промышленными секторами, в частности, для декарбонизированного производства водорода и нужд централизованного теплоснабжения.

До сих пор массовое производство подобных реакторов останавливало отсутствие устойчивых к окислению при высокой температуре материалов. Построив и начав эксплуатацию 2-МВт реактора в пустыне Гоби (провинция Ганьсу), Китай доказал, что на этом направлении возможен прорыв. На практике были испытаны некоторые революционные технологии, включая жаропрочные сплавы, способные противостоять высоким температурам, радиации и химической коррозии. Новый и более мощный ториевый реактор

тепловой мощностью 60 МВт и электрической 10 МВт планируется к сдаче в эксплуатацию в 2029 году. Далее, эксперимент будет масштабирован уже на всю страну.

Переход к ториевому топливному циклу представляет стратегический интерес для КНР ввиду масштабной национальной ресурсной базы. Открытие во Внутренней Монголии уникального редкометалльно-ториевого месторождения Баян-Обо (Байюнь Обо) с запасами тория свыше 900 тыс. тонн способно, по оценкам экспертов, обеспечить долгосрочную энергетическую независимость страны на несколько тысячелетий. В академическом сообществе торий рассматривается как перспективная альтернатива урану благодаря более высокой распространенности в земной коре, отсутствию необходимости в промышленном обогащении и значительно меньшим объемам долгоживущих радиоактивных отходов. Отказ от водяного охлаждения в пользу жидкосолевой технологии позволяет диверсифицировать географию размещения таких объектов, особенно в формате малых модульных реакторов (ММР), включая аридные регионы. Несмотря на технологическую сложность, требующую создания специализированных реакторных установок с замкнутым ядерным топливным циклом, в настоящее время инженерный комплекс КНР осуществляет масштабирование данных прототипов для последующего коммерческого и промышленного использования.

Еще более амбициозные планы Пекин имеет в отношении термоядерного синтеза, в процессе которого лёгкие атомные ядра объединяются в более тяжёлые, высвобождая колоссальное количество энергии – большее, чем при делении ядер при их распаде. Потенциально такая энергия неисчерпаема, экологически чиста и безопасна, а её успешное освоение может стать новым этапом в развитии человеческой цивилизации.

Для решения этой задачи Китай реализует проект «искусственного Солнца» под названием BEST (Burning Experimental Superconducting Tokamak). Установка, разрабатываемая Институтом физики плазмы Китайской академии наук в городе Хэфэй (провинция Аньхой), может стать первой в мире термоядерной системой, способной генерировать электроэнергию в промышленных масштабах за счёт управляемого термоядерного синтеза. Завершить строительство экспериментального термоядерного реактора BEST в Китае планируют уже в 2027 году.

По словам официального представителя МИД КНР Мао Нин, первый демонстрационный запуск BEST и получение энергии состоятся к 2030 году [22]. Коммерческий запуск станций термоядерного синтеза в Китае планируется на 2050 год [23].

Результаты исследования

В целом, результаты исследования коррелируют с выводами международных экспертов, согласно которым китайская модель развития энергетики демонстрирует три элемента, которые будут иметь решающее значение в будущем:

- Системное планирование вместо отдельных проектов;
- Скорость благодаря государственной координации;
- Интеграция как стратегический приоритет [24-25].

Следовательно, декарбонизация энергетики и промышленности Китая следует рассматривать как сложную систему, управляемую синергетическим взаимодействием четырех базовых блоков факторов: институционально-политических, финансово-инвестиционных, промышленно-технологических и геоэкономических (ресурсных) (рис.1).

Рисунок 1. Системные факторы лидерства КНР в энергопереходе

Источник: составлено авторами

Таким образом, базируясь на материалах настоящего исследования, можно сделать вывод, что благодаря системному стратегическому видению будущего социально-экономического развития страны, грамотному планированию и распределению государственного бюджета, масштабным инвестициям и оперативному внедрению инноваций, основанных на качественном интеллектуальном капитале, Китай в обозримой перспективе останется в топе участников мировой гонки за технологическое лидерство.

Дискуссии / обсуждения

Успехи Китая в деле энергетической революции позволяют сделать вывод о наличии также и у Казахстана сырьевого и институционального потенциала для трансформации собственной энергетики в сторону развития «чистой» энергии. Важнейшими условиями для этого выступают соответствующая политическая воля и грамотная стратегия властей, опирающаяся на преимущества инновационных энергетических решений, целенаправленную поддержку отрасли и эффективное сотрудничество с передовыми энергетическими державами, в том числе с Китаем.

На фоне внушительных достижений Китая в сфере энергетики Казахстану в первую очередь необходимо внимательно отнестись к китайскому опыту стратегического планирования развития отрасли. Комплексный подход в этом отношении должен включать сопряжение общих стратегических и экономических целей, республиканских и региональных планов развития

(вплоть до детализации на местном уровне), оценки финансовых и ресурсных возможностей (включая человеческий капитал, т.е. кадровый потенциал), проработку проектов для реализации, а также перспективы продвижения проектов и их продукции на внутреннем и внешнем рынках. В этой связи целесообразно включать в команды плановиков и проектировщиков группы инженеров-прогнозистов, которые должны давать инженерную оценку эффективности проектов, в том числе с учетом инновационных решений.

Кроме того, нуждается в поддержке государства программа развития человеческого капитала за счет повышения уровня и качества образования и науки. Расходы на образование и науку в Казахстане (906 млрд тенге, 3,2% бюджета) и Китая (752 млрд долларов, 16% бюджета) явно несопоставимы, что обрекает нашу страну на перманентное отставание. Здесь также важно обратить внимание на инновационность знаний, чтобы не закреплять рефлексивный характер образования и науки – ответ на запросы прошлого, а не будущего. Стране настоятельно нужны образовательные и научно-исследовательские «единороги», способные создавать новые, востребованные продукты на базе НИОКР.

В техническом плане важна ориентация на технологии будущего – ТЭС и установки термоядерного синтеза. В рамках зеленого перехода также большое значение приобретает развитие ВИЭ, особенно СЭС и ВЭС, где у Казахстана имеется громадный потенциал. Затраты на их строительство, как финансовые, так и временные, при постоянно дешевеющей стоимости производства на них электроэнергии, делают ВИЭ более предпочтительным вариантом по сравнению с угольной и атомной генерацией.

Следует уделить внимание на пропорциональное развитие генерирующих энергомощностей и энергетической инфраструктуры (линий передач, трансформаторных подстанций, систем хранения энергии). Помимо стабильного электроснабжения промышленности и населенных пунктов, это также важно с точки зрения развития систем искусственного интеллекта – стратегической цели, поставленной Президентом К.К.Токаевым. В данном контексте ключевое значение приобретают центры обработки данных (ЦОД). Они являются критически важной инфраструктурой современной цифровой экономики, обеспечивающих работу систем аналитики больших данных, развитие ИИ и автономных систем вычисления, а также облачных платформ. Сегодня ЦОД становятся в одни из крупнейших потребителей электроэнергии в мире (в 2024 году – 415 ТВт-ч, что составляет около 1,5% от глобального потребления электроэнергии). По оценкам экспертов, к 2030 году объем энергопотребления ЦОД удвоится и превысит 940 ТВт-ч (3% мирового энергопотребления). Причем в 2025 году из 82 ГВт мировой потребности в установленной мощности для ЦОД 54% составили системы, связанные с решением ИИ-задач. По разным оценкам, к 2030 году развитие ИИ в мире, включая обучение и инференс, потребует в 3,5 раза больше установленных мощностей [33].

Чтобы не отстать от мировых трендов, Казахстану также потребуется создание собственной сети ЦОД, в том числе для нужд систем ИИ. При этом, с учетом принципиально более высокой плотности энергопотребления инфраструктуры ИИ по сравнению с обычными ЦОД (в 10-12 раз), необходимо

предусмотреть меры по созданию соответствующей электросетевой инфраструктуры, способной выдерживать высокие плотности нагрузки, а также обеспечению ее энергоэффективности и интеграции новых нагрузок в энергосистему.

В число стратегических приоритетов развития энергетической отрасли должно быть включено увеличение собственного производства оборудования и элементов для энергетической инфраструктуры – высоковольтных кабелей, трансформаторов, аккумуляторных батарей, солнечных панелей и пр. Это необходимо не только для достижения технологической независимости, но и встраивания в глобальные цепочки добавленной стоимости. Так, мир все в большей степени нуждается в высокопроизводительных полупроводниках для преобразовательных станций, нарастает дефицит алюминия, меди, стали и никеля, с 2021 года в два раза увеличились сроки поставок трансформаторов. При этом Китай готов увеличивать экспорт своих новых технологий, а не только готовой продукции, что может быть использовано Казахстаном для модернизации отечественной энергетики. В данной связи отрадно, что сотрудничество Казахстана с Китаем в энергетической сфере, служащее благу обеих стран, набирает обороты [34-37].

Таким образом, беря на вооружение лучший мировой опыт и передовые технологии, Казахстан может стать сильной энергетической державой, способной вносить заметный вклад в региональную и глобальную энергетическую безопасность.

Заключение

Тема «зеленого перехода» неоднократно обсуждалась в мировой науке в рамках борьбы с негативными климатическими изменениями. Начиная с доклада «Пределы роста» Римского клуба (1972 г.), эта тема неоднократно обсуждалась в мировом дискурсе, породив среди глобальное «зеленое движение» (экологистов), а также дав начало регулярным экологическим саммитам (COP). Заданный импульс, вошедший в мировую повестку дня, способствовал принятию важных политических решений в сфере климата, таких, как Киотский протокол 1998 года, Цели устойчивого развития ООН до 2030 года (2015 г.), Парижское соглашение по климату (2015 г.), «Зеленая сделка» ЕС (2019 г.). За прошедшее время на тему «зеленого перехода» написаны миллионы публикаций во всем мире, в том числе и в Казахстане [26-31]. В национальном разрезе тема развития «зеленой энергетики» неоднократно поднималась на совещаниях профильного министерства, а также в ходе обсуждений на экспертных площадках Казахстана [32]. С учетом этих мнений и оценок, авторами статьи была предпринята попытка дать собственное видение и рекомендации по перспективам энергетической отрасли Казахстана в контексте использования китайского опыта энергоперехода.

Список литературы:

1. Китай стал мировым лидером в 90% критических технологий – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://vk.com/wall-30457095_24106.
2. Золотарев А.П., Борель А.Э. Анализ подходов к распределению бюджетных средств на поддержку развития науки и технологий в КНР. // Вопросы инновационной экономики. - Т.14. - №4 (октябрь-ноябрь). – 2024. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.analiz-podhodov-k-raspredeleniyu-byudzhetnyh-sredstv-na-podderzhku-razvitiya-nauki-i-tehnologiy-v-knr.pdf
3. Траты Китая на науку и технологии выросли на фоне противостояния с США. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://news.rambler.ru/tech/52385891-traty-kitaya-na-nauku-i-tehnologii-vyrosli-na-fone-protivostoyaniya-s-ssha/?ysclid=mlj6mmyxen597016249
4. Расходы КНР на образование в 2023 году превысили 900 млрд. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://silkroadnews.org/ru/news/raskhody-knr-na-obrazovanie-v-2023-godu-prevysili-$900-mlrd
5. Топ-100 университетов мира по версии QS 2025. – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://ed-ex.com/ru/blog/top-100-universitetov-mira-po-versii-qs-2025?ysclid=mlj8opr5pk611093121.
6. China Energy Transition Review 2025 // Ember. – 2025. – 43 p. – URL: https://ember-energy.org/app/uploads/2025/09/China-Energy-Transition-Review-2025.pdf (дата обращения: 29.05.2026).
7. Shunji Cui. Perspectives from China's Energy Development and Transition // IDE Discussion Paper. – Chiba : Institute of Developing Economies, 2017. – No. 668. – 28 p. – URL: ide.go.jp (дата обращения: 29.05.2026).
8. Experiences and lessons for China's energy transition // ScienceDirect. Energy Policy. – 2023. – Vol. 178. – Art. 113615. – DOI: 10.1016/j.enpol.2023.113615. – URL: sciencedirect.com (дата обращения: 29.05.2026).
9. Kong Y., Feng C., Yang J. How does China manage its energy market? A perspective of policy evolution // Energy Policy. – 2020. – Vol. 147. – Art. 111898. – DOI: 10.1016/j.enpol.2020.111898. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0301421520306121 (дата обращения: 29.05.2026).
10. Darke W., Karatayev M. Evaluating sustainable energy security in China and Kazakhstan: A comprehensive data-driven approach // Environmental and Sustainability Indicators. – 2025. – Vol. 26. – Art. 100624. – DOI: 10.1016/j.indic.2025.100624. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2665972725000455 (дата обращения: 29.05.2026).
11. Howie P., Akhmetov D. Socio-economic constraints to low-carbon transitions: insights from Kazakhstan's Emissions Trading Scheme // Climate Policy. – 2024. – Vol. 24, iss. 8. – P. 1015-1031. – DOI: 10.1080/14693062.2024.2337178. – URL: tandfonline.com (дата обращения: 29.05.2026).
12. Грозин А. В. Республика Казахстан и мировые стратегии «зеленого перехода» // Геоэкономика энергетики. – 2025. – № 1 (29). – С. 141–164. – DOI: 10.48137/26870703_2025_29_1_141. – URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 29.05.2026).
13. Kelsall T., Steadman S., Gilmour A. Financing Kazakhstan's energy transition: Possibilities and prospects for a country platform // ODI Working Paper. – London : ODI Global, 2024. – 36 p. – URL: https://media.odi.org/documents/Financing_Kazakhstans_energy_transition_Possibilities_and_prospects_for_a_coun_ChiGp6U.pdf (дата обращения: 29.05.2026).
14. Энергетический профиль Китая - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.eeseaec.org/energetika-azii-i-okeanii/energeticeskij-profil-kitaya; Электроэнергетика Китая - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/6/1307/
15. Китай ускоряет ввод новых энергетических мощностей - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://worldmarketstudies.ru/article/kitaj-usko-

raet-vvod-novyh-energeticeskih-mosnostej
16. КНР за год прибавила 543 ГВт – Россия за 18 лет планирует всего 88,5 ГВт (6 февраля 2026 г.) | M O N D I A R A - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://news.mondiara.com/categories/4/posts/184488
17. Зеленый дракон: как солнечные батареи и электромобили изменили энергетику Китая - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.techinsider.ru/technologies/1699789-zelenyi-drakon-kak-solnechnye-batarei-i-elektromobili-izmenili-energetiku.
18. Первая в мире станция на гигантских батареях заработала в Китае -[Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://dzen.ru/a/aY7IL9SrMzjM0k2C.
19. Запущена в эксплуатацию крупнейшая в мире пневмоэлектростанция - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.mk.ru/science/2026/01/27/zapushhena-v-ekspluataciyu-krupneyshaya-v-mire-pnevmoelektrostanciya.html
20. В Китае заработала крупнейшая в мире гидроаккумулирующая станция. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://high-tech.plus/2025/01/10/v-kitae-zarabotala-krupneishaya-v-mire-gidroakkumuliruyushaya-stanciya
21. Первый в мире источник термоядерной энергии: Китай построит своё «Искусственное Солнце» в 2027 году, а получение энергии состоятся к 2030 году - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.ixbt.com/ news/2025/10/27/pervyj-v-mire-istochnik-termojadernoj-jenergii-kitaj-postroit-svojo-iskusstvennoe-solnce-v-2027-godu.html
22. Китай запустит «искусственное солнце», чтобы получать бесконечную чистую энергию - [Электронный ресурс]. - Режим доступа:
23. https://24tv.ua/trends24/ru/kitaj-zapustit-proekt-iskusstvennoe-solnce-k-2050-godu-chto-takoe-iskusstvennoe-solnce-trendy_n2773089
24. So wird Chinas Stromnetz zum globalen Vorbild - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.handelsblatt.com/unternehmen/ energie/
25. energiewende-so-wird-chinas-stromnetz-zum-globalen-vorbild/100179732.html;
26. Как Китай изобретает электросеть будущего - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://inosmi.ru/20260114/kitay-276605409.html?ysclid=mlm20wfpy5511475770
27. Полищук В.И., Боровиков Ю.С. Общая энергетика: учебное пособие. – Томск. – 2013. – 201 с.
28. Отешова А. К., Кайыргали А. К., Базарный Н. С. Потенциал альтернативной энергетики, развитие «зеленой экономики» в Казахстане // Материалы международной научно-практической конференции – 2020. – С. 209-214.
29. Упушев Е. М., Болатбек Б. Б. Развитие возобновляемых источников энергии в Республике Казахстан в XXI веке // Вестник КазЭУ. – 2012. – № 6(89). – С. 38-44.
30. Сансызбаева Г. Н., Аширбекова Л. Ж. Перспективы развития возобновляемых источников энергии в Казахстане // Central Asian Economic Review. – 2020. – № 4(133). – С. 101-116.
31. Mouraviev N. Renewable energy in Kazakhstan: Challenges to policy and governance // Energy Policy. – 2021. – № 149. – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://econpapers.repec.org/article/eeeenepol/v_3a149_3ay_ 3a2021_3ai_3ac_3as030142152030762x.html.
32. Raihan A., Tuspekova A. Role of economic growth, renewable energy, and technological innovation to achieve environmental sustainability in Kazakhstan // Current Research in Environmental Sustainability. – 2022. – № 4. – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://pure.kfupm.edu.sa/en/publications/role-of-economic-growth-renewable-energy-and-technological-innova/
33. Ду Бинхан, Жұман Ж., Макулова А.Т. Энергетический потенциал Казахстана и его влияние на энергетическую стратегию Китая. // Central Asian Economic Review. – №1 (2024). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://caer.narxoz.kz/jour/article/view/1094; https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-1-44-54

34. Центры обработки данных становятся одними из главных энергопотребителей - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.ng.ru/ng_energiya/2026-01-22/9_9421_ai.html
35. Китай и Казахстан: новая эра энергетического сотрудничества. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://dknews.kz/ru/shelkovyy-put/328123-kitay-i-kazahstan-novaya-era-energeticheskogo-sotrudnichestva
36. Kazakhstan Energy Investment: совместный отчёт Китая и Казахстана по зелёной энергии - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://dknews.kz/ru/shelkovyy-put/378288-kazakhstan-energy-investment-sovmestnyy-otchet-kitaya-i-kazahstana

References:

1. Kitaj stal mirovym liderom v 90% kriticheskih tehnologij [China has become a global leader in 90% of critical technologies] - https://vk.com/wall-30457095_24106.
2. Zolotarev A.P., Borel A.E. Analiz podhodov k raspredeleniyu byudzhetnyh sredstv na podderzhku razvitija nauki I tehnologij v KNR [Analysis of approaches to allocating budget funds for supporting the development of science and technology in China]. //Issues of innovative economy. – B.14. - № 4. (okober-november). – 2024. - [Electronniy resurs]: www.analiz-podhodov-k-raspredeleniyu-byudzhetnyh-sredstv-na-podderzhku-razvitiya-nauki-i-tehnologiy-v-knr.pdf
3. Ttraty-kitaya-na-nauku-i-tehnologii-vyrosli-na-fone-protivostoyaniya-s-ssha [China's spending on science and technology has increased amid its confrontation with the United States.] //https://news.rambler.ru/tech/52385891-traty-kitaya-na-nauku-i-tehnologii-vyrosli-na-fone-protivostoyaniya-s-ssha/?ysclid=mlj6mmyxen597016249
4. Raskhody-knr-na-obrazovanie-v-2023-godu-prevysili-$900-mlrd [China's education spending exceeded $900 billion in 2023]. //https://silkroadnews.org/ru/news/raskhody-knr-na-obrazovanie-v-2023-godu-prevysili-$900-mlrd
5. Top-100-universitetov-mira-po-versii-qs-2025 – [Top 100 Universities in the World by QS 2025]. // https://ed-ex.com/ru/blog/top-100-universitetov-mira-po-versii-qs-2025?ysclid=mlj8opr5pk611093121.
6. China Energy Transition Review 2025 // Ember. – 2025. – 43 p. – URL: https://ember-energy.org/app/uploads/2025/09/China-Energy-Transition-Review-2025.pdf (дата обращения: 29.05.2026).
7. Shunji Cui. Perspectives from China's Energy Development and Transition // IDE Discussion Paper. – Chiba : Institute of Developing Economies, 2017. – No. 668. – 28 p. – URL: ide.go.jp (дата обращения: 29.05.2026).
8. Experiences and lessons for China's energy transition // ScienceDirect. Energy Policy. – 2023. – Vol. 178. – Art. 113615. – DOI: 10.1016/j.enpol.2023.113615. – URL: sciencedirect.com (дата обращения: 29.05.2026).
9. Kong Y., Feng C., Yang J. How does China manage its energy market? A perspective of policy evolution // Energy Policy. – 2020. – Vol. 147. – Art. 111898. – DOI: 10.1016/j.enpol.2020.111898. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0301421520306121 (дата обращения: 29.05.2026).
10. Darke W., Karatayev M. Evaluating sustainable energy security in China and Kazakhstan: A comprehensive data-driven approach // Environmental and Sustainability Indicators. – 2025. – Vol. 26. – Art. 100624. – DOI: 10.1016/j.indic.2025.100624. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2665972725000455 (дата обращения: 29.05.2026).
11. Howie P., Akhmetov D. Socio-economic constraints to low-carbon transitions: insights from Kazakhstan's Emissions Trading Scheme // Climate Policy. – 2024. – Vol. 24, iss. 8. – P. 1015-1031. – DOI: 10.1080/14693062.2024.2337178. – URL: tandfonline.com (дата обращения: 29.05.2026).
12. Grozin A. V. Respublika Kazakhstan i mirovye strategii «zelenogo perek-

hoda» [The Republic of Kazakhstan and Global Strategies of the "Green Transition"] // Geoeonomika Energetiki [Geoeconomics of Energetics]. – 2025. – No. 1 (29). – P. 141–164. – DOI: 10.48137/26870703_2025_29_1_141. – URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 29.05.2026). [In Russ.].
13. Kelsall T., Steadman S., Gilmour A. Financing Kazakhstan's energy transition: Possibilities and prospects for a country platform // ODI Working Paper. – London : ODI Global, 2024. – 36 p. – URL: https://media.odi.org/documents/Financing_Kazakhstans_energy_transition_Possibilities_and_prospects_for_a_coun_ChiGp6U.pdf (дата обращения: 29.05.2026).
14. Energeticeskij-profil-kitaya [China's Energy Profile]. - // https://www.eeseaec.org/energetika-azii-i-okeanii/energeticeskij-profil-kitaya; Elektroenergetika Kitaya [China's Electric Power Industry]. // https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/6/1307/
15. Kitaj-uskoraet-vvod-novyh-energeticeskih-mosnostej - [China is accelerating the commissioning of new energy facilities]. // https://worldmarketstudies.ru/article/kitaj-uskoraet-vvod-novyh-energeticeskih-mosnostej
16. KNR za god pribavila 543 GWt – Rossiya za 18 let planiruet vsego 88,5 GWt (6 Fevralya 2026) [China added 543 GW in one year, while Russia plans to add only 88.5 GW in 18 years] (February 6, 2026) | M O N D I A R A. // https://news.mondiara.com/categories/4/posts/184488
17. Zelenyi-drakon-kak-solnechnye-batarei-i-elektromobili-izmenili-energetiku Kitaya. [The Green Dragon: How Solar Panels and Electric Vehicles Have Changed China's Energy Landscape]. //https://www. techinsider.ru/technologies/1699789-zelenyi-drakon-kak-solnechnye-batarei-i-elektromobili-izmenili- energetiku.
18. Pervaya v mire stanciya na gigantskih batareyah zarabotala v Kitae [The world's first giant battery-powered station was launched in China]. //https://dzen.ru/a/aY7IL9SrMzjM0k2C.
19. Zapushhena-v-ekspluataciyu-krupneyshaya-v-mire-pnevmoelektrostan-ciya [The world's largest pneumatic power plant has been put into operation]. //https://www.mk.ru/science/2026/01/27/zapushhena-v-ekspluataciyu-krupneyshaya-v-mire-pnevmoelektrostanciya.html
20. V-kitae-zarabotala-krupneishaya-v-mire-gidroakkumuliruyushaya-stanciya [The world's largest pumped-storage hydroelectric power plant has been launched in China]. // https://hightech.plus/2025/01/10/v-kitae-zarabotala-krupneishaya-v-mire-gidroakkumuliruyushaya-stanciya
21. Pervyj-v-mire-istochnik-termojadernoj-jenergii-kitaj-postroit-svojo-iskusstvennoe-solnce-v-2027 [The World's First Thermonuclear Energy Source: China Will Build Its "Artificial Sun" in 2027]. // https://www.ixbt.com/news/2025/10/27/pervyj-v-mire-istochnik-termojadernoj-jenergii-kitaj-postroit-svojo-iskusstvennoe-solnce-v-2027-godu.html
22. Kitaj zapustit «iskusstvenoye solnce», chtoby poluchat beskonechnuyu chistuyu energiyu [China will launch an «artificial sun» to generate endless clean energy]. // https://24tv.ua/trends24/ru/kitaj-zapustit-proekt-iskusstvennoe-solnce-k-2050-godu-chto-takoe-iskusstvennoe-solnce-trendy_n2773089
23. So wird Chinas Stromnetz zum globalen Vorbild [This is how China's power grid becomes a global role model]. // https://www.handelsblatt.com/unternehmen/energie/energiewende-so-wird-chinas-stromnetz-zum-globalen-vorbild/ 100179732.html;
24. Kak Kitaj izobretaet elektroset buduschego [How China is reinventing the electric grid of the future]. // https://inosmi.ru/20260114/kitay-276605409.html?ysclid=mlm20wfpy 5511475770
25. Polischuk V.I., Borovikov Y.S.Obshchaya energetika: uchebnoe posobie. [Polischuk V.I., Borovikov Y.S.General Energy: A Textbook]. – Tomsk. – 2013. – 201 p.
26. Oteshova, A. K., Kajyrgali, A. K., & Bazarnyj, N. S. (2020). Potencial al'ternativnoj energetiki, razvitie «zelenoj ekonomiki» v Kazahstane. [The potential of alternative energy, the development of the 'green economy' in Kazakhstan] // Materials of the international scientific-practical conference, Pp.209-214 (In Russian).
27. Upushev, E. M., & Bolatbek, B. B. (2012). Razvitie vozobnovlyaemyh istoch-

nikov energii v Respublike Kazahstan v XXI veke. [Development of renewable energy sources in the Republic of Kazakhstan in the 21st century] // Vestnik KazEU, 6(89), Pp.38-44 (In Russian).
28. Sansyzbaeva, G. N., & Ashirbekova, L. ZH. (2020). Perspektivy razvitiya vozobnovlyaemyh istochnikov energii v Kazahstane. [Prospects for the development of renewable energy sources in Kazakhstan] // Central Asian Economic Review, 4(133), Pp.101-116 (In Russian).
29. Mouraviev N. Renewable energy in Kazakhstan: Challenges to policy and governance // Energy Policy. – 2021. – № 149. //https://econpapers.repec.org/article/eeeenepol/v_3a149_3ay_3a2021_3ai_3ac_3as030142152030762x.html.
30. Raihan A., Tuspekova A. Role of economic growth, renewable energy, and technological innovation to achieve environmental sustainability in Kazakhstan // Current Research in Environmental Sustainability. – 2022. – № 4. // https://pure.kfupm.edu.sa/en/publications/role-of-economic-growth-renewable-energy-and-technological-innova/
31. Du Binhan, Zhuman J., Maulova A.T. Energeticheskiy potentsial Kazakhstana i ego vliyanie na energeticheskuyu strategiyu Kitaya [Kazakhstan's energy potential and its impact on China's energy strategy] – Central Asian Economic Review. – №1 (2024) //https://caer.narxoz.kz/ jour/article/view/1094; https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-1-44-54
32. Zentry obrabotki dannyh stanovyatsya odnimi iz glavnyh energopotrebitelej [Data centers are becoming one of the main consumers of energy]. //https://www.ng.ru/ng_energiya/2026-01-22/9_9421_ai.html
33. Kitay-i-kazahstan-novaya-era-energeticheskogo-sotrudnichestva [China and Kazakhstan: a new era of energy cooperation]. //https://dknews.kz/ru/shelkovyy-put/328123-kitay-i-kazahstan-novaya-era-energeticheskogo-sotrudnichestva
34. Kazakhstan-energy-investment-sovmestnyy-otchet-kitaya-i-kazahstana po zelenoi energii [Kazakhstan-energy-investment: Joint report of China and Kazakhstan on green energy] - //https://dknews.kz/ru /shelkovyy-put/378288-kazakhstan-energy-investment-sovmestnyy-otchet-kitaya-i-kazahstana

Материал поступил в редакцию 12.05.2026
Утвержден к публикации 18.06.2026

IRSTI:
06.77.97

THE SOCIO-TECHNICAL IMPACT OF AI IN HRM: THE GENDER PAY GAP IN KAZAKHSTAN

Madina Ishkibayeva[1*]
Daniyar Kaldiyarov[2]
Aida Ussenova[2]

[1*] Eurasian Institute for Interdisciplinary Studies, PhD Candidate, Almaty, Kazakhstan; e-mail: mmaratova575@gmail.com, ORCID ID: 0009-0002-3859-2083
[2] Professor of I. Zhansugurov Zhetysu University, Doctor of Economics, Taldykorgan, Kazakhstan; e-mail: kaldiyarov@gmail.com, ORCID ID: 0000-0002-0181-2962
[3] Associate Professor of I. Zhansugurov Zhetysu University, Candidate of Pedagogical Sciences, Taldykorgan, Kazakhstan; e-mail: a.ussenova@bk.ru, ORCID ID: 0000-0002-6786-5549

https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.2.010

Abstract. This study investigates how Artificial Intelligence (AI) biases in Human Resource Management (HRM) contribute to the persistent 25.7% gender wage gap in Kazakhstan. The research aims to establish how algorithmic systems, often perceived as «objective», codify historical and structural discrimination into mathematical justifications for unequal pay. Utilizing an integrative literature review methodology, the study analyzed 51 peer-reviewed articles to synthesize diverse theoretical and empirical perspectives on AI's socio-technical impact. The findings identify four themes based on thematic analysis with its critical mechanisms through which bias is automated (historical mirroring, neutrality assumption, the codification of desired salary, the motherhood penalty). By specifically examining the architectural features of dominant national recruitment platforms HeadHunter.kz and Enbek.kz , the research results suggest that as Kazakhstan rapidly adopts digital tools under national initiatives, it risks institutionalizing systemic inequality. The study implies an urgent need for local algorithmic audits and regulatory frameworks to ensure that the technological transition promotes social justice rather than automating the existing wage gap.

Keywords: *human resource management (HRM), gender wage gap, gender inequality, artificial intelligence (AI), vertical segregation.*

АДАМ РЕСУРСТАРЫН БАСҚАРУДАҒЫ ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТІНІҢ ӘЛЕУМЕТТІК-ТЕХНИКАЛЫҚ ӘСЕРІ: ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ГЕНДЕРЛІК ЕҢБЕКАҚЫ АЛШАҚТЫҒЫ

Мадина Ишкибаева[1*], Данияр Калдияров[2], Аида Усенова[3]

[1] Пәнаралық зерттеулердің еуразиялық институтының PhD докторанты,

[2] І. Жансүгіров атындағы Жетісу университетінің профессоры, экономика ғылымдарының докторы,

[3] І. Жансүгіров атындағы Жетісу университетінің қауымдастырылған профессоры, педагогика ғылымдарының кандидаты.

Аңдатпа. Бұл зерттеуде адам ресурстарын басқарудағы (HRM) жасанды интеллект (ЖИ) алгоритмдерінің қателіктері Қазақстандағы 25,7% гендерлік еңбекақы алшақтығының сақталуына қалай әсер ететіні қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – жиі «объективті» деп қабылданатын алгоритмдік жүйелердің тарихи және құрылымдық кемсітушілікті тең емес еңбекақы төлеудің математикалық негіздемесіне қалай айналдыратынын анықтау. Әдебиеттерге кешенді шолу жасау әдістемесін қолдана отырып, ЖИ-дің әлеуметтік-техникалық әсеріне қатысты түрлі теориялық және эмпирикалық көзқарастарды жинақтау үшін 51 рецензияланған мақала талданды. Тақырыптық талдау нәтижесінде қателіктерді автоматтандыратын төрт негізгі тақырыбы анықталды: тарихи бейнелеу, бейтараптық болжамы, қалаулы жалақыны кодификациялау және аналық мәртебесі үшін кемсітушілік. Зерттеуде еліміздегі басты жұмысқа орналасу платформалары – HeadHunter.kz және Enbek.kz жүйелерінің архитектуралық ерекшеліктеріне ерекше назар аударылған. Зерттеу нәтижелері көрсеткендей, Қазақстан ұлттық бастамалар аясында цифрлық құралдарды қарқынды енгізе отырып, жүйелі теңсіздікті институттандыру қаупіне тап болып отыр. Зерттеу қорытындысы технологиялық көшпелі кезең еңбекақы алшақтығын автоматтандыруға емес, әлеуметтік әділеттілікке қызмет етуі үшін жергілікті алгоритмдік аудит жүргізу мен нормативтік-құқықтық базаны құрудың шұғыл қажеттілігін негіздейді.

Түйін сөздер: *дам ресурстарын басқару (HRM), гендерлік еңбекақы алшақтығы, гендерлік теңсіздік, жасанды интеллект (ЖИ), вертикалды сегментация.*

СОЦИОТЕХНИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ ИИ В УПРАВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ: ГЕНДЕРНЫЙ РАЗРЫВ В ОПЛАТЕ ТРУДА В КАЗАХСТАНЕ

Мадина Ишкибаева[1*], Данияр Калдияров[2], Аида Усенова[3]

[1] Докторант PhD Евразийского института междисциплинарных исследований,

[2] Профессор Жетысуского университета имени И. Жансугурова, доктор экономических наук,

[3] Ассоциированный профессор Жетысуского университета имени И. Жансугурова, кандидат педагогических наук.

Аннотация. В этом исследовании исследуется, как предубеждения в отношении искусственного интеллекта (ИИ) в управлении человеческими ресурсами (HRM) способствуют сохранению 25,7%-ного гендерного разрыва в заработной плате в Казахстане. Цель исследования - установить, как алгоритмические системы, часто воспринимаемые как «объективные», превращают историческую и структурную дискриминацию в математические обоснования неравной оплаты труда. Используя методологию комплексного обзора литературы, в исследовании были проанализированы 51 рецензируемые статьи, чтобы обобщить различные теоретические и эмпирические точки зрения на социально-техническое воздействие искусственного интеллекта. Результаты исследования выявили четыре темы, основанные на тематическом анализе с его важнейшими механизмами, с помощью которых автоматизируется предвзятость (историческое отражение, допущение нейтральности, кодификация желаемой зарплаты, наказание за материнство). Особое внимание уделяется архитектурным особенностям доминирующих национальных платформ по подбору персонала HeadHunter.kz и Enbek.kz. Результаты исследования показывают, что по мере того, как Казахстан быстро внедряет цифровые инструменты в рамках национальных инициатив, существует риск институционализации системного неравенства. Исследование предполагает настоятельную необходимость проведения местных алгоритмических аудитов и создания нормативно-правовой базы для обеспечения того, чтобы технологический переход способствовал социальной справедливости, а не автоматизации существующего разрыва в заработной плате.

Ключевые слова: *управление человеческими ресурсами (HRM), гендерный разрыв в оплате труда, гендерное неравенство, искусственный интеллект (ИИ), вертикальная сегрегация.*

Introduction

In 2026, Kazakhstan will officially observe the "Year of Digitalization and Artificial Intelligence" following an executive order signed by President Kassym-Jomart Tokayev. This initiative, which the President originally introduced during his New Year's Eve address, aims to accelerate the nation's technological evolution [1].

While the national goal is digitalization, it is worth noting the definition of Artificial Intelligence as the capacity of artificial systems, comprising algorithms and software programs, to interpret data, learn from it, and use that knowledge to perform tasks with a level of autonomy comparable to human behavior . In the context of HRM, AI is applied to support or automate processes ranging from recruitment to talent retention, always with the aim of optimizing decision-making, forecasting trends, and improving operational efficiency [2]. Before analyzing AI's role, the context of the Kazakhstani labor market must be established. Research confirms that the wage gap is deeply rooted in structural issues. Although research into this issue in the countries of Central, specifically Kazakhstan, is limited, the most significant factors are the overrepresentation of women in lower-wage industries and their underrepresentation in leadership and high-tech roles [3]. Data from the Eurasian Journal of Gender Studies (2025) shows that concentration in sectors like trade strongly correlates with maintaining the pay gap [4].

Institutional barriers and social attitudes regarding gender roles continue to exert a powerful downward pressure on female wages in Kazakhstan. This systemic discrimination, documented by Yemelina et al (2024), suggests that there is a profound disconnect between human capital and economic reward [3]. In other words, while women are meeting often exceeding educational requirements, the labor market fails to translate these qualifications into job security and pay parity. This suggests that wage is not the result of a lack of human capital (education), but rather a manifestation of structural biases that resist even high levels of professional competence

While it is argued that the disproportionate burden of domestic labor and childcare may discourage women from pursuing high-investment career paths, empirical realities suggest a more nuanced picture. Rather, the literature states that women choose jobs that might offer greater stability and reduced physical rigor, which in turn acts as a secondary driver for the wage gap [5], [6]. The state's prohibition of female labor in 299 specific occupations, which refer to highly paid roles, remains a significant factor in the country's wage gap. However, some authors state that such banning contradicts human rights. It is mostly explained with former Soviet Union (FSU) economies, where there was a gendered economic map mostly prevailing with male domains in the highest-paying sectors [7].

Nonetheless, the «glass ceiling» in Kazakhstan is not merely a result of industry choice, but a product of vertical segregation driven by deep-seated beliefs about family roles. The data reveals a profound disparity in how the institution of marriage is valued by the labor market. In other words, unmarried women consistently earn more than their married or divorced counterparts, yet married men enjoy a staggering 20-30% wage advantage over single men. This suggests that the contribution of marital status to the overall wage gap highlights a systemic bias that prioritizes traditional family structures for men while simultaneously devaluing them for women. Regarding integration of AI systems into Kazakhstani HRM practices, they ingest that 'Married Man' is a predictor of high performance, while 'Married Woman' is a predictor of career stagnation. If an algorithm is tasked to identify a 'stable, high potential leader', it will be highly likely to learn to assign a higher score to married men. Therefore, by treating marriage as an "objective" feature, the AI effectively automates a cultural bias, transforming a social stereotype into a mathematical justification for the wage gap.

Theoretical Framework

According to the data from the Agency for Statistics of the Republic of Kazakhstan (2025), gender wage disparity constituted 25.7%, women earning less than their male counterparts [8]. If gender inequality were eliminated, the resulting surge in labor productivity could mirror global projections, such as those by the McKinsey Global Institute, which suggest that achieving financial gender parity could catalyze a 26 % increase in global GDP by 2025 [9].

To understand the roots of this disparity, it is worth looking beyond biological determinism toward the framework of social constructionism. As posited by Berger and Luckmann, gender roles and the resulting professional hierarchies are not inherent, but rather sociocultural constructs [10]. These ingrained norms and stereotypes dictate the perceived «value» of labor.

Although classical human capital theory states that a narrowing wage gap might be as the result of increasing education and professional credentials of the female labor force, the Kazakhstani labor market exhibits a profound structural contradiction. While women consistently outpace their male counterparts in academic attainment, their professional advancements are frequently exposed to collective stigmatization, particularly, where maternal status is conflated with reduced professional dedication [11]. Consequently, from a socio-technical perspective, this bias might be transformed into computational objectivity as the AI provides mathematical justification for the 25.7% wage gap reported by the Agency for Statistics of the Republic of Kazakhstan.

Table 1. Average Monthly Nominal Earnings of Employees by Gender and Region in Kazakhstan in 2024 [12]

Region / City	Average Male Salary (KZT)	Average Female Salary (KZT)
Abai	372,628	302,710
Akmola	365,895	295,049
Aktobe	442,644	310,367
Almaty Region	346,301	316,152
Atyrau	778,091	425,331
West Kazakhstan	402,257	302,824
Zhambyl	323,009	281,631
Zhetisu	291,301	294,784
Karaganda	442,153	313,551
Kostanay	378,783	310,217
Kyzylorda	380,070	312,408
Mangystau	748,673	372,534
Pavlodar	425,619	316,711
North Kazakhstan	309,311	279,682
Turkistan	320,962	276,733
Ulytau	642,467	389,202
East Kazakhstan	423,910	332,539
Astana (City)	605,963	471,807
Almaty (City)	553,250	435,050
Shymkent (City)	336,966	292,060

The «Stereotype Index» developed by Kenzheali et al. (2024) provides a vital roadmap for identifying the specific biases that AI models are likely to inherit [13]. If automated hiring tools are trained on historical data from second-tier banks, where managerial roles are predominantly male, then the AI will treat 'male' as a prerequisite for 'leadership.' Furthermore, since the study proves women possess superior soft skills that are currently under-rewarded, an AI optimized for 'salary growth' will ignore these vital competencies, focusing instead on the 'mathematical overestimation' of male candidates. Thus, the algorithm does not just reflect the stereotype index, but it scales it.

A significant research, most recently synthesized by Alpysbayev et al. (2024), explores how the gendered division of labor acts as an 'objective' anchor for

professional inequality [14]. This perspective suggests that the persistent wage gap is not merely an issue of disparate skill sets, but a result of the structural expectations placed upon women as primary caregivers. Thus, it becomes evident that the labor market disproportionately rewards what is termed «greedy work» involves roles that demand round-the-clock availability and penalize any deviation for domestic duties. Because women in Kazakhstan are still culturally tasked with the bulk of childcare and household management, they are often forced to select «flexible» roles that, while appearing to be a result of objective choice, carry a significant financial penalty. This creates a nonlinear relationship between hours worked and total compensation, where those unable to commit to «greedy» schedules are systematically marginalized from high-earning trajectories.

If an AI model is programmed to optimize for 'revenue per employee,' it will naturally prioritize 'greedy' work patterns. Because the algorithm cannot 'see' the domestic labor being performed at home, it interprets a woman's need for flexibility not as a social constraint, but as a lack of economic utility. Thus, the algorithm does not just observe the Kazakhstani labor market, but it mathematically enforces its most punishing features.

AI bias, or algorithmic bias, refers to systematic and repeatable errors in AI systems that result in unfair outcomes for specific demographic groups [15]. Two core mechanisms are relevant to the wage gap:

1. Source of Bias: This is the most documented form of bias. Algorithms used in hiring such as automated resume screening, are often trained on historical company data. If, for instance, a lucrative mining company in Kazakhstan historically hired 90% men for high-salary engineering roles, the algorithm learns that being male is a necessary, successful predictor for that job [16], [17].

2. Impact on the Wage Gap: By systematically ranking female candidates lower - even those with identical qualifications - the AI creates an algorithmic glass ceiling, preventing women from accessing the high-wage industries that would narrow the overall gender gap. The high-paying roles remain exclusively male-dominated, enforced by a «neutral» computer system [18].

A primary challenge in achieving algorithmic equity is the phenomenon of proxy discrimination. Even when protected attributes, such as gender, are explicitly excluded from the dataset, which is also known as «fairness through blindness», AI models can reconstruct these categories through «neutral» features. These proxies are variables that correlate strongly with gendered life experiences or professional patterns. For instance, in the Kazakhstani labor market, even if the AI does not see a «Gender» column, it sees «3-year gap in 2021» (Proxy for maternity leave) or «Member of Women's Engineering Club». Consequently, the AI does not «see» «Gender» or «Maternity Leave» columns, but only «neutral» (for example, a degree from a specific university) features to discriminate by proxy.

The integrative review is essential in solving a major problem such as the lack of local empirical AI audits. Unfortunately, there are very few studies specifically testing Kazakhstani HR algorithms for biases. The article is implementing an integrative literature review approach, which might allow the HR algorithm for AI biases. It is worth mentioning that it is known that AI in HR (Amazon's or LinkedIn's) has shown gender bias. As for the local context, there is an estimated 30% wage gap and is rapidly adopting these same AI tools [16]. Thus, without

specific local regulation, where «Digital Kazakhstan» is missing, Kazakhstan is likely automating its existing wage gap.

Research Gap: There is no empirical research explaining how AI tools, which are increasingly used in Kazakhstan's «Digital Kazakhstan» initiative, interact with local gender norms and sectoral segregation (e.g., the concentration of women in education/healthcare versus men in oil/gas). To address this critical lack of data, this study poses the following research question: how do AI-driven human resource management systems (HeadHunter.kz , enbek.kz) contribute to the maintenance of the gender wage gap in Kazakhstan through the codification of proxy biases?

Methodology and Research Methods

This article is based on an integrative literature review, aiming to identify, compile, and critically analyze the main benefits and risks associated with the application of AI in Human Resource Management. The integrative review approach was implemented, because it allows for the inclusion of various types of studies enabling a comprehensive and in-depth synthesis of the knowledge available on the subject. This type of review is particularly suitable for exploring complex and multidisciplinary fields of research, such as the application of AI in HRM, where technical, organizational, ethical, and social perspectives coexist. Moreover, the integrative review provides methodological flexibility, allowing not only quantitative analysis, but also qualitative and reflective examination of the content, thereby facilitating the identification of recurring patterns, research gaps, and emerging trends in the literature [2]. To evaluate how digital recruitment operations affect the local landscape, Enbek.kz and HH.kz were selected as specific case examples. As the dominant public and private digital HR platforms in Kazakhstan, their public-facing resume structures and structural requirements (such as the 'expected salary' fields) were examined. This analysis allowed the study to map how international models of algorithmic bias manifest within Kazakhstan's actual digital recruitment infrastructure.

Search Procedures and Inclusion/Exclusion Criteria: The literature search was conducted using the Scopus database, selected for its comprehensiveness, quality, and recognition within the international scientific community. The search was carried out in November 2025, with the aim of identifying relevant publications addressing the application of artificial intelligence in human resource management. The following combinations of search terms were used: «artificial intelligence» OR «AI» AND «gender wage gap» OR «AI biases in gender wage gap» OR «human resource management», with the requirement that these expressions appear in the title of the articles. This restriction was intended to ensure the direct thematic relevance of the selected publications .The initial search yielded 226 articles. Subsequently, filters were applied based on predefined inclusion and exclusion criteria, as outlined below [2]:

Inclusion criteria:

- Articles with titles containing expressions related to AI and HRM
- Peer-reviewed scientific publications Written in English Open access, with full text available
- Direct relevance to the topic of AI application, impacts, benefits, or risks in HRM

Exclusion criteria:

- Documents that were not scientific articles (conference proceedings, editorials, abstracts)
- Publications in languages other than English Articles without full-text access Studies that, despite a relevant title, did not substantively address the proposed theme
- Articles that were formally retracted by publishers, compromising their scientific validity After applying these criteria, the number of articles was reduced from 226 to 58. Of these, seven were not accessible in full text, and one was excluded due to formal retraction, resulting in a final sample of 51 articles, which form the basis of this integrative literature review.

Data Analysis Strategy

Following the final selection of 51 scientific articles, a categorical and thematic analysis of the content was carried out to identify the main perspectives, trends, and gaps in the existing literature on the use of artificial intelligence in human resource management. A structured database in table format was developed, in which each article was systematically coded according to predefined variables, such as:

- Area of AI application (recruitment, training, performance evaluation
- Type of technology used (machine learning, NLP, RPA)
- Main dependent and independent variables analyzed
- Keywords and central themes addressed
- Ethical, social, and organizational implications
- Year of publication, journal title, and type of study

Results

This section presents the empirical findings of the thematic analysis extracted from the final pool of reviewed literature, focusing on the specific mechanisms of algorithmic bias in HRM. This coding process enabled a critical and comparative reading of the articles, allowing for the identification of recurring patterns, thematic frequencies, methodological approaches, and facilitating or inhibiting factors for the adoption of AI in organizational contexts. The analysis was conducted manually, supported by organization tools such as Microsoft Excel, allowing for the systematization of the data into relevant analytical categories. This strategy facilitated an integrative synthesis of the findings, grounded in consolidated evidence from literature, without resorting to formal statistical analysis, as the study's focus is essentially qualitative and descriptive.

1. In the identification phase, an iterative search was conducted across five major electronic scientific databases in late 2019, constituting 226 records: Scopus (114), Web of Science (81), Science Direct (19) and IEEE Explore (12).

2. Screening Phase involved narrowing the results to relevant, unique peer-reviewed works, where 113 duplicates were identified and removed from the initial pool. The remaining records were screened by title and abstract. 41 records were excluded for not being peer-reviewed journal articles, conference papers, or reviews (books, working papers, or dissertations). After this phase, 58 publications were moved forward for full-text eligibility assessment.

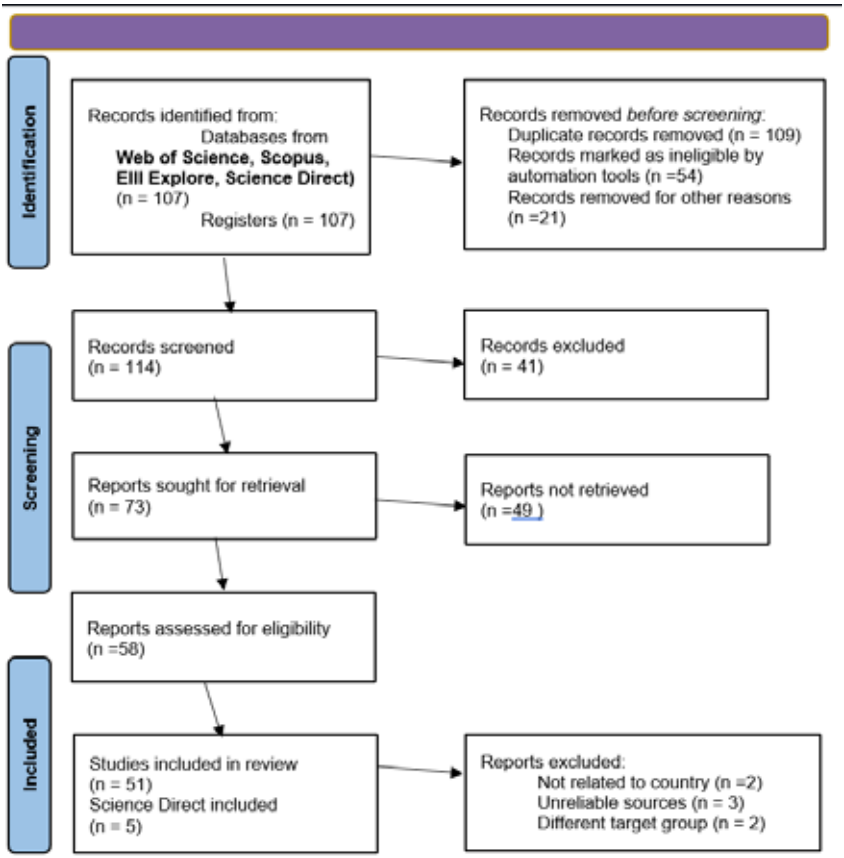
3. Inclusion Phase involved completing the systematic screening and eligibility

checks, 51 articles included in the final review for detailed qualitative analysis. During the detailed full-text review, it was ensured that they fit the specific scope of roles of AI biases in Human Resources Management, specifically, in the gender wage gap in Kazakhstan.

To bridge the gap between theoretical review and a highly relevant, context-specific study, local platforms like HeadHunter.kz (hh.kz), Enbek.kz were integrated into the research. A review of the digital recruitment landscape in Kazakhstan reveals that hh.kz remains the dominant market leader. According to 2019 data from SimilarWeb, the platform commanded a staggering 87.65% traffic share among job-seeking websites in the country [20]. Current industry trends confirm that hh.kz maintains its top-tier status, having integrated a Kazakh-language interface since 2014 to better serve the local population.

Under the new decree of "Year of Digitalization and Artificial Intelligence", the government is responsible for executing strategic digital and AI projects, with the Presidential Administration providing direct oversight. The order became active immediately upon signing. Reflecting these new national priorities, the primary objectives for the country's digital and artificial intelligence sectors shows the importance of algorithmic biases happening in the labor market [1].

Figure 1. PRISMA flow diagram, adopted by Page and colleagues [19]



In summary, the results highlight a consistent pattern across global literature where automated HR systems convert historical labor data into biased operational tools, setting the stage for a deeper contextual analysis in the next section.

Discussion

While the previous section categorized the core mechanisms of AI bias, this section interprets these findings within the specific socio-technical landscape of Kazakhstan's labor market. A key question is whether global AI research applies to Kazakhstan platforms like Enbek.kz and HH.kz. Although these portals operate in a specific regional market, they use standard global AI technologies, such as CV parsing, semantic matching, and candidate ranking. Therefore, they naturally inherit the same technical vulnerabilities and algorithmic biases found in international studies.

In Kazakhstan, the gender wage gap is 25.7%. When local recruitment platforms train machine learning models on historical national labor data, the algorithms copy these existing economic gaps and treat them as objective benchmarks. For example, the common feature where users input an "expected salary" interacts with the fact that female specialists in Kazakhstan often ask for lower pay than men. By automating recommendations based on these unequal inputs, local digital HRM platforms directly replicate and reinforce the regional gender pay gap.

Theme 1: «Historical Mirroring». The mechanism of algorithms lies in learning from historical data that reflects existing gendered work segregation. Cohen et al. (2025) found that AI-integrated workflows set wages based on historical patterns that are difficult to remove via simple prompts [21]. This creates a feedback loop where women are systematically steered into traditional roles (like care or administration), while men are channeled into high-paying technical fields.

As for the «Industry Proxy», sectors like Mining and Oil & Gas are high-paying and male-dominated. An AI does not need to see «Gender» to discriminate, but it only needs to see the «Industry» feature. If the AI is programmed to «optimize for high-profit potential», it will automatically favor candidates from these sectors, who are statistically more likely to be men. As for «Education Proxy», graduates from specific technical universities in Kazakhstan may be ranked higher by AI than graduates from pedagogical or medical universities, effectively creating a gender bias based on the vertical segregation of the Kazakhstani education system. It is also worth mentioning that early segregation of genders in education systems, where few girls opt for fields of interest in science, technology, engineering and mathematics [22]. Thus, societal stereotypes feed into education segregation, leading to male-dominated tech fields that create a vicious cycle.

Theme 2: «Neutrality Assumption». The main mechanism is a false belief that AI is «objective», in other words, computers are inherently impartial, but algorithms are actually «opinions formulated in a programming language». Wellner (2020) notes that users are often subordinated to the algorithm, losing their ability to act intentionally or question biased results. This results in discrimination, making them nearly impossible to track or explain bias [23]. As the government pushes for employment digitalization via the Enbek.kz, a single biased proxy can affect the entire national labor market simultaneously.

According to Bujold A. et al. (2024), a critical accountability gap emerges

within HR departments when there is a significant disparity between the technical expertise of AI developers and the knowledge of HR professionals [24]. In other words, their research highlights that many HR practitioners lack the necessary technical literacy to critically evaluate the underlying logic of the algorithms they use. As a result, HR managers often accept automated candidates rankings and «Suitability scores» as objective truth rather than questioning them for potential biases. Such discriminatory pattern effectively shields a biased technical system behind mathematical «neutrality». In addition, he argues that users often «subordinate» themselves to algorithms, treating their outputs as truthful pictures of the situation rather than biased social reflections.

Theme 3: «The Codification of "Desired Salary». The result of such a mechanism is that by filtering for «cost-effective» candidates who ask for less, the AI effectively codifies the bias where women are paid less for the same work. According to table 2, seemingly neutral data points, such as 'expected salary' and 'geographic mobility' function as algorithmic proxies for gender, effectively codifying the existing 20-30% wage gap into an automated HR workflow. Rus et al. (2022) states that simple prompts cannot remove these biases once they are embedded in the recruitment workflow [25]. As the government pushes for the digitization of employment via the Enbek.kz national port, the standardization of algorithms explained below mean that a single biased «proxy» can affect the entire national labor market, rather than just one company.

Theme 4: «The Motherhood Penalty». «Total Work Experience» penalizing Kazakhstani women for career gaps is a well-documented Proxy Bias. Research shows that automated recruitment tools have historically penalized resumes for words or patterns associated with women's life events, such as maternity leave. This results in economic exclusion, as women are ranked lower for leadership positions despite having equal educational qualifications. Criado-Perez (2019), author of «Invisible Women», provides the foundation for «Gender data gap», showing how the exclusion of caregiving roles from «professional data» skews algorithmic decision-making [26]. As a result, even if a female candidate has superior qualifications with interrupted service, the «Suitability Score» is highly likely to be lowered placing women in lower-tier bargaining positions, even rank candidates have superior qualifications. Ultimately, this discussion demonstrates that without targeted regional interventions, local digital recruitment infrastructures will continue to mirror and amplify international systemic inequalities.

Conclusion

The findings of this integrative literature review confirms that the integration of Artificial Intelligence into Human Resource Management is not merely a technical upgrade, but a socio-technical transformation that might lead to significant risks for gender wage gap. By analyzing dominant platforms of national job-seeking traffic, the study identifies that mandatory features such as 'desired salary' fields and 'total work experience' calculations mathematically codify socialized gender differences into automated filters. Furthemore, according to the findings of thematic analysis of 51 peer-reviewed journals, it is worth mentioning the key four themes.

The phenomenon of «Historical Mirroring» in Kazakhstan's segregated labor market allows AI systems to create a feedback loop where women are systematically

steered into traditional roles (like care or administration), while men are channeled into high-paying technical fields. This technical steering is compounded by the «Neutrality Assumption», where HR professionals, who are lacking the technical literacy in dominant job-seeking platforms like Enbek.kz or HeadHunter.kz , accept biased «Suitability Scores» as objective truths.

As Kazakhstan approaches the 2026 «Year of Digitalization and AI», the lack of local algorithmic audits and regulatory oversight creates an accountability gap that threatens to institutionalize historical biases. To prevent this, the study recommends mandatory bias-testing for state platforms, the removal of gender-proxy fields like career continuity, and expanded intersectional research into how language and marital status interact with algorithmic workflows. Ultimately, the transition to «Digital Kazakhstan» requires a rigorous socio-technical framework to ensure that technological evolution serves as a catalyst for equity rather than a tool for systemic exclusion.

Acknowledgement

This research is funded by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP26102633).

References:

1. Kazakhstan Declares 2026 Year of Digitalization and AI // Caspian Post: [site]. – 2026.–6 Jan. – URL: https://caspianpost.com/kazakhstan/kazakhstan-declares-2026-year-of-digitalization-and-ai (date of access: 09.01.2026). – Text: electronic.
2. Rosário C. Benefits and risks of using AI in Human Resource Management: Literature review //Educational Research (IJMCER). – 2025. – T.7. – №. 2. – C. 146-154.
3. Yemelina N., Kemelbayeva S., Roshchin S. Dynamics of Gender Wage Gap in Kazakhstan for 2011-2019 //The Indian Journal of Labour Economics. – 2024. – T. 67. – №. 1. – C. 47-71.
4. Bekbossinova A., Vasa L. Gender Pay Gap in Kazakhstan: The Impact of Social Factors and Structural Segregation //Eurasian Journal of Gender Studies. – 2025. – T. 2. – №. 2. – C. 40-54.
5. Wiswall M., Zafar B. Preference for the workplace, investment in human capital, and gender //The Quarterly Journal of Economics. – 2018. – T. 133. – №. 1. – C. 457-507.
6. Blau F. D., Kahn L. M. The gender wage gap: Extent, trends, and explanations // Journal of economic literature. – 2017. – T. 55. – №. 3. – C. 789-865.
7. Khitarishvili T. Gender pay gaps in the former Soviet Union: A review of the evidence //Journal of Economic Surveys. – 2019. – T. 33. – №. 4. – C. 1257-1284.
8. Gender Pay Gap [Electronic resource] // Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan: [website]. – 2023. – URL: [Link] (date of access: 05.11.2025).
9. Inequality: A persisting challenge and its implications [Electronic resource] / D. Fine, J. Manyika, P. E. Sjatil [et al.] // McKinsey & Company: [official website]. – 2019. – URL: https://www.mckinsey.com.br/~/media/McKinsey/Industries/Public%20and%20Social%20Sector/Our%20Insights/Inequality%20A%20persisting%20challenge%20and%20its%20implications/Inequality-A-persisting-challenge-and-its-implications.pdf (accessed: 05.11.2025).
10. Berger P., Luckmann T. The social construction of reality //Social theory re-wired.

– Routledge, 2023. – С. 92-101.
11. Olzhebayeva G. Gender Inequality and Economic Efficiency: The Case of Kazakhstan //Eurasian Journal of Gender Studies. – 2024. – Т. 1. – №. 2. – С. 17-27.
12. Gender Pay Gap [Electronic resource] // Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan: [website]. – 2024. – URL: https://gender.stat.gov.kz/page/frontend/detail?id=18&slug=-14&cat_id=7&lang=ru (accessed: 12.12.2025).
13. Kenzheali Y. et al. Assessing gender differences in managerial roles, wages, education, and soft skills in Kazakhstan //Problems and Perspectives in Management. – 2024. – Т. 22. – №. 3. – С. 341.
14. Alpysbayev K. et al. Gender analysis of the global labour market and comparative analysis of Kazakhstan, 2019–2021 //Applied Econometrics and International Development. – 2024. – Т. 24. – №. 1. – С. 1-18.
15. Raji I. D., Buolamwini J. Actionable auditing: Investigating the impact of publicly naming biased performance results of commercial ai products //Proceedings of the 2019 AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society. – 2019. – С. 429-435.
16. Dastin J. Amazon scraps secret AI recruiting tool that showed bias against women //Ethics of data and analytics. – Auerbach Publications, 2022. – С. 296-299.
17. Kazakhstan Country Profile [Electronic resource] // UN Women – Europe and Central Asia : [website]. – 2024. – URL: https://eca.unwomen.org/en/where-we-are/kazakhstan (accessed: 12.01.2026).
18. Ameri M. et al. Intersecting Biases: Does Veteran Status Overcome Disability and Gender Disadvantages in the Employment Landscape? //ILR Review. – 2025. – С. 00197939251318286.
19. Page, M. J., et al. (2021). The PRISMA 2020 statement: An updated guideline for reporting systematic reviews. Systematic Reviews, 10(1), 89. https://doi.org/10.1186/s13643-021-01626-4
20. hh.kz Traffic Analytics, Ranking & Audience [2026] // Similarweb : [site]. – 2026. – URL: https://www.similarweb.com/website/hh.kz/ (date of access: 10.01.2026). – Text: electronic.
21. Cohen M. C., Hage-Youssef E., Khern-am-nuai W. When AI Sets Wages: Biases and Labor Discrimination in Generative Pricing //Available at SSRN 5404966. – 2025.
22. Gomez-Herrera E., Köszegi S. T. A gender perspective on artificial intelligence and jobs: the vicious cycle of digital inequality. – Bruegel Working Paper, 2022. – №. 15/2022.
23. Wellner G. P. When AI Is Gender-biased //HUMANA. MENTE Journal of Philosophical Studies. – 2020. – Т. 13. – №. 37. – С. 127-150.
24. Bujold A. et al. Responsible artificial intelligence in human resources management: a review of the empirical literature //AI and Ethics. – 2024. – Т. 4. – №. 4. – С. 1185-1200.
25. Rus C. et al. Closing the gender wage gap: Adversarial fairness in job recommendation //arXiv preprint arXiv:2209.09592. – 2022.
26. Perez C. C. Invisible women: the Sunday Times number one bestseller exposing the gender bias women face every day. – Random House, 2019.

Материал поступил в редакцию 14.01.2026
Утвержден к публикации 18.06.2026

IRSTI:
06.61.33

REDUCING TERRITORIAL INEQUALITY THROUGH THE DEVELOPMENT OF SOCIO-ECONOMIC INFRASTRUCTURE

Lazat Spankulova[1]
Aitolkyn Moldagaliyeva[2]
Ilan Satkali[3*]
Saniya Kabdrakhmanova[4]

[1] Professor of Al-Farabi Kazakh National University, Doctor of science in economics, Almaty, Kazakhstan; e-mail: spankulova.lazat@mail.ru; ORCID ID: 0000–0002–1865–4681
[2] Associate Professor of Al-Farabi Kazakh National University, Candidate of Geographical Sciences, Almaty, Kazakhstan; e-mail: moldagaliyeva.aitolkyn2016@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-8060-4933
[3*] PhD student of Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan; e-mail: issanova10@mail.ru; ORCID ID: 0009-0006-3143-9333
[4] PhD student of Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan; e-mail: Kabdrakhmanova_s@live.kaznu.kz; ORCID ID: 0009-0001-2612-5528

https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.2.011

Abstract. This study examines the socio-economic determinants of territorial inequality in the regions of Kazakhstan using the dynamic panel data method. The analysis focuses on differences in income and living standards, as well as the role of macroeconomic and social factors, including health, inflation, youth unemployment, and poverty levels. The empirical framework is based on a dynamic panel model calculated using the System Generalized Method of Moments (System GMM), which allows for endogeneity, unobserved regional heterogeneity, and persistence effects.

The dataset covers observations at the regional level for the period 2001-2024, subject to data availability. The results show that improving the health status of the population and reducing poverty contribute to reducing territorial differences, while inflationary pressures and youth unemployment exacerbate regional inequality. The results obtained emphasize the importance of a coordinated socio-economic policy aimed at strengthening human capital and social protection

mechanisms as effective tools for reducing territorial inequality.

Keywords: *territorial inequality; health capital; socioeconomic development; Kazakhstan.*

ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ИНФРАҚҰРЫЛЫМДЫ ДАМЫТУ АРҚЫЛЫ АУМАҚТЫҚ ТЕҢСІЗДІКТІ АЗАЙТУ

Лазат Спанқұлова[1], Айтолқын Молдағалиева[2], Илан Сатқали[3*], Сания Кабдрахманова[4]

[1] Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің профессоры, экономика ғылымдарының докторы,

[2] Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің доценті, география ғылымдарының кандидаты,

[3*] Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің PhD докторанты,

[4] Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің PhD докторанты.

Аңдатпа. Бұл зерттеу динамикалық панельдік деректер әдісін қолдана отырып, Қазақстан аймақтарындағы аумақтық теңсіздіктің әлеуметтік-экономикалық детерминанттарын зерттейді. Талдау табыс пен өмір сүру деңгейінің айырмашылығына, сондай-ақ денсаулық сақтау, инфляция, жастар арасындағы жұмыссыздық және кедейлік деңгейін қоса алғанда, макроэкономикалық және әлеуметтік факторлардың рөліне бағытталған. Эмпирикалық негіз Эндогенділікке, бақыланбайтын аймақтық гетерогенділікке және тұрақтылық әсерлеріне мүмкіндік беретін Моменттердің Жүйелік Жалпыланған Әдісін (System GMM) пайдалана отырып есептелген динамикалық панельдік модельге негізделген.

Деректер жинағы деректердің қолжетімділігін ескере отырып, 2001-2024 жылдар аралығындағы аймақтық деңгейдегі бақылауларды қамтиды. Нәтижелер халықтың денсаулығының жақсаруы мен кедейліктің төмендеуі аумақтық айырмашылықтардың төмендеуіне ықпал ететінін көрсетеді, ал инфляциялық қысым мен жастар арасындағы жұмыссыздық аймақтық теңсіздікті күшейтеді. Алынған нәтижелер аумақтық теңсіздікті төмендетудің тиімді құралы ретінде адами капиталды және әлеуметтік қорғау тетіктерін нығайтуға бағытталған үйлестірілген әлеуметтік-экономикалық саясаттың маңыздылығын көрсетеді.

Түйін сөздер: *аумақтық теңсіздік, денсаулық сақтау капиталы, әлеуметтік-экономикалық даму, Қазақстан.*

СОКРАЩЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА ПУТЕМ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Лазат Спанкулова[1], Айтолкын Молдагалиева[2], Илан Саткали[3*], Сания Кабдрахманова[4]

[1] Профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби, доктор экономических наук

[2] Доцент Казахского национального университета имени аль-Фараби, кандидат географических наук

[3*] PhD докторант Казахского национального университета им. аль-Фараби
[4] PhD докторант Казахского национального университета им. аль-Фараби

Аннотация. В данном исследовании рассматриваются социально-экономические детерминанты территориального неравенства в регионах Казахстана с использованием метода динамических панельных данных. Основное внимание в анализе уделяется различиям в доходах и уровне жизни, а также роли макроэкономических и социальных факторов, включая здравоохранение, инфляцию, безработицу среди молодежи и уровень бедности. Эмпирическая основа основана на динамической панельной модели, рассчитанной с использованием системного обобщенного метода моментов (System GMM), который учитывает эндогенность, ненаблюдаемую региональную неоднородность и эффекты постоянства.

Набор данных охватывает наблюдения на региональном уровне за период 2001-2024 гг., при условии наличия данных. Результаты показывают, что улучшение состояния здоровья населения и сокращение бедности способствуют уменьшению территориальных различий, в то время как инфляционное давление и безработица среди молодежи усугубляют региональное неравенство. Полученные результаты подчеркивают важность скоординированной социально-экономической политики, направленной на укрепление человеческого капитала и механизмов социальной защиты как эффективных инструментов снижения территориального неравенства.

Ключевые слова: *территориальное неравенство, капитал здравоохранения, социально-экономическое развитие, Казахстан.*

Introduction

Territorial inequality is a persistent problem in modern economies, manifested in regional differences in income, poverty, health care, and employment. Economic research is increasingly recognizing that inequality is not only the result of economic problems in general, but also a reflection of people's daily lives.

The object of the research is the socio-economic development of regions and interregional differences formed by the level of development of socio-economic infrastructure.

The aim of the study is to assess the impact of socio-economic infrastructure, particularly healthcare expenditure, on territorial inequality in the regions of Kazakhstan using regional panel data for 2001–2024. The study also seeks to identify how inflation, youth unemployment and poverty depth influence the dynamics of regional inequality.

The scientific novelty of the study is determined by three aspects. First, the article uses long-term regional panel data for Kazakhstan to assess territorial inequality at the subnational level. Second, it examines the role of healthcare expenditure as an element of socio-economic infrastructure that may influence regional income inequality through human capital and access to basic services. Third, the study compares several econometric specifications, including pooled OLS, fixed effects and random effects models, in order to test the stability of the relationship between social factors and the Gini coefficient. This makes it possible

to clarify how healthcare expenditure, inflation, youth unemployment and poverty depth are associated with territorial inequality in the regions of Kazakhstan.

For this purpose, an econometric framework based on regional panel data was applied, with the Gini coefficient used as the dependent variable. The main estimation strategy relies on a dynamic panel approach, while OLS, fixed effects and random effects models are used as supporting robustness checks to assess the direction and stability of the relationships.

The Gini coefficient is an indicator that summarizes income distribution and social polarization, taking into account inflation, poverty, unemployment, and the availability of public goods. From the point of view of regional development, inequality is related to the state of social and economic infrastructure, especially healthcare and the labor market.

Investment in health care is important not only from a social perspective, but also for the development of human capital, which affects economic activity, productivity and income stability. Inadequate health care funding makes people more vulnerable, reduces their participation in the economy and increases regional inequality in the long term.

Inflation affects regions and social groups differently, reducing the purchasing power of incomes and particularly affecting poor families. In conditions of high inflation, social stratification intensifies, as price increases for basic goods and services have a greater impact on the consumption patterns of the poor.

The labour market, especially youth unemployment, plays an important role in shaping socio-economic inequality. Limited access to stable employment for young people leads to the reproduction of poverty from generation to generation, increases migration from remote regions and reduces the tax base of territories. High youth unemployment reduces opportunities for future economic growth in regions and increases income inequality between regions.

The poverty rate is a key factor in inequality, reflecting not only a lack of income but also limited access to social and economic opportunities. In the regions, poverty is linked to a lack of infrastructure, weak development of local labour markets and low economic diversification, which increases households' dependence on informal and low-paid employment.

Supporting assessments (FE/RE, pooled OLS and stability tests) are performed to verify the stability of the conclusions. The results obtained show a statistically significant positive impact of investment in healthcare on reducing regional inequality while controlling for inflation, youth unemployment and poverty depth.

Table 1. Review of the research structure and analytical base

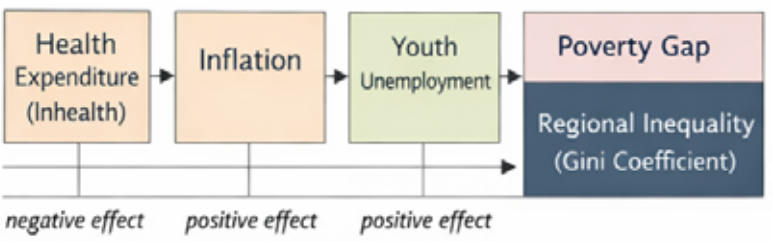
Element	Description
The purpose of the study	Territorial inequality and socio-economic infrastructure
Geographical coverage	Regions of Kazakhstan
Time period	2001–2024
The data structure	Regional panel data (unbalanced)
The dependent variable	Gini coefficient
The main explanatory variable	Health expenditure (log)
Control variables	Inflation, youth unemployment, poverty gap
Methods	Pooled OLS, Fixed Effects, Random Effects, Hausman test

Key methodological issue addressed	Unobserved regional heterogeneity and robustness of panel estimates
Relevance to politics	Regional social investment Strategy
	Note: *compiled by the authors*

Territorial inequality remains a persistent problem for many countries with economies in transition and emerging market economies, reflecting uneven socio-economic development across regions. Differences in income levels, access to social services, employment opportunities and living standards continue to shape spatial disparities and limit inclusive regional growth. Understanding the causes of territorial inequality is therefore essential for the development of effective regional and social policies.

Existing empirical studies emphasise that regional differences are closely linked to a combination of macroeconomic conditions and social factors. However, despite the growing number of studies on regional inequality, several important gaps remain in the context of Kazakhstan. First, most existing studies examine territorial disparities either from a general macroeconomic perspective or through separate indicators of regional development, while the role of socio-economic infrastructure, particularly healthcare expenditure, remains insufficiently explored at the regional level. Second, previous research rarely combines healthcare investment, inflation, youth unemployment and poverty depth within one empirical framework. Third, there is limited evidence based on long-term regional panel data for Kazakhstan that allows both cross-regional and time dynamics of inequality to be assessed. Therefore, this study differs from previous works by focusing specifically on the relationship between healthcare expenditure and territorial inequality using regional panel data for Kazakhstan for 2001–2024.

Figure 1. Conceptual framework: Socio-economic determinants of territorial inequality



Note: *compiled by the authors*

This study examines the socio-economic determinants of territorial inequality in the regions of Kazakhstan. The analysis focuses on key macroeconomic and social indicators, including health status, inflation, youth unemployment and poverty levels, to assess their dynamic impact on regional differences. To account for unobserved regional heterogeneity, the study applies fixed effects and random effects panel models, while pooled OLS is used as a baseline specification.

Using regional-level data covering the period from 2001 to 2024, where available, the article provides a new empirical understanding of the mechanisms

shaping territorial inequality in Kazakhstan. The findings complement the literature by providing examples from countries with economies in transition and highlight the policy relevance of coordinated socio-economic measures aimed at reducing regional disparities. The results can be used in the development of regional development strategies aimed at strengthening human capital, stabilising macroeconomic conditions and reducing poverty.

Literature review

The following basic theoretical economic models and concepts are used in the research: human capital theory [1]; health capital theory [2]; selection theory [3]; social mobility theory [4]; intergenerational mobility theory [5]; participation theory [6]; segregation theory [7]; economic models of social interaction theory [8].

Previous works often note that investments in social and economic infrastructure are important for determining the development paths of regions and reducing inequality between territories. Analysis of healthcare expenditure data shows that increased government spending can reduce income inequality by improving human capital and labour productivity. However, the strength and direction of this effect depend on the quality of institutions and the methods of resource allocation between regions. A major shortcoming of these studies is their focus on national averages, without taking into account regional differences and the possible relationship between public spending and inequality indicators.

Despite the growing body of literature, several issues remain unresolved. First, there is little data that simultaneously examines health care investment in a single analysis to explain inequality between territories. Second, previous studies often do not take into account interrelationships and changes over time, which can distort the results. Third, the lack of analysis of regional data over several years limits the scope of the analysis.

Comparable studies have been conducted around the world (see overview), but many of them have focused on specific aspects of the problem. Although comprehensive approaches similar to those adopted by the Scandinavian countries do exist, their applicability to the context of Kazakhstan is not always guaranteed due to significant cultural, economic and historical differences.

Figure 2. Network visualization of key scientific publications and their interrelationships on the research topic *(according to Litmaps data)*

In the field of health and access to services (important for regional policy), research shows a strong link between socio-economic status and the quality/accessibility of medical services: in transition economies (including Kazakhstan), there are pronounced regional differences, which are exacerbated by a lack of infrastructure and a gap in the distribution of human and financial resources. Local studies in Kazakhstan confirm this for a number of indicators of access and health outcomes [9]. Modern reviews also highlight the growing interest in ESG/sustainability in the hotel industry as a factor of competitiveness and regional development [10].

Modern economic geography focuses on the phenomenon of "left-behind places". Rodriguez-Pose [11] argues that ignoring territorial inequality leads to institutional instability. Research shows that the convergence of regions in developing economies has slowed down. For example, publications in Regional Studies and the Cambridge Journal of Regions, Economy and Society demonstrate that digitalization and agglomeration effects often widen the gap between the center and the periphery rather than narrow it [11, 12, 13].

In the post-pandemic period (2020-2024), the number of papers linking government spending on healthcare to the Gini index has increased dramatically. New empirical evidence confirms that it is not the amount of funding itself, but its allocation (distribution) that affects the reduction of inequality [14].

The latest trend is the study of 'everyday lived economics.' Authors [15; 16] criticise the exclusive use of macro indicators, suggesting that consideration be given to how households actually experience inflation, access to services, and shocks [17]. In the context of healthcare, this means that even with formal insurance, real ('out-of-pocket') costs and time spent on obtaining care create hidden inequality that is not captured by the standard Gini coefficient.

Some studies emphasise that investment in socio-economic infrastructure plays a key role in reducing territorial inequality. Analysis of panel data shows that the development of both social and economic infrastructure is associated with a reduction in income inequality in provinces and regions.

For example, [18] research has demonstrated that infrastructure improvements lead to a significant reduction in income inequality between provinces, with the effect manifesting itself both through increased access to services and through expanded employment opportunities. Empirical data on the impact of infrastructure on regional development also showed that public services and access to communal infrastructure contribute to the growth of low-income households' incomes, reducing the gap between different territories. A study [19] found that access to basic infrastructure stimulates educational attainment and health improvements, which in turn increases incomes and reduces economic inequality between urban and rural areas.

It is equally important to consider spatial justice as a conceptual framework linking infrastructure and territorial inequality. According to recent theoretical research, the equitable distribution of infrastructure resources is an integral part of overcoming territorial asymmetries, since it is access to quality roads, schools, hospitals and digital networks that determines the real potential for economic and social inclusion for residents of peripheral areas [20]. In the context of regional development policy, international experience shows that targeted investments in infrastructure improve the competitiveness of lagging regions and promote their integration into national markets. An analysis of Kazakhstan's regional

policy, for example, shows that bridging the infrastructure gap is one of the key tools for reducing territorial differentiation and stimulating economic activity in peripheral areas [21].

Thus, contemporary literature confirms that the development of socio-economic infrastructure not only stimulates economic growth but also serves as a mechanism for reducing territorial inequality, especially when investments are directed towards improving access to basic services, upgrading digital and transport networks, and strengthening human capital. These effects are amplified when infrastructure policy is combined with measures to support innovation and local economic activity, creating conditions for more equitable and sustainable territorial development.

Materials and methods

This paper uses a quantitative econometric approach to study the impact of various socio-economic and infrastructural parameters on territorial inequality in the regions of Kazakhstan.

The calculations are based on panel data covering socio-economic indicators for 17 regions of Kazakhstan for the period from 2001 to 2024. The analysis is based on official regional statistics for several years. This is necessary in order to take into account differences in economic development between different regions, both between themselves and over time. The choice of the regional level of research is due to the fact that it is most suitable for studying differences in income and social insecurity of the population in different parts of the country.

The data were obtained from official statistical sources of the Republic of Kazakhstan, including regional socio-economic statistics published by the Bureau of National Statistics. The Gini coefficient is measured as an index ranging from 0 to 1. Healthcare expenditure is expressed in national currency and transformed into a natural logarithm to reduce scale effects and improve the interpretation of the regression coefficients. Inflation is measured using the consumer price index. Youth unemployment is measured as a percentage of the economically active youth population. Poverty depth reflects the average shortfall of the income of the poor from the poverty line and is used as an indicator of social vulnerability.

The time period of analysis is limited to 2001 and 2024, which is due to the availability of data on the key variable – the Gini coefficient as a measure of inequality. The Gini coefficient, which reflects income differences and socio-economic polarisation in the region, was chosen as the main indicator. This coefficient is useful because it allows for the influence of key economic processes, such as changes in income, poverty levels, and the state of the labour market. The analysis of consumer prices does not take into account differences in the cost of goods and services between regions. In this regard, it is assumed that price dynamics within each region are the same for the period under review. The data were subjected to descriptive/statistical analysis to assess the reduction in inequality: Gini, Fund, ConsInc, Infl, Unempl, PrMin, UnderPrMin, Poverty depth, Poverty severity, Gini coefficient by 20 per cent (deciles) groups, index, Proportion of the population with incomes below the cost of the food basket, Population size, Urban population, Rural population, GRP per capita, Employed population, thousand people, Labour force (Economically active population) of the youth labour market (aged 15-34) 6 thousand people, Persons not in the labour force, Labour force, Youth unemployment rate (aged 15-24), Youth

unemployment rate (aged 15-34), Unemployed population, thousand persons, Number of young people, Healthcare expenditure.

The model includes the following factors that may explain the situation: healthcare expenditure (as an indicator of investment in human capital and the quality of social infrastructure), inflation (as an indicator of economic instability and changes in the purchasing power of the population), youth unemployment (as an indicator of labour market problems in the region), and poverty (as an indicator of social insecurity).

To determine the relationship between these factors, the study applies panel regression analysis. Pooled OLS is used only as a baseline model, while fixed effects and random effects specifications are applied to account for regional heterogeneity. The fixed effects model is treated as the main specification because it controls for unobserved time-invariant regional characteristics that may influence territorial inequality.

The model is represented by the following equation:

$$Gini = f\,(lnhealth,\ infl,\ youth_UN,\ poverty_gap)$$

where:

Gini is the dependent variable reflecting the level of income inequality in the region;

lnhealth is the natural logarithm of healthcare expenditure;

infl is the inflation rate;

youth_UN is the youth unemployment rate;

poverty_gap is the poverty depth indicator.

To verify the accuracy of the results, the basic conditions of the OLS were checked, such as the absence of strong correlations between factors, equal variance of residuals, and the correctness of the selected model. If different variances of residuals are detected, special methods are applied to increase the reliability of statistical conclusions. Residuals are also analysed to assess model fit and the stability of the results.

It should be noted that the use of aggregated regional data has its limitations, as differences within regions may go unnoticed. In addition, some factors may be interrelated, which requires careful interpretation of cause-and-effect relationships.

Nevertheless, the method used allows us to identify important statistical relationships between socio-economic factors and the dynamics of territorial inequality. This is consistent with the objectives and tasks of the study.

The empirical strategy is based on panel regression analysis. At the first stage, pooled OLS is used as a baseline model to identify the general association between healthcare expenditure and the Gini coefficient. At the second stage, fixed effects and random effects models are applied to account for unobserved regional heterogeneity. The fixed effects model is treated as the main specification because it allows controlling for time-invariant regional characteristics that may influence inequality, such as geographic location, historical development patterns and structural differences between regions. The random effects model is used as a complementary robustness check. The choice between fixed and random effects is additionally assessed using the Hausman test.

The dependent variable is the Gini coefficient, which is used as a measure of regional income inequality. In addition to pooled OLS, fixed effects and random effects models, the study applies GMM-based dynamic panel estimation to account for persistence in inequality and potential endogeneity of the explanatory variables.

Socio-economic characteristics, including GRP per capita, public and private healthcare expenditure, and the Gini coefficient as an indicator of economic inequality, are used as control variables at the regional level. Inflation is measured using the consumer price index.

Results and Discussion

The empirical results confirm that socio-economic factors play an important role in shaping territorial inequality in the regions of Kazakhstan. The analysis was conducted in several stages: descriptive statistics, pooled OLS regression, fixed effects regression, random effects regression and the Hausman test. The fixed effects model is used as the main specification, while pooled OLS and random effects results are interpreted as supporting robustness checks.

The empirical analysis was carried out in several stages. First, descriptive statistics were calculated to show the distribution of the main variables. Second, pooled OLS regression was estimated as a baseline specification. Third, fixed effects and random effects models were applied to account for regional heterogeneity. Finally, the Hausman test was used to compare the fixed and random effects specifications. The fixed effects model is used as the main model for interpretation, while pooled OLS and random effects results are treated as robustness checks.

Table 2. Descriptive statistics

VarName	Obs	Mean	SD	Min	Max
gini	367	0.267	0.042	0.16	0.43
lnhealth	208	17.091	0.797	15.27	19.10
infl	382	108.458	3.908	103.20	127.10
youth_UN	408	7.301	5.860	0.00	33.60
poverty_gap	378	3.055	4.792	0.00	24.00

Table 2 shows that the average value of the Gini coefficient is 0.267, indicating a moderate level of income inequality across the observed regional sample. The variation in healthcare expenditure, expressed in logarithmic form, confirms substantial differences in social infrastructure financing across regions and years. Inflation demonstrates relatively lower dispersion compared with youth unemployment and poverty depth, which suggests that labour market and poverty indicators vary more strongly across regions. These descriptive results justify the use of panel models that can capture both regional and temporal differences.

Table 3. OLS regression, the dependent variable is the Gini coefficient, and the independent variable is the natural logarithm of healthcare expenditure (lnhealth)

gini	Coefficient	Std.error	t	P>t	[95% conf. interval]	
lnhealth	-0.0088	0.0031	-2.84	0.005	-0.0150	-0.0027
_cons	0.4099	0.0532	7.70	0.000	0.3049	0.5148

The simple OLS regression shows a negative and statistically significant relationship between healthcare expenditure and the Gini coefficient. This means that, when considered separately, higher healthcare expenditure is associated with lower income inequality. However, this model does not control for other socio-economic factors or unobserved regional characteristics. Therefore, the result should be interpreted as preliminary and should be verified using extended panel specifications.

Table 4. Pooled OLS regression, the dependent variable is the Gini coefficient, and the independent variables are the natural logarithm of healthcare expenditure (lnhealth), Youth_UN is the unemployment rate among youth aged 15-25, Poverty gap

gini	Coefficient	Std.error	t	P>t	[95% conf. interval]	
lnhealth	-0.0008	0.0039	-0.21	0.831	-0.0087	0.0069
infl	0.0012	0.0007	1.73	0.085	-0.0002	0.0025
youth_UN	0.0026	0.0008	3.48	0.001	0.0011	0.0041
poverty_gap	0.0006	0.0015	0.46	0.647	-0.0023	0.0037
_cons	0.1289	0.1009	1.28	0.208	-0.7015	0.3281

In the pooled OLS model with control variables, the coefficient of healthcare expenditure becomes statistically insignificant. This suggests that the direct relationship between healthcare expenditure and inequality may be influenced by other socio-economic factors. At the same time, youth unemployment has a positive and statistically significant coefficient, indicating that regions with higher youth unemployment tend to have higher income inequality. Inflation is positive and weakly significant, while poverty depth is not statistically significant in this specification. Since pooled OLS does not account for unobserved regional heterogeneity, these results are used only as a baseline comparison.

Table 5. Regression by Fixed Effects (within) regression, the dependent variable is the Gini coefficient, and the independent variables are the natural logarithm of healthcare expenditure (lnhealth), Youth_UN is the unemployment rate among youth aged 15-25, Poverty gap

gini	Coefficient	Std.error	t	P>t	[95% conf. interval]	
lnhealth	-0.0145	0.0044	-3.34	0.001	-0.0231	-0.0059
infl	0.0016	0.00043	3.72	0.000	-0.0002	0.00243
youth_UN	-0.00003	0.00075	-0.04	0.968	-0.0015	0.0015
poverty_gap	0.0024	0.0011	2.30	0.023	0.0003	0.0045
_cons	0.3309712	0.912843	3.63	0.000	0.1508	0.5110
Sigma_u	0.3014708					
Sigma_e	0.02133114					
rho	0.66637609 (fraction of variance due to u_1)					
F test that all u_1=0: F (15, 188) =21.58; Prob>F=0.0000						

The fixed effects model provides the main empirical results of the study. The coefficient of healthcare expenditure is negative and statistically significant, which confirms that an increase in healthcare expenditure is associated with a decrease

in regional income inequality. This result supports the assumption that healthcare expenditure, as an element of socio-economic infrastructure, may contribute to reducing territorial inequality by improving human capital and access to basic services. Inflation has a positive and statistically significant coefficient, indicating that price instability contributes to higher inequality. Poverty depth is also positive and significant, confirming that social vulnerability is directly related to income differentiation across regions. Youth unemployment is not statistically significant in the fixed effects model, which means that its influence is less stable after controlling for region-specific characteristics.

Table 6. Regression by Random effects (within) regression, the dependent variable is the Gini coefficient, and the independent variables are the natural logarithm of healthcare expenditure (lnhealth), Youth_UN is the unemployment rate among youth aged 15-25, Poverty gap

gini	Coefficient	Std.error	t	P>t	[95% conf. interval]	
lnhealth	-0.0103	0.0041	-2.52	0.012	-0.0183	-0.0023
infl	0.0015	0.0004	3.47	0.001	0.0007	0.0024
youth_UN	0.0007	0.0007	0.98	0.330	-0.0007	0.0021
poverty_gap	0.0022	0.0011	2.04	0.041	0.00008	0.0044
_cons	0.2591	0.0884	2.93	0.003	0.08568	0.4325
Sigma_u	0.01894751					
Sigma_e	0.02133114					
rho	0.44102795 (fraction of variance due to u_1)					

The random effects model generally confirms the direction of the main results. Healthcare expenditure remains negatively associated with the Gini coefficient, while inflation and poverty depth show positive and statistically significant effects. This supports the robustness of the main conclusion that social infrastructure and macroeconomic stability are important for reducing territorial inequality. However, because regional characteristics may be correlated with the explanatory variables, the random effects model is interpreted as a complementary specification rather than the main model.

Table 7. Perform a Durbin–Wu–Hausman test to discriminate between random effects and fixed effects. The dependent variable is the Gini coefficient (gini), and the independent variables are the natural logarithm of healthcare expenditure (lnhealth), Youth_UN – the unemployment rate among young people aged 15–25, and Poverty gap (depth of poverty)

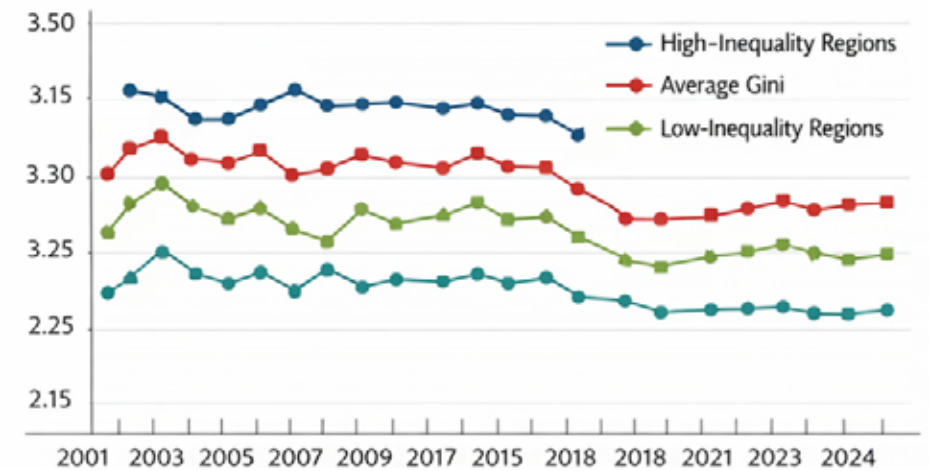
gini	Coefficient	Std.error	t	P>t
llnhealth	-0.0145	-0.0103	-0.0042	0.0015
infl	0.00158	0.0015	0.00004	
youth_UN	-0.00003	0.0007	-0.0007	-0.0022
poverty_gap	0.00243	0.0023	0.0002	
_cons	0.2591	0.0884	2.93	0.003
B=Consistent under H0 and Ha; obtained from xtreg. B=Inconsistent under Ha, efficient under H0; obtained from xtreg.				
Test of H0: Difference in coefficiencets not sistematic				

Chi2(4)=(b-B)*(V_b-V-_B)^(-1)(b-B)=7.75 Prob> Chi2=0.1011 (V_b-V-_B) is not positive definite)

The results of the analysis indicate a complex interaction of socio-economic factors that shape territorial inequality.

The Hausman test results indicate that the differences between fixed and random effects estimates are not systematic at the conventional 5% significance level. This suggests that the random effects specification may be used as a complementary robustness check. However, given the possibility of persistence in inequality and potential endogeneity between healthcare expenditure and regional inequality, the dynamic panel approach remains the preferred specification for interpreting the main results.

Figure 3. Dynamics of regional inequality in Kazakhstan (2001-2024)



Note: compiled by the authors

Healthcare and income equality:

There is an inverse relationship between healthcare spending and the Gini coefficient. This means that investments in public health are likely to reduce income inequality. Healthcare should be viewed as an investment in human capital that strengthens the socio-economic foundation, stimulates economic activity, and ensures income stability for families. Regions that prioritise healthcare funding tend to have a more equitable distribution of income among their residents. Consequently, social policy plays a key role in mitigating disparities between regions.

Inflation and its impact:

Inflation, on the other hand, affects the Gini coefficient, contributing to growing income inequality. When prices rise, this disproportionately affects the most vulnerable segments of the population, weakening their purchasing power and widening the social divide. This problem is most acute in regions with a high proportion of low-income families, where inflation becomes a catalyst for poverty and inequality.

Youth unemployment:

The level of youth unemployment is also linked to an increase in the Gini

coefficient. Youth unemployment perpetuates socio-economic inequality by limiting young people's access to employment and stable income. This indicator highlights that the labour market is an important channel for the formation of regional disparities, which must be taken into account when implementing active employment policies.

Poverty and inequality:

The impact of poverty on income inequality is clearly evident: regions with a higher proportion of the population living below the poverty line experience greater social polarisation. This suggests that poverty should be considered a causal factor in territorial inequality. There is a close link between poverty and inequality, which requires comprehensive social support measures alongside diversification of the regional economy.

In summary, territorial inequality is shaped by a multitude of interrelated socio-economic factors.

Limitations

Despite its contributions, this study has a number of limitations that should be acknowledged. First, empirical analysis is limited by data availability, leading to regional sample imbalances and the exclusion of certain regions or time periods. Despite its contributions, this study has a number of limitations that should be acknowledged. First, the empirical analysis is limited by data availability, leading to an unbalanced regional panel and the exclusion of certain observations. Future research could benefit from using more complete and disaggregated regional or household-level datasets.

Second, the analysis focuses on a selected set of socio-economic indicators. Although these variables reflect key mechanisms affecting territorial inequality, additional factors such as the quality of institutions, fiscal decentralisation or spatial spillovers were beyond the scope of this study. Future research could expand the scope by incorporating spatial econometric methods to account for interregional interactions and spillover processes.

Finally, alternative methodological approaches, including panel quantile regression or mixed methods, could provide deeper insights into the heterogeneous impact of socio-economic determinants in regions with different levels of development. Such additions would deepen the understanding of the dynamics of territorial inequality in countries with economies in transition and complement the findings of this study.

Conclusion

This study examined the socio-economic determinants of territorial inequality in the regions of Kazakhstan using regional panel data for 2001–2024. The main objective was to assess how healthcare expenditure, inflation, youth unemployment and poverty depth are associated with changes in the Gini coefficient.

The results show that healthcare expenditure has a negative and statistically significant relationship with regional income inequality in the fixed effects model. This confirms the importance of socio-economic infrastructure, particularly healthcare, as a factor that may contribute to reducing territorial disparities. Inflation and poverty depth have positive and statistically significant effects, indicating that macroeconomic instability and social vulnerability increase inequality across

regions. The effect of youth unemployment is less stable, as it is significant in the pooled OLS model but not confirmed in the fixed effects specification.

The findings contribute to the literature by providing empirical evidence from Kazakhstan and by showing that territorial inequality should be analysed not only through income indicators but also through access to social infrastructure and vulnerability factors. Therefore, the policy implications should be directly linked to the statistically confirmed results. Since healthcare expenditure shows a negative association with inequality, regional policy should prioritise equal access to healthcare services and more balanced financing of social infrastructure. Since inflation and poverty depth increase inequality, targeted social protection and anti-poverty instruments should be strengthened in regions with higher vulnerability.

At the same time, the study has several limitations. The empirical analysis is constrained by data availability and the unbalanced structure of the regional panel. Future research may expand the model by including institutional quality, fiscal decentralisation, spatial spillover effects and more disaggregated household-level data. Despite these limitations, the results confirm that reducing territorial inequality in Kazakhstan requires not only economic growth but also stronger social infrastructure and more targeted regional policy instruments.

Funding

This research was carried out within the framework of the following grant projects funded by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan: IRN AP26198345 "Reducing socio-economic inequality in the regions of Kazakhstan through investment in and improvement of the organization of the healthcare system".

References:

1. Becker, G. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. – Chicago: University of Chicago Press, 1964. – 412 c.
2. Grossman, M. On the Concept of Health Capital and the Demand for Health // Journal of Political Economy. – 1972. – Vol. 80, № 2. – P. 223–255.
3. Heckman, J.J. Sample Selection Bias as a Specification Error // Econometrica. – 1979. – Vol. 47, № 1. – P. 153–161.
4. Adler, N.E., Stewart, J. The Biology of Disadvantage: Socioeconomic Status and Health // Annals of the New York Academy of Sciences. – 2007. – Vol. 1186. – P. 1–290.
5. Heckman, J.J., Pinto, R., Savelyev, P.A. Understanding the Mechanisms Through Which an Influential Early Childhood Program Boosted Adult Outcomes // American Economic Review. – 2013. – Vol. 103, № 6. – P. 2052–2086.
6. Durlauf, S. The Memberships Theory of Poverty // Journal of Economic Growth. – 1997. – Vol. 2, № 3. – P. 285–293.
7. Massey, D.S., Denton, N.A. American Apartheid: Segregation and the Making of the Underclass. – Cambridge: Harvard University Press, 1988. – 312 c.
8. Becker, G.S. A Theory of Social Interactions // Journal of Political Economy. – 1974. – Vol. 82, № 6. – P. 1063–1093.
9. Shaltynov, A., Rocha, J., Jamedinova, U., & Myssayev, A. (2022). Assessment of primary healthcare accessibility and inequality in north-eastern Kazakhstan. Geospatial Health, 17(1). https://doi.org/10.4081/gh.2022.1046
10. Brida, J.G., Cárdenas García, P.J., Mejía-Alzate, M.L., & Segarra, V. (2025). An empirical examination of the dynamics of tourism, growth, and economic devel-

opment at a regional level. The colombian departments. Investigaciones Regionales - Journal of Regional Research. https://doi.org/10.38191/iirr-jorr.25.002
11. Rodríguez-Pose, A. (2020). The Rise of Populism and the Revenge of the Places That Don't Matter. LSE Public Policy Review, 1(1). https://doi.org/10.31389/lseppr.4
12. Hansen, T. (2022). The foundational economy and regional development. Regional Studies, 56(6), 1033–1042. https://doi.org/10.1080/00343404.2021.1939860
13. Rodríguez-Pose, A., & Burlina, C. (2021). Institutions and the uneven geography of the first wave of the COVID-19 pandemic. Journal of Regional Science, 61(4), 728–752. https://doi.org/10.1111/jors.12541
14. Iammarino, S., Rodriguez-Pose, A., & Storper, M. (2018). Simona Iammarino, Andrés Rodríguez-Pose and Michael Storper Regional inequality in Europe: evidence, theory and policy implications Article (Accepted version) (Refereed) Regional inequality in Europe: evidence, theory and policy implications.
15. Hall, S. (2018). The Personal is Political: Feminist Geographies of/in Austerity. Geoforum. https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2018.04.010
16. Barbera, F., Negri, N., & Salento, A. (2018). From individual choice to collective voice. Foundational economy, local commons and citizenship. In Rassegna Italiana di Sociologia (Vol. 59, Issue 2, pp. 371–397). Societa Editrice il Mulino. https://doi.org/10.1423/90584
17. McCann, P. (2020). Perceptions of regional inequality and the geography of discontent: insights from the UK. Regional Studies, 54(2), 256–267. https://doi.org/10.1080/00343404.2019.1619928
18. Zolfaghari, M., Kabiri, M., & Saadatmanesh, H. (2020). Impact of Socio-Economic Infrastructure Investments on Income Inequality in Iran. Journal of Policy Modeling, 42, 1146-1168. https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2020.02.004
19. Wan, G., Wang, C., Zhang, X., & Zuo, C. (2024). Income inequality effect of public utility infrastructure: Evidence from rural China. World development: the multi-disciplinary international journal devoted to the study and promotion of world development, 179, 1-19. https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2024.106594
20. Hyun, H. (2025). Spatial Justice and Post-Development Perspectives on Community-Based Tourism: Investment Disparities and Climate-Induced Migration in Vietnam. Tourism and Hospitality, 6(4), 188. https://doi.org/10.3390/tourhosp6040188
21. Rodríguez-Pose, A., Bartalucci, F. & Rau, G. One Kazakhstan, multiple nations: on a growing regional divide amidst economic dynamism. Asia-Pac J Reg Sci 9, 629–651 (2025). https://doi.org/10.1007/s41685-025-00385-7

Материал поступил в редакцию 31.01.2026
Утвержден к публикации 18.06.2026

МРНТИ
06.73.15,
06.73.55

ПОВЫШЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНЫХ БЮДЖЕТОВ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Ерлан Кылбаев[1*]
Меирхан Толешов[2]

[1*] Кандидат экономических наук, АО «Qazindustry», Астана, Қазақстан; e-mail: yerlankyl@gmail.com, ORCID ID: 0000-0001-7673-0067
[2] Магистрант Национальной школы государственной политики Академии государственного управления при Президенте РК, Астана, Қазақстан.

https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.2.012

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы повышения финансовой самостоятельности местных бюджетов в Республике Казахстан в контексте совершенствования системы межбюджетных отношений. Целью исследования является выявление институциональных и финансовых ограничений развития региональной бюджетной автономии, а также обоснование направлений ее укрепления. Методологическую основу исследования составили сравнительный, институциональный и статистический анализ, изучение нормативно-правовой базы Республики Казахстан, а также сопоставление отечественной практики с международным опытом фискальной децентрализации.

В ходе исследования выявлены ключевые особенности действующей бюджетной системы, характеризующейся сочетанием формального расширения полномочий регионов и сохранением их высокой зависимости от межбюджетных трансфертов. Установлено, что, несмотря на рост собственных доходов местных бюджетов, сохраняется структурный дисбаланс между объемом переданных расходных обязательств и ограниченной доходной базой, что сдерживает развитие налогового потенциала территорий и ограничивает их финансовую самостоятельность.

По результатам исследования обоснованы приоритетные направления совершенствования межбюджетных отношений, включая расширение доходной базы регионов, модернизацию трансфертной политики, развитие стимулирую-

щих механизмов и укрепление институциональных основ бюджетного управления. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных выводов при разработке мер по совершенствованию бюджетной политики и укреплению финансовой устойчивости регионов.

Ключевые слова: *финансовая самостоятельность, местные бюджеты, межбюджетные отношения, фискальная децентрализация, бюджетная политика, региональное развитие, трансферты, Казахстан.*

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ БЮДЖЕТАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРДЫ ЖЕТІЛДІРУ БАҒЫТЫ РЕТІНДЕ ЖЕРГІЛІКТІ БЮДЖЕТТЕРДІҢ ҚАРЖЫЛЫҚ ДЕРБЕСТІГІН АРТТЫРУ

Ерлан Қылбаев[1*], Мейірхан Төлешов[2]

[1*] Экономика ғылымдарының кандидаты, «Qazindustry» АҚ

[2] Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы мемлекеттік басқару академиясының Мемлекеттік саясаттың ұлттық мектебінің магистранты

Аңдатпа. Мақалада Қазақстан Республикасындағы жергілікті бюджеттердің қаржылық дербестігін арттыру мәселелері бюджетаралық қатынастар жүйесін жетілдіру контекстінде қарастырылады. Зерттеудің мақсаты өңірлік бюджеттік дербестікті дамытудағы институционалдық және қаржылық шектеулерді анықтау, сондай-ақ оны нығайтудың басым бағыттарын негіздеу болып табылады. Зерттеудің әдіснамалық негізін салыстырмалы, институционалдық және статистикалық талдау әдістері, Қазақстан Республикасының нормативтік-құқықтық базасын зерделеу, сондай-ақ отандық тәжірибені фискалдық орталықсыздандыру саласындағы халықаралық тәжірибемен салыстыру құрады.

Зерттеу нәтижесінде өңірлердің өкілеттіктерін формалды түрде кеңейтумен қатар олардың бюджетаралық трансферттерге жоғары тәуелділігінің сақталуымен сипатталатын қолданыстағы бюджет жүйесінің негізгі ерекшеліктері анықталды. Жергілікті бюджеттердің меншікті кірістерінің өсуіне қарамастан, берілген шығыстық міндеттемелер көлемі мен кіріс базасының шектеулілігі арасында құрылымдық теңгерімсіздік сақталатыны анықталды. Бұл аумақтардың салықтық әлеуетін дамыту қарқынын бәсеңдетіп, олардың қаржылық дербестігін шектейді.

Зерттеу нәтижелері бойынша өңірлердің кіріс базасын кеңейту, трансферттік саясатты жаңғырту, ынталандыру тетіктерін дамыту және бюджеттік басқарудың институционалдық негіздерін күшейту бағыттарын қамтитын бюджетаралық қатынастарды жетілдірудің басым бағыттары негізделді. Зерттеудің практикалық маңыздылығы алынған нәтижелерді бюджеттік саясатты жетілдіру және өңірлердің қаржылық тұрақтылығын нығайту бойынша басқарушылық шешімдер қабылдау барысында қолдану мүмкіндігімен анықталады.

Түйін сөздер: *қаржылық дербестік, жергілікті бюджеттер, бюджетаралық қатынастар, фискалдық орталықсыздандыру, бюджеттік саясат, өңірлік даму, трансферттер, Қазақстан.*

ENHANCING THE FINANCIAL AUTONOMY OF LOCAL BUDGETS AS A DIRECTION FOR IMPROVING INTERGOVERNMENTAL FISCAL RELATIONS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Yerlan Kylbayev[1*], Meyrkhan Toleshov[2]

[1*] Candidate of Economic Sciences, JSC «Qazindustry»

[2] Master's student of the National School of Public Policy of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan

Abstract. This article examines the issues of strengthening the financial autonomy of local budgets in the Republic of Kazakhstan within the context of improving intergovernmental fiscal relations. The purpose of the study is to identify the institutional and financial constraints affecting regional budget autonomy and to substantiate priority directions for its enhancement. The methodological framework of the research is based on comparative, institutional, and statistical analysis, examination of the regulatory framework of the Republic of Kazakhstan, as well as comparison of domestic practices with international experience in fiscal decentralization.

The study identifies key features of the current budget system, characterized by the formal expansion of regional powers alongside the continued high dependence of subnational budgets on intergovernmental transfers. It is established that, despite the growth of local budget revenues, a structural imbalance persists between delegated expenditure responsibilities and the limited revenue base, which constrains the development of regional tax capacity and limits financial autonomy.

Based on the findings, the study substantiates priority directions for improving intergovernmental fiscal relations, including the expansion of regional revenue sources, modernization of transfer policies, development of incentive mechanisms, and strengthening of institutional foundations of budget governance. The practical significance of the study lies in the possibility of applying its findings in the development of budget policy measures aimed at enhancing the financial sustainability of regions.

Keywords: *financial autonomy, local budgets, intergovernmental fiscal relations, fiscal decentralization, budget policy, regional development, transfers, Kazakhstan.*

Введение

Вопрос повышения финансовой самостоятельности региональных и местных органов власти приобретает особую актуальность в Республике Казахстан в условиях трансформации экономической модели и снижения зависимости государственного бюджета от нефтегазовых доходов. Усиление роли регионов в обеспечении устойчивого социально-экономического развития требует пересмотра действующих подходов к организации межбюджетных отношений и перераспределению финансовых ресурсов.

В последние годы в Казахстане наблюдается положительная динамика роста собственных доходов местных бюджетов. Так, по итогам 2025 года их объем достиг порядка 17 трлн тенге, увеличившись более чем в 6,8 раза по сравнению с 2019 годом (2,5 трлн тенге) [1]. Вместе с тем, несмотря на коли-

чественный рост, качественные характеристики бюджетной системы остаются ограниченными: значительная часть доходов местных бюджетов формируется за счет трансфертов из республиканского бюджета, доля которых составляет 45,3% [1].

Сохраняется также выраженная территориальная дифференциация финансовых возможностей регионов. Лишь отдельные субъекты - города Астана и Алматы, а также Атырауская область демонстрируют признаки финансовой самодостаточности и выступают донорами бюджетной системы, тогда как большинство регионов остаются дотационными. Такая структура межбюджетных отношений объективно снижает заинтересованность местных исполнительных органов в расширении собственной налоговой базы и формировании устойчивых источников доходов.

Сложившаяся зависимость от централизованных трансфертов ограничивает бюджетную автономию регионов и может негативно сказываться на эффективности использования государственных средств. В этих условиях поиск механизмов повышения финансовой самостоятельности местных бюджетов становится одним из ключевых направлений совершенствования бюджетной политики.

Целью настоящей статьи является обоснование направлений повышения финансовой самостоятельности местных бюджетов Республики Казахстан.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: анализ нормативно-правовой базы межбюджетных отношений; оценка текущего состояния исполнения местных бюджетов на основе статистических данных; сопоставление национальной практики с зарубежным опытом; формулирование практических рекомендаций по совершенствованию бюджетной системы.

Объектом исследования выступает система межбюджетных отношений Республики Казахстан, предметом - экономические и институциональные механизмы формирования финансовой самостоятельности местных бюджетов.

Обзор литературы

Вопросы финансовой самостоятельности местных бюджетов и формирования эффективной системы межбюджетных отношений занимают значительное место в современной экономической науке. Основное внимание в исследованиях уделяется проблемам фискальной децентрализации, распределения доходных источников и обеспечения сбалансированности бюджетной системы [2; 3].

Теоретические основы фискальной децентрализации были заложены в работах У. Оутса, который обосновал необходимость передачи части финансовых полномочий на субнациональный уровень для повышения эффективности предоставления общественных благ [2]. В рамках данной концепции предполагается, что местные органы власти обладают более полной информацией о потребностях населения, что позволяет им принимать более обоснованные решения в сфере распределения ресурсов. В то же время сравнительные исследования в области межбюджетных отношений показывают, что чрезмерная фискальная децентрализация при отсутствии эффективных механизмов координации и бюджетного выравнивания может усиливать

межрегиональные диспропорции и создавать дополнительные риски для устойчивости бюджетной системы [4].

Современные эмпирические исследования, в том числе работы международных организаций, свидетельствуют о наличии прямой взаимосвязи между уровнем финансовой самостоятельности местных бюджетов и устойчивостью социально-экономического развития территорий [3; 4]. При этом ключевым фактором эффективности децентрализации выступает не только наличие собственных доходных источников, но и уровень институционального развития системы государственного управления [5].

Для стран с переходной экономикой характерна сохраняющаяся зависимость субнациональных бюджетов от межбюджетных трансфертов. Как показывают сравнительные исследования в области фискальной децентрализации, высокая доля централизованной финансовой поддержки может ослаблять стимулы местных органов власти к расширению собственной доходной базы и формировать эффект так называемых «мягких бюджетных ограничений», при котором возникающие бюджетные дисбалансы компенсируются за счет ресурсов центрального уровня [5]. Аналогичные тенденции фиксируются и в исследованиях, посвященных Казахстану, где значительная трансфертная зависимость рассматривается как один из факторов, ограничивающих развитие региональной финансовой самостоятельности [6]. Это, в свою очередь, снижает эффективность бюджетных расходов и усиливает долгосрочные фискальные риски.

Институциональная специфика развития межбюджетных отношений в Казахстане определяется не только экономическими, но и нормативно-правовыми условиями функционирования бюджетной системы. Базовые принципы распределения доходных источников и расходных полномочий закреплены в Бюджетном кодексе Республики Казахстан [7], а параметры межбюджетного регулирования ежегодно конкретизируются законом о республиканском бюджете [8]. Данная модель обеспечивает предсказуемость бюджетного процесса, однако одновременно усиливает зависимость регионов от централизованного перераспределения финансовых ресурсов.

Переход от теоретических моделей бюджетной децентрализации к анализу казахстанской практики требует учета особенностей институционального развития системы местного управления. В ряде аналитических исследований, посвященных ходу децентрализационных реформ в Казахстане, отмечается, что проводимые преобразования носят поэтапный характер и сопровождаются постепенным расширением полномочий на местном уровне [9; 10]. Вместе с тем подчеркивается, что формирование элементов местного самоуправления не всегда сопровождается сопоставимым перераспределением финансовых ресурсов и управленческой автономии. Несмотря на введение выборности на низовом уровне и передачу отдельных бюджетных полномочий, ключевые механизмы распределения доходов и принятия стратегических решений продолжают сохранять высокую степень централизации. Это ограничивает возможности регионов самостоятельно формировать устойчивую доходную базу и снижает потенциал децентрализации как инструмента повышения эффективности государственного управления [9; 10].

Существенный вклад в анализ институциональных аспектов функциони-

рования местного самоуправления в Казахстане вносит исследование Е. Жумашова, посвященное вопросам вертикальной и социальной подотчетности на низовом уровне управления [11]. В отличие от работ, основанных преимущественно на макроэкономических показателях, данное исследование опирается на эмпирические данные, полученные в ходе интервью с сельскими акимами, что позволяет выявить практические ограничения, с которыми сталкиваются местные органы власти.

Автор показывает, что расширение полномочий на уровне сельских округов не сопровождается сопоставимым ростом финансовой самостоятельности. Возможности формирования собственных доходов остаются ограниченными и существенно различаются в зависимости от экономического потенциала территорий. В результате формируется значительная неоднородность в ресурсной обеспеченности местных бюджетов, что отражается на качестве и доступности государственных услуг.

Отдельное внимание уделяется характеру взаимодействия между уровнями власти. Несмотря на формальное закрепление отдельных элементов децентрализации, принятие ключевых решений по-прежнему во многом зависит от вышестоящих органов. Это ограничивает самостоятельность акиматов и снижает их заинтересованность в наращивании собственной доходной базы.

В то же время в работе отмечаются и положительные сдвиги, связанные с развитием механизмов общественного участия. Практика взаимодействия с населением способствует повышению прозрачности и формированию элементов социальной подотчетности. Однако влияние этих механизмов пока остается ограниченным ввиду институциональных и финансовых ограничений.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что проблемы финансовой самостоятельности местных бюджетов в Казахстане не могут рассматриваться изолированно от институциональной среды. Их решение требует комплексного подхода, сочетающего перераспределение финансовых ресурсов с развитием механизмов управления и подотчетности.

Логическим продолжением рассмотренных подходов является анализ работ, посвященных особенностям фискальной децентрализации в Казахстане на современном этапе. В частности, в исследовании Ф. Амагожа внимание сосредоточено на оценке влияния перераспределения полномочий между уровнями власти на эффективность бюджетной системы [12]. Автор отмечает, что, несмотря на проводимые реформы, бюджетная модель страны сохраняет высокую степень централизации, при которой ключевые решения по формированию доходов и распределению ресурсов остаются на уровне центрального правительства.

Подчеркивается, что действующая система межбюджетных трансфертов выполняет важную выравнивающую функцию, однако одновременно формирует устойчивую зависимость регионов от республиканского бюджета. Такая зависимость снижает заинтересованность местных органов власти в расширении собственной доходной базы и развитии налогового потенциала территорий. В результате усиливается дисбаланс между переданными расходными обязательствами и ограниченными финансовыми возможностями на местах.

В работе также обращается внимание на институциональные аспекты децентрализации. Передача отдельных полномочий на региональный уровень не всегда сопровождается соответствующим укреплением механизмов подотчетности и контроля. Это ограничивает эффективность принимаемых решений и снижает потенциал децентрализации как инструмента повышения качества государственного управления.

Таким образом, результаты данного исследования дополняют выводы предыдущих работ и подтверждают, что повышение финансовой самостоятельности местных бюджетов требует не только перераспределения финансовых ресурсов, но и совершенствования институциональной среды. В противном случае сохраняется риск воспроизводства существующих дисбалансов и ограничения эффективности бюджетной политики на региональном уровне.

Отдельные исследования акцентируют внимание на необходимости расширения доходной базы местных бюджетов, включая передачу отдельных налоговых поступлений, совершенствование механизмов налогового распределения и развитие неналоговых источников доходов [5; 6]. Вместе с тем в современной аналитической литературе подчеркивается, что перераспределение финансовых ресурсов должно сопровождаться институциональными преобразованиями, направленными на повышение качества государственного управления, усиление подотчетности и укрепление бюджетной дисциплины [13].

Особое значение в современных исследованиях придается институциональным условиям реализации бюджетной децентрализации. В этом контексте интерес представляет аналитический обзор ОЭСР, посвященный оценке системы государственного управления Казахстана [13]. В исследовании подчеркивается, что дальнейшее повышение эффективности бюджетной политики на региональном уровне напрямую связано не только с перераспределением финансовых полномочий, но и с качеством институциональной среды, включая уровень межведомственной координации, прозрачность процедур принятия решений, развитие механизмов подотчетности и профессиональный потенциал государственного аппарата. Отмечается, что сохранение высокой централизации управленческих решений ограничивает способность региональных органов власти оперативно реагировать на локальные социально-экономические вызовы и снижает гибкость бюджетного планирования. В этой связи ОЭСР акцентирует внимание на необходимости последовательного укрепления управленческой автономии регионов, совершенствования системы стратегического и бюджетного планирования, а также внедрения результат-ориентированных механизмов оценки эффективности государственных расходов [13]. Представленные выводы имеют принципиальное значение для Казахстана, поскольку показывают, что расширение финансовой самостоятельности регионов должно сопровождаться институциональными преобразованиями, направленными на повышение качества государственного управления и укрепление бюджетной дисциплины.

Несмотря на значительное количество исследований, в отечественной и зарубежной литературе сохраняется недостаточная проработанность вопроса о том, каким образом институциональные параметры бюджетного управления влияют на способность регионов трансформировать рост доходов в реальную финансовую самостоятельность. Недостаточно изученными остаются также

механизмы адаптации международных моделей фискальной децентрализации к условиям централизованной бюджетной системы Казахстана.

Таким образом, проведенный анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что повышение финансовой самостоятельности местных бюджетов рассматривается как ключевое направление совершенствования межбюджетных отношений. Вместе с тем реализация данного направления требует комплексного подхода, учитывающего как экономические, так и институциональные особенности развития бюджетной системы.

Методы исследования

Методологическая основа исследования сформирована на сочетании количественных и качественных подходов, что позволяет комплексно рассмотреть особенности развития межбюджетных отношений в Республике Казахстан. Теоретической базой исследования выступают положения фискального федерализма, раскрывающие взаимосвязь между распределением финансовых полномочий и эффективностью бюджетного управления.

В работе использован сравнительный анализ, позволивший сопоставить структуру доходов и расходов местных бюджетов, оценить динамику собственных поступлений регионов, а также определить степень их зависимости от межбюджетных трансфертов. Для выявления устойчивых тенденций в изменении бюджетных показателей применены методы экономико-статистического анализа, включая изучение динамических рядов, структурных соотношений и межрегиональных различий в уровне бюджетной обеспеченности.

Исследование институциональных особенностей действующей модели межбюджетных отношений основано на использовании институционального анализа, направленного на изучение нормативно закрепленных механизмов распределения доходных источников, расходных полномочий и инструментов бюджетного регулирования. Применение данного подхода позволило оценить влияние существующей системы бюджетного управления на уровень финансовой самостоятельности регионов. Эмпирическую основу исследования составили официальные данные Министерства финансов Республики Казахстан, Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, материалы Высшей аудиторской палаты, а также аналитические обзоры международных организаций. Использование данных за 2019–2025 годы позволило проследить динамику ключевых бюджетных показателей и выявить устойчивые тенденции в развитии межбюджетных отношений.

На завершающем этапе исследования проведено сопоставление национальной практики с международным опытом фискальной децентрализации, представленным в аналитических материалах ОЭСР, Азиатского банка развития и Всемирного банка. Это позволило оценить степень соответствия действующей модели международным подходам к распределению финансовых полномочий и определить возможные направления дальнейшего совершенствования межбюджетной политики в Казахстане.

Результаты

Институциональная структура межбюджетных отношений определя-

ется действующей нормативной базой, прежде всего Бюджетным кодексом Республики Казахстан [7], а также ежегодными законами о республиканском бюджете, устанавливающими параметры трансфертной политики [8].

Проведенный анализ показывает, что система межбюджетных отношений в Казахстане характеризуется сочетанием формальной децентрализации и фактической финансовой зависимости регионов от центра.

Данные о росте налоговых поступлений в местные бюджеты подтверждаются как официальной статистикой, так и аналитическими публикациями. По информации Министерства финансов Республики Казахстан, по итогам 2025 года в местные бюджеты в виде налоговых поступлений было мобилизовано 8,7 трлн тенге, что на 11,0% превышает показатели предыдущего года [1]. Данная динамика свидетельствует о постепенном расширении налоговой базы регионов и более полном использовании действующего фискального потенциала.

Одновременно рост собственных доходов пока не сопровождается сопоставимым снижением зависимости регионов от централизованной финансовой поддержки. Как отмечается в экспертных и аналитических публикациях, несмотря на увеличение объема собственных поступлений, большинство регионов сохраняют статус реципиентов межбюджетных трансфертов [15]. Аналогичные выводы содержатся и в исследованиях World Bank, где трансфертная зависимость рассматривается как один из факторов, ограничивающих финансовую устойчивость субнациональных бюджетов [16].

Наряду с этим в экспертных материалах обращается внимание на сохраняющиеся проблемы эффективности использования бюджетных средств на региональном уровне, особенно в части реализации инфраструктурных и социальных проектов [17]. По данным аналитических обзоров, доля дотационных трансфертов в общем объеме доходов регионов в среднем сохраняется на уровне 45,3%, а в отдельных областях существенно превышает данный показатель, что свидетельствует о сохраняющейся асимметрии бюджетной обеспеченности территорий (например, в Туркестанской области – 80,7%, в Жетысуской области – 78,2%, в Кызылординской области – 77,2%) [17; 16].

Такая структура указывает на зависимость местных бюджетов
от средств республиканского бюджета.

В таблице 1 представлены основные показатели финансовой обеспеченности регионов, отражающие различия в уровне собственных доходов и зависимости от межбюджетных трансфертов в 2024–2025 гг.

Таблица 1. Показатели местных бюджетов по группам регионов

Категория регионов	Собственные доходы, трлн. тг	Доля трансфертов, %	Характеристика
Донорские регионы (г. Астана, г. Алматы, Атырауская обл.)	2,7–2,8	30–40	Высокая налоговая база, преобладание собственных доходов
Регионы со средней обеспеченностью	0,3–0,8	40–60	Смешанная модель финансирования

Высокодотационные регионы (Туркестанская, Жетысу, Кызылординская области и др.)	менее 0,3	70–80	Значительная зависимость от трансфертов
Среднее по РК	**8,0**	**47,0**	Сохраняется высокая роль межбюджетного выравнивания

Примечание: *значения приведены по данным МФ РК и аналитиков (2024–2025 гг.).*

Несмотря на рост собственных доходов местных бюджетов, их структура остается ограниченной. Существенная часть поступлений формируется за счет закрепленных налогов с невысокой доходной базой, тогда как наиболее значимые источники доходов сосредоточены на республиканском уровне. В результате даже при положительной динамике налоговых поступлений большинство регионов сохраняют статус реципиентов.

Ключевой характеристикой системы остается высокая доля межбюджетных трансфертов. Они выполняют функцию выравнивания, однако одновременно формируют зависимость региональных бюджетов от решений центральных органов власти. Такая модель снижает стимулы к расширению собственной доходной базы и ограничивает инициативность местных исполнительных органов. Ситуация осложнена тем, что трансферты часто целевые и не образуют универсальной базы – регионы не могут свободно перераспределять эти деньги, что порождает неэффективность.

Анализ территориальной структуры подтверждает наличие устойчивой дифференциации. Финансовая самодостаточность характерна лишь для ограниченного числа регионов с развитой экономической базой, в то время как большинство территорий испытывает дефицит собственных ресурсов. Это усиливает нагрузку на систему межбюджетного перераспределения и усложняет достижение сбалансированного развития.

Анализ структуры доходов показывает дефицит стимулов местных исполнительных органов: из-за жёсткого контроля налогов (например, НДПИ уходит в республиканский бюджет) регионы получают ограниченную долю в приросте базовых поступлений. Это подтверждает и экспертное заключение: регионы-доноры часто занижают планы доходов, чтобы минимизировать изъятия, а бедные – завышают, чтобы получить больше субсидий.

Дополнительным ограничением выступает институциональная конструкция бюджетного процесса. Несмотря на формальное закрепление отдельных полномочий на местном уровне, ключевые параметры бюджетной политики, включая объемы трансфертов и принципы их распределения, определяются централизованно. Это снижает гибкость бюджетного управления на местах и ограничивает возможность адаптации расходов к локальным потребностям.

Местные бюджеты выполняют важные социальные задачи (11,2 трлн тенге на социальную сферу в 2025 г.) [1], но в целом остаются узконаправленными и зависимыми от решений центра.

В то же время зафиксирован рост налоговых поступлений в местные бюджеты, что свидетельствует о наличии потенциала для расширения их финансовой базы. Однако данный потенциал реализуется ограниченно, поскольку

увеличение доходов не сопровождается сопоставимым ростом финансовой автономии.

Таким образом, полученные результаты подтверждают наличие структурного дисбаланса в системе межбюджетных отношений, при котором рост доходов местных бюджетов не приводит к существенному снижению их зависимости от централизованных ресурсов. Это указывает на необходимость пересмотра действующих механизмов распределения финансовых полномочий и усиления стимулирующих элементов бюджетной политики.

В связи с этим можно выделить основные черты проблемы: отсутствие гибкого механизма блокового финансирования, слабая дифференциация налоговых инструментов по регионам, а также сохранение практики «изъятий» из доходной части местных бюджетов.

Эти выводы согласуются с публикуемыми данными: доля трансфертов остается относительно высокой, а собственная налоговая база большинства регионов сохраняется на ограниченном уровне [1;17]. Следовательно, для повышения самостоятельности необходимо одновременно усиливать налоговую базу на местах и реформировать систему межбюджетных трансфертов.

Важным ориентиром для оценки перспектив бюджетной децентрализации выступает опыт развитых государств, где местные органы власти обладают существенно более широкими налоговыми полномочиями. В Германии, Бельгии, Швеции, Норвегии и ряде других стран на субнациональный уровень приходится значительная доля государственных расходов, которая в отдельных случаях превышает 50% совокупных бюджетных обязательств [5]. В странах Северной Европы расходы местных бюджетов в расчете на одного жителя достигают 18–19 тыс. евро, что отражает высокий уровень финансовой автономии территорий [18].

В США одним из ключевых источников местных доходов выступает налог на имущество, тогда как в ряде европейских стран важную роль играют механизмы распределения поступлений от подоходного и потребительского налогообложения [5]. Международные исследования подтверждают, что расширение налоговых полномочий субнациональных уровней способствует повышению ответственности региональных органов власти за результаты бюджетной политики и эффективность использования ресурсов [5;18].

В исследованиях World Bank подчеркивается необходимость расширения налоговой базы регионов Казахстана, пересмотра налоговых льгот и совершенствования системы налогообложения доходов физических лиц как одного из условий повышения устойчивости бюджетной системы [16]. Анализ международной практики также показывает, что сочетание диверсифицированной доходной базы и гибких механизмов межбюджетного регулирования создает предпосылки для укрепления финансовой самостоятельности территорий без нарушения макрофискального баланса [5].

Дискуссия

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что действующая модель межбюджетных отношений в Казахстане сочетает элементы децентрализации с высокой степенью централизации финансовых ресурсов. Такая система обеспечивает относительную устойчивость бюджетного процесса,

однако одновременно ограничивает самостоятельность регионов и сдерживает развитие их финансового потенциала.

Одной из ключевых проблем остается несбалансированность между доходными источниками и объемом переданных расходных полномочий. При ограниченной налоговой базе местные бюджеты вынуждены опираться на межбюджетные трансферты, что формирует устойчивую зависимость от республиканского уровня. В этих условиях стимулы к расширению собственной доходной базы и повышению эффективности бюджетных расходов оказываются ослабленными.

Сложившаяся система межбюджетных трансфертов, выполняя важную функцию выравнивания, в меньшей степени ориентирована на стимулирование экономической активности регионов. Практика распределения средств, основанная преимущественно на расчетных показателях, не всегда учитывает реальные усилия регионов по развитию налогового потенциала. Это снижает заинтересованность местных органов власти в проведении активной экономической политики.

В этих условиях представляется необходимым постепенное расширение доходной базы местных бюджетов. Речь может идти о перераспределении отдельных налоговых поступлений или пересмотре нормативов их зачисления, что позволило бы повысить предсказуемость и устойчивость доходов на региональном уровне. Рекомендации по усилению налоговой самостоятельности регионов соответствуют выводам международных исследований, в которых подчеркивается важность расширения доходных полномочий субнациональных уровней [5; 6]. Важно, чтобы такие изменения носили последовательный характер и сопровождались укреплением бюджетной дисциплины.

Не менее значимым направлением является совершенствование трансфертной политики. Усиление стимулирующей роли межбюджетных трансфертов могло бы способствовать повышению заинтересованности регионов в наращивании собственной доходной базы и более эффективном использовании ресурсов. Включение показателей результативности в систему распределения средств позволило бы связать объем получаемой поддержки с достигнутыми результатами.

Одновременно требуется внимание к институциональным условиям функционирования местных бюджетов. Расширение финансовых возможностей должно сопровождаться развитием механизмов контроля и подотчетности, а также повышением качества бюджетного планирования. Без этого передача дополнительных ресурсов может не привести к ожидаемому росту эффективности.

Отдельного внимания требует проблема межрегиональной дифференциации. Усиление финансовой самостоятельности регионов при отсутствии адекватных механизмов выравнивания может привести к увеличению разрыва в уровне их развития. В связи с этим важно сохранять баланс между расширением автономии и поддержанием целостности бюджетной системы.

Таким образом, повышение финансовой самостоятельности местных бюджетов следует рассматривать не как разовую меру, а как последовательный процесс, требующий согласованных изменений в распределении доходов, трансфертной политике и институциональной организации бюджетного

управления. Только при таком подходе возможно формирование устойчивой системы межбюджетных отношений, способной обеспечить эффективное развитие регионов.

Реализация предлагаемых мер требует поэтапного подхода. На первом этапе целесообразно расширить стимулирующие механизмы межбюджетного регулирования посредством сохранения части сверхплановых налоговых поступлений в распоряжении регионов. На втором этапе возможно совершенствование системы трансфертов за счет увеличения доли блочного финансирования и сокращения числа узкоцелевых трансфертов. На третьем этапе следует обеспечить расширение доходной базы местных бюджетов через совершенствование налогового администрирования и развитие дополнительных источников региональных доходов.

Рекомендации

Результаты проведённого анализа и сопоставление с международной практикой позволяют выделить ряд направлений, способствующих повышению финансовой самостоятельности местных бюджетов в Республике Казахстан.

Одним из ключевых условий является расширение доходной базы регионов. В этой связи представляется целесообразным совершенствование системы налогообложения, в том числе через постепенное введение элементов прогрессивности подоходного налога. Например, повышенную ставку 15% на доходы свыше определённого порога (8000–9000 МРП), что согласуется с рекомендациями Всемирного банка о введении прогрессивности [16]. Установление повышенных ставок для высоких доходов может способствовать увеличению поступлений в бюджеты, не оказывая существенного давления на основную массу налогоплательщиков. Дополнительный потенциал связан с пересмотром подходов к налогообложению имущества и земли, особенно в экономически активных регионах, где наблюдается рост стоимости активов. Одновременно требуется упорядочение налоговых льгот, поскольку их избыточное применение сужает налоговую базу и снижает эффективность фискальной политики.

Не менее важным направлением является совершенствование системы межбюджетных трансфертов. Сохраняя их выравнивающую функцию, целесообразно усилить стимулирующую составляющую. Это может быть достигнуто за счёт увеличения доли средств, предоставляемых без жёсткой целевой привязки, что позволит регионам более гибко реагировать на собственные приоритеты. Одновременно необходимо увязать объемы финансовой поддержки с фактическими результатами регионов, включая динамику собственных доходов и эффективность бюджетных расходов. При этом важно минимизировать практику изъятия дополнительных доходов у донорских регионов, поскольку это снижает стимулы к экономическому развитию.

Перспективным направлением представляется внедрение более гибких подходов к бюджетному планированию. Расширение практики укрупнённого, или «блочного», финансирования позволит регионам самостоятельно определять структуру расходов в рамках выделенных ресурсов. Такой подход способствует более точному учёту локальных потребностей и повышает ответственность за принимаемые решения.

Отдельного внимания требует формирование стимулов к увеличению собственных доходов. Введение механизмов поощрения регионов, демонстриру-

ющих устойчивый рост налоговых поступлений, может повысить заинтересованность местных органов власти в развитии экономической базы. Одновременно важно исключить практику занижения плановых показателей, которая искажает оценку эффективности бюджетной политики.

Расширение финансовых возможностей регионов связано также с развитием дополнительных инструментов привлечения ресурсов. Речь может идти о формировании условий для выпуска региональных облигаций, развитии механизмов государственно-частного партнёрства и привлечении инвестиций в инфраструктурные проекты. При этом необходимо обеспечить надлежащую нормативную базу и систему контроля, чтобы минимизировать финансовые риски.

Наконец, существенную роль играет повышение прозрачности бюджетного процесса. Открытость информации о распределении и использовании межбюджетных трансфертов, а также развитие механизмов финансового контроля способствуют снижению неэффективных расходов и укреплению доверия со стороны общества и бизнеса.

В совокупности указанные меры ориентированы на постепенный переход от модели перераспределения к модели, в которой регионы обладают реальными стимулами и возможностями для наращивания собственной финансовой базы. Реализация такого подхода требует последовательности и учета институциональных ограничений, однако именно он позволяет создать более устойчивую и сбалансированную систему межбюджетных отношений.

Заключение

В условиях ограниченности бюджетных ресурсов на республиканском уровне повышение финансовой самостоятельности регионов приобретает стратегическое значение для устойчивого развития Казахстана. Проведённый анализ показывает, что, несмотря на рост собственных доходов местных бюджетов, их зависимость от межбюджетных трансфертов остается высокой. Это свидетельствует о сохранении структурных ограничений, препятствующих формированию полноценной финансовой автономии на региональном уровне.

Сложившаяся модель межбюджетных отношений обеспечивает выравнивание бюджетной обеспеченности, однако одновременно снижает стимулы к развитию собственной доходной базы и повышению эффективности бюджетной политики на местах. В этих условиях дальнейшее совершенствование системы требует перехода от преимущественно перераспределительных механизмов к более сбалансированной модели, ориентированной на стимулирование экономической активности регионов.

Достижение этой цели связано с необходимостью последовательных изменений в налоговой политике, механизмах межбюджетного регулирования и институциональной организации бюджетного процесса. Расширение доходной базы местных бюджетов, повышение гибкости использования финансовых ресурсов и развитие дополнительных инструментов привлечения инвестиций создают условия для укрепления финансовой устойчивости регионов.

Опыт зарубежных стран и результаты отечественных исследований подтверждают, что повышение финансовой самостоятельности возможно при условии согласованного развития фискальных и институциональных механизмов. Важным является сохранение баланса между расширением автономии регионов и обеспечением целостности бюджетной системы.

Последовательная реализация предложенных направлений позволит сократить зависимость местных бюджетов от трансфертов, повысить их роль в социально-экономическом развитии территорий и создать предпосылки для формирования более устойчивой и эффективной системы межбюджетных отношений.

Список литературы:

1. Министерство финансов Республики Казахстан. Отчет об исполнении местных бюджетов Республики Казахстан за 2025 год [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/details/964016?lang=ru (дата обращения: 13.04.2026).
2. Oates W.E. An Essay on Fiscal Federalism // Journal of Economic Literature. – 1999. – Vol. 37. – No. 3. – P. 1120–1149. – DOI: 10.1257/jel.37.3.1120. – URL: https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jel.37.3.1120 (дата обращения: 13.04.2026).
3. OECD. Decentralisation and Multi-level Governance in Kazakhstan // OECD Public Governance Reviews. – Paris: OECD Publishing, 2017. – DOI: 10.1787/9789264280700-en. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/decentralisation-and-multi-level-governance-in-kazakhstan_9789264280700-en.html (дата обращения: 13.04.2026).
4. Joumard I., Kongsrud P. Fiscal Relations across Government Levels // OECD Economics Department Working Papers. – 2003. – No. 375. – Paris: OECD Publishing. – DOI: 10.1787/455513871742. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/fiscal-relations-across-government-levels_455513871742.html (дата обращения: 13.04.2026).
5. Kim J., Dougherty S. (eds.). Fiscal Decentralisation and Inclusive Growth // OECD Fiscal Federalism Studies. – Paris; Seoul: OECD Publishing; KIPF, 2018. – DOI: 10.1787/9789264302488-en. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/fiscal-decentralisation-and-inclusive-growth_9789264302488-en.html (дата обращения: 13.04.2026).
6. Asian Development Bank. Greater Economic Development in Kazakhstan Through Fiscal Decentralization and Equalization: Report. – Manila: ADB, 2025. – URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/1109281/greater-economic-development-kazakhstan.pdf (дата обращения: 10.04.2026).
7. Бюджетный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]: Кодекс Республики Казахстан от 15 марта 2025 года № 171-VIII. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2500000171 (дата обращения: 11.04.2026).
8. О республиканском бюджете на 2026–2028 годы [Электронный ресурс]: Закон Республики Казахстан от 8 декабря 2025 года № 239-VIII ЗРК. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000239 (дата обращения: 11.04.2026).
9. Umarov A. «Mainstream» of the Past: How Did the Decentralization Reform Take Place in Kazakhstan? [Электронный ресурс] // CABAR Asia. – 2020. – URL: https://cabar.asia/en/mainstream-of-the-past-how-did-the-decentralization-reform-take-place-in-kazakhstan (дата обращения: 13.04.2026).
10. Local self-government reforms in Kazakhstan [Электронный ресурс] // CABAR Asia. – URL: https://cabar.asia/en/kazakhstan-the-visibility-of-local-self-government-reforms-only-multiplies-problems-in-the-regions (дата обращения: 13.04.2026).
11. Zhumashov Y. Vertical and Social Accountability in Kazakhstan // Journal of Eurasian Studies. – 2023. – URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/18793665221129881 (дата обращения: 13.04.2026).
12. Amagoh F. An Examination of Fiscal Decentralization in Kazakhstan // Public Administration and Civil Service. – 2022. – № 2 (81). – С.14–21. – DOI:

10.52123/1994-2370-2022-651.
13. OECD. OECD Public Governance Scan of Kazakhstan: Toward a More Agile, Responsive and Effective Public Administration // OECD Public Governance Reviews. – Paris: OECD Publishing, 2025. – DOI: 10.1787/f8298798-en. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-public-governance-scan-of-kazakhstan_f8298798-en.html (дата обращения: 10.04.2026).
14. Сколько налогов перечислили регионы Казахстана в местные бюджеты [Электронный ресурс] // Казинформ. – 13.08.2025. – URL: https://www.inform.kz/ru/skolko-nalogov-perechislili-regioni-kazahstana-vmestnie-byudzheti-341af4 (дата обращения: 13.04.2026).
15. Регионы Казахстана зарабатывают больше, но остаются зависимыми от центра – депутат Пономарёв [Электронный ресурс] // BES.media. – 23.10.2025. – URL: https://bes.media/news/regioni-kazahstana-zarabativayut-bolshe-no-ostayutsya-zavisimimi-ot-tsentra-deputat-ponomaryov/ (дата обращения: 13.04.2026).
16. World Bank. Kazakhstan: Strengthening Public Finance for Inclusive and Resilient Growth: Public Finance Review. – Washington, DC: World Bank, 2024. – URL: https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/100d75d2-ff5b-4f5f-bea5-eaac09a9b270 (дата обращения: 13.04.2026).
17. Насколько эффективно регионы используют бюджетные средства [Электронный ресурс] // Kapital.kz. – 11.08.2025. – URL: https://kapital.kz/economic/139572/naskolko-effektivno-regiony-ispolzuyut-byudzhetnye-sredstva.html (дата обращения: 13.04.2026).
18. OECD. Fiscal Decentralisation Database [Электронный ресурс] // OECD Public Finance. – URL: https://publicfinance.oecd.org (дата обращения: 13.04.2026).

References:

1. Ministerstvo finansov Respubliki Kazakhstan. Otchet ob ispolnenii mestnyh bjudzhetov Respubliki Kazakhstan za 2025 god [Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan. Report on the execution of local budgets of the Republic of Kazakhstan for 2025]. Available at: https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/documents/details/964016?lang=ru (accessed 13 April 2026).
2. William Oates official faculty page Oates W.E. An Essay on Fiscal Federalism. Journal of Economic Literature. 1999;37(3):1120–1149. DOI: 10.1257/jel.37.3.1120.
3. OECD. Decentralisation and Multi-level Governance in Kazakhstan. OECD Public Governance Reviews. Paris: OECD Publishing; 2017. DOI: 10.1787/9789264280700-en.
4. OECD Joumard I., Kongsrud P. Fiscal Relations across Government Levels. OECD Economics Department Working Papers. 2003;(375). Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/455513871742.
5. OECD Kim J., Dougherty S., eds. Fiscal Decentralisation and Inclusive Growth. OECD Fiscal Federalism Studies. Paris; Seoul: OECD Publishing; KIPF; 2018. DOI: 10.1787/9789264302488-en.
6. Asian Development Bank. Greater Economic Development in Kazakhstan Through Fiscal Decentralization and Equalization. Manila: ADB; 2025. Available at: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/1109281/greater-economic-development-kazakhstan.pdf (accessed 10 April 2026).
7. Bjudzhetnyj kodeks Respubliki Kazakhstan [Budget Code of the Republic of Kazakhstan]: Kodeks Respubliki Kazakhstan ot 15 marta 2025 goda No. 171-VIII. Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2500000171 (accessed 11 April 2026).
8. O respublikanskom bjudzhete na 2026–2028 gody [On the republican budget for 2026–2028]: Zakon Respubliki Kazakhstan ot 8 dekabrja 2025 goda No. 239-

VIII ZRK. Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000239 (accessed 11 April 2026).
9. Umarov A. “Mainstream” of the Past: How Did the Decentralization Reform Take Place in Kazakhstan? [Electronic resource]. CABAR Asia. 2020. Available at: https://cabar.asia/en/mainstream-of-the-past-how-did-the-decentralization-reform-take-place-in-kazakhstan (accessed 13 April 2026).
10. Local Self-Government Reforms in Kazakhstan [Electronic resource]. CABAR Asia. Available at: https://cabar.asia/en/kazakhstan-the-visibility-of-local-self-government-reforms-only-multiplies-problems-in-the-regions (accessed 13 April 2026).
11. Zhumashov Y. Vertical and Social Accountability in Kazakhstan. Journal of Eurasian Studies. 2023. DOI: 10.1177/18793665221129881.
12. Amagoh F. An Examination of Fiscal Decentralization in Kazakhstan. Public Administration and Civil Service. 2022;2(81):14–21. DOI: 10.52123/1994-2370-2022-651.
13. OECD. OECD Public Governance Scan of Kazakhstan: Toward a More Agile, Responsive and Effective Public Administration. OECD Public Governance Reviews. Paris: OECD Publishing; 2025. DOI: 10.1787/f8298798-en.
14. Skol'ko nalogov perechislili regiony Kazakhstana v mestnye bjudzhety [How much tax did Kazakhstan's regions transfer to local budgets?]. Kazinform. 13 Aug 2025. Available at: https://www.inform.kz/ru/skolko-nalogov-perechislili-regioni-kazahstana-vmestnie-byudzheti-341af4 (accessed 13 April 2026).
15. Regiony Kazakhstana zarabatyvajut bol'she, no ostajutsja zavisimymi ot centra – deputat Ponomaryov [Kazakhstan's regions earn more, but remain dependent on the center – Deputy Ponomarev]. BES.media. 23 Oct 2025. Available at: https://bes.media/news/regioni-kazahstana-zarabativayut-bolshe-no-ostayutsya-zavisimimi-ot-tsentra-deputat-ponomaryov/ (accessed 13 April 2026).
16. World Bank. Kazakhstan: Strengthening Public Finance for Inclusive and Resilient Growth: Public Finance Review. Washington, DC: World Bank; 2024. Available at: https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/100d75d2-ff5b-4f5f-bea5-eaac09a9b270 (accessed 13 April 2026).
17. Naskol'ko effektivno regiony ispol'zujut bjudzhetnye sredstva [How effectively do regions use budget funds?]. Kapital.kz. 11 Aug 2025. Available at: https://kapital.kz/economic/139572/naskolko-effektivno-regiony-ispolzuyut-byudzhetnye-sredstva.html (accessed 13 April 2026).
18. OECD Public Finance. Fiscal Decentralisation Database [Electronic resource]. Available at: https://publicfinance.oecd.org (accessed 13 April 2026).

Материал поступил в редакцию 14.05.2026
Утвержден к публикации 18.06.2026